

ლიტერატურა

გეოგრაფია

7

1977

Г И М Н

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана.
Музыка А. В. Александрова.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

7
ИЮЛЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქართველთა მწიგნობართა კავშირის სახელმძღვანელო
და საზოგადოებრივი-კულტურული მუშაკთა

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 7

ივლისი 1977 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი მწიგნობართა კავშირის ორგანო

*Издается
с июня 1957 года*

Главный редактор

ГУРАМ АСАТИАНИ

Редакционная

коллегия:

- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**
- Гиви ЖЕАНИЯ,**
- Марк ЗЛАТКИН,**
- Исидор КОЗАЕВ,**
- Георгий ЛОМИДZE,**
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,**
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**
- Гурам ХАРАИДZE**
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ**
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН,**
- Георгий ЦИЦИШВИЛИ.**

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

- Приемная — 99-06-59
- Главный редактор — 93-65-15
- Заместитель главного редактора — 93-13-57
- Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

- Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
- Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
- Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. Величайший документ нашей эпохи 4

ПОЭЗИЯ

ГЕОРГИИ ЛЕОНИДЗЕ. Как в Каспийской воде изнывает лось...». Перевод Беллы Ахмадулиной. Читая «Картлис цховреба». Нине Чавчавадзе. Перевод Михаила Синельникова 6

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Память. «Я сам не знаю, что со мной творится...». Перевод Беллы Ахмадулиной 7

ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Первый день осени. Сон. Бессонница. Белое поле. Комната. «Бог памяти, бог забыванья!..». Перевод Беллы Ахмадулиной 7

ПРОЗА

ЭДИШЕР КИПИАНИ. Вся твоя жизнь. Рассказ. Перевод Анаиды Беставашвили 10

ТЕНГИЗ ГОГОЛАДЗЕ. Свет добра. Повесть. Окончание. Перевод Лианы Татишвили 17

ГУРАМ ХАРАИДЗЕ. Повесть о моем предке. Перевод Виктории Зининой 35

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Великий Октябрь и грузинская литература. 51

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Книга поисков и раздумий 60

К 140-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе 65

Трибуна писателя

САРГИС ЦАИШВИЛИ. Возродим прекрасный горный край 72

НАУКА

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины 76

ИСКУССТВО

МИХАИЛ БАРАНОВ. Грани таланта 82

В МИРЕ КНИГ

НОДАР ПОРАКИШВИЛИ. Приобщение к Грузии 86

ДЕНИС ЧАЧХАЛИА. Продолжение встречи 89

ЭДУАРД ГУФЕЛЬД. Ранний восход. Очерк 91

ХРОНИКА 95

Величайший

КАЖДАЯ конституция, какому бы народу и времени она ни принадлежала, является основным законом и первейшим государственным документом, в котором отражено общественное устройство данной страны. Каждая конституция — это свод основных законоположений, обуславливающих работу государственного аппарата и избирательную систему, утверждающих права и обязанности граждан, краеугольные положения законодательства страны.

Нашей социалистической Родине всего 60 лет, но за эти годы мы прошли путь, равный столетиям. Построен развитый социализм, достигнута новая ступень социального прогресса.

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. — Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив».

Жизнь вызвала необходимость принять новую Конституцию СССР, зафиксировать в этом основополагающем документе Советской страны требования нашей эпохи, отразить величайшие завоевания народа.

Как отмечалось в докладе первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе и в выступлениях участников VI пленума Центрального Комитета Компартии Грузии, обсудившего проект Конституции СССР, признание и закрепление в конституционном порядке таких всемирно-исторических явлений, как перерастание общества победившего социализма в общество развитого социализма, превращение государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, возникновение новой исторической общности людей — советского народа, превращение Коммунистической партии Советского Союза, партии рабочего класса в партию всего народа, Советов депутатов трудящихся — в Советы народных депутатов, дальнейшее совершенствование социалистических общественных отношений и их постепенное перерастание в коммунистические, воспитание нового человека — строителя коммунизма, усиление социально-классовой однородности общества и многое другое, нашло достойное и закономерное отражение в проекте новой Конституции СССР, которая оставит неизгладимый след в истории.

Как подчеркнул в своем докладе на майском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, этот документ воистину является

ДОКУМЕНТ НАШЕЙ ЭПОХИ

великой хартией гуманизма и демократизма. «Проведение в жизнь новой Конституции, — отмечал он, — будет иметь огромное значение для развития нашей страны, для укрепления позиций сил социализма, мира и прогресса на международной арене». Он особо выделил мысль, что «главное направление того нового, что содержит проект, — это расширение и углубление социалистической демократии».

Принимая участие в обсуждении проекта новой Конституции СССР, грузинские писатели выражают уверенность в том, что разработанный по инициативе, под непосредственным руководством и при активном участии мудрого рулевого страны — Коммунистической партии Советского Союза Основной Закон нашей жизни явится полным и глубоким отражением главных требований и нужд развитого социалистического государства.

В этой связи хотелось бы остановиться на прокламированном проектом Конституции СССР равноправии национальных языков. Об этом тоже четко говорилось в выступлениях на июньском пленуме ЦК Компартии Грузии. Подчеркивалось, что на Кавказе до Великой Октябрьской социалистической революции жили многие малочисленные по составу и отсталые в культурном отношении народы. Советское государство создало все условия, чтобы они сразу же пошли в ногу с народами, имеющими богатые культурные традиции, чтоб они не только не забыли свой язык, но и развили его дальше, даже получили свою письменность. На пленуме шла речь и о том, что Советское государство придало новые жизненные силы и таким языкам, которые имели тысячелетнюю традицию письменности и древние литературные памятники.

Ярким образцом этого является грузинский язык. Никогда прежде не имел он возможности для столь широкого и блестящего развития, как сегодня, никогда не был таким образным и богатым. Сегодня грузинский язык является предметом государственной заботы. Создана специальная республиканская комиссия при Совете Министров республики по выработке норм грузинского литературного языка, в состав которой входят видные деятели грузинской науки и культуры, литераторы, языковеды.

Приведенные положения, вытекающие из великого исторического документа — Основного Закона страны, — особенно близки, понятны и дороги грузинским писателям. Убежденные в том, что новая Конституция СССР явится гигантским шагом в сторону дальнейшего общественно-политического усовершенствования нашего родного социалистического государства, в сторону утверждения эпохальных перемен нашего времени, художники слова единодушны в мнении, что эта великая хартия поможет им в покорении тех высот, к которым под водительством ленинской партии устремляется наше социалистическое Отечество.

Секретарь Союза писателей Грузии
Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Как в Каспийской воде изнывает
 лосось,
 на камнях добывает ушибы и раны
 и тоскует о том, что кипело, неслось,
 и туманилось, и называлось: Арагви, —
 так тянусь я к тебе, о возлюбленный
 край!
 Отчий край, приюти в твоём блещущем
 русле
 мою душу — вместилище скорби и ран.
 Помещусь ли я в искре твоей,
 помещусь ли?

Перевод Беллы АХМАДУЛИНОЙ

Читая „Картлис цховреба“

Над летописью до рассвета
 Не сплю и вижу, город мой,
 Как жгли тебя за летом лето,
 Кропили краской кровяной.

В ночь выбегу — и лет за двести
 Гул битвы отлетит. Пойму,
 Что все дома твои на месте,
 Я рад покою твоему.

Хлебам, чье тесто захмелело,
 И стройкам там, где город рос,
 И розам алым Табахмела,
 И женщинам, достойным роз.

Нине Чавчавадзе

Ты угасла звездой прекрасной,
 Но и мне посылаешь свой свет,
 Значит, время старалось напрасно,
 И забвенья, и старости нет.
 Ты жива, и певцы твои живы,
 Все, кто были тобой пленены,
 Ты была их надеждой нелживой
 И прибежищем вечной весны.
 Так ясна красота и в могиле,
 Все иное — из области мглы.
 Давят глыбы земли, а ведь были
 Даже розы тебе тяжелы,
 Век прошел, но лишь очи прищурю:
 Вспыхнет лик ослепительный твой.
 Юной прелести нежная буря,
 Ты бушуешь всегда надо мной.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Григол АБАШИДЗЕ

Память

В час, когда осень щедра на дожди
и лихорадка осину колотит,
глянешь — а детство блесит позади
кроткой луною, упавшей в колодез.

Кажется — вовсе цела и ясна
жизнь, что была же когда-то моею.
Хрупкий узор дорогого лица
время сносило, как будто монету.

Мой — только памяти пристальный свет,
дар обладания тем, чего нет.

Я сам не знаю, что со мной творится:
другой красы душа не понимает,
и холм чужбины в зрении двоится,
и Грузию мою напоминает.

Ее свеча восходит солнцем малым
среди звезд и лун, при ветреной погоде.
Есть похвала тому, что изумляет:
о, как это на Грузию похоже.

Природе только слово соразмерно.
Смотрю, от обожания немею
и все, что в этом мире несравненно,
я сравниваю с Грузией моею.

Перевод Беллы АХМАДУЛИНОЙ

Отар ЧИЛАДЗЕ

Первый день осени

Я вижу день и даже вижу взор,
которым я недвижно и в упор
гляжу на все, на что гляжу сейчас,
что ныне — явь, а будет — память
глаз,
на все, что я хвалил и проклинал,
пока любил и слезы проливал.

Покуда августовская листва
горит в огне сентябрьского костра,
я отвергаю этот мед иль яд,
для всех неотвратимый, говорят,
и предвкушаю этот яд иль мед.
А жизнь моя еще идет, идет...

1963

С о н

Земля мерещится иль есть.
Что с ней? Она бела от снега.
Где ты? Все остальное есть.
Вот ночь — для тьмы, фонарь —
для света.
Вот я — для твоего суда,
бевропотно, бесповоротно.

Вот голос твой. — Как он сюда
явился, боже и природа?
Луна, оставшись начеку,
циклопов взор втесняет в щелку.
Я в комнату ее влеку,
и ты на ней покоишь щеку.

1967

Бессонница

Было темно. Я взгляделся: лишь это
и было.
Зримым отсутствием неба я счел бы
незримость небес,
если бы в них не разверзлась, белесая
щель,—
вялое облако втиснулось в эту
ловушку.
Значит, светает... Весь черный и в
черном циркач
вновь покидает арену для темных
кулис.
Белому в белом — иные готовы
подмостики.
Я ощущал в себе власть приневолить
твой слух
внять моей речи и этим твой сон
озадачить,
мысль обо мне привнести
в бессознание твоё, —
но предварительно намеревался
покинуть
эти тяжелые и одноцветные стены.
Так я по улицам шел, не избрав
направленья,
и злодеянье свое совершал
добродетельный свет,
не почитавший останков погубленной
ночи:
вот они — там или сям, где лежат,
где висят —
разъединенной, растерзанной плотью
дракона.
Лужи у ног моих были багрового
цвета.
Утренней сырости белые мокрые руки
терли лицо мое, мысли стирая со
лба,

и пустота заменила мне бремя
рассудка.
Освобожденный от помыслов и
ощущений,
я беспрепятственно вышел из
призрачных стен
города, памяти и моего существа.
Небо вернулось, и в небо вернулаеь
вершина —
из темноты, из отлучки.
При виде меня
тысячу раз облака изменились в лице.
Я был им ровня и вовсе от них
не отличен.
Пуст и свободен, я облаком шел
к облакам,
нет, как они, я был движим стороннею
волей:
нес мое чучело вдаль неизвестный
носильщик.
Я испугался бессмысленной этой
ходьбы:
нет ли в ней смысла ухода от бледных
ночей,
надобных мне для страстей, для
надежд и страданий,
для созерцанья луны, для терпенья и
мук,
свет возжигающих в тайных укрытьях
души.
Я обернулся на стены всего, что
покинул.
Там — меня не было. И в небеса
посылала,
в честь бесконечности, дым заводская
труба.

1967

Белое поле

Я крепко спал при дереве в окне
и знал, что тень его дрожащей
ветви —
и есть мой сон. Поверх тебя во сне
смотрели мои сомкнутые веки.
Я мучился без твоего лица!
В нем ни одна черта не прояснилась.
Не подлежала ты обзору сна
и ты не снилась мне. Мне вот что
снилось:
на белом поле стояли кони,
покачиваясь, качали поле.
И все раскачивалось в природе.
Качанье знают точно такое
шары, привязанные к неволе,
а также водоросли на свободе.
Свет иссякал. Смеркались небеса.
Твой облик ускользал от очевидца.

Попав в силки безвыходного сна,
до разрыванья сердца пела птица.
Шла женщина — не ты! — прямая
траву
ступнями, да, но почему твоими?
И так она звалась, как наяву
зовут одну тебя. О, твое имя!
На лестнице неведомых чужбин,
чей темный свод угрюм и непробуден,
непоправимо одинок я был,
то близорук, то вовсе слеп и скуден.
На каменном полу души моей
стояла ты — безгласна, безымянна,
как тень во тьме иль камень меж
камней.
Моя душа тебя не узнавала.

1967

К о м н а т а

Поступок неба — снегопад.
Поступок женщины — рыданье.
Капризов двух и двух услад —
вот совпаденье и свиданье.

Снег, осыпаясь с дальних лун,
похож на плач, и сходство это
тревожит непроглядный ум
и душу темную предмета.

Слеза содеяна зрачком,
но плач — занятие губ и тела.
Земля и женщина ничком
лежали, и метель летела.

1966

Бог памяти, бог забыванья!
Ожог вчерашнего пыланья
залечен вечностью слепую.
И та, чьего лица не помню,
была ль, покуда не ушла?

Но все надеется душа,
зияя ящиком Пандоры,
на повторенья и повторы.

1968

Перевод Беллы АХМАДУЛИНОЙ

ВСЯ ТВОЯ ЖИЗНЬ

● Рассказ

ЧЕЛОВЕКУ свойственно делиться с окружающими своими чувствами, тем более радостью. Он спешит познакомиться со своим знакомым, человеком возвышенной души, с прочитанной хорошей книгой... Таким человеком и автором хороших книг был рано ушедший от нас Эдишер Кипиани. Сегодня «Литературная Грузия» публикует его рассказ «Вся твоя жизнь».

В свое время в нашем журнале печатались и его рассказы, и роман «Красные облака». Посчастливилось Эдишеру увидеть перевод своего романа «Шапка, закинутая в небо» и на страницах журнала «Юность».

Задуманные, лиричные, полные любви к человеку рассказы и романы Эдишера Кипиани принадлежат к лучшим произведениям современной грузинской прозы.

Нельзя сказать, что рассказ «Вся твоя жизнь» является наиболее характерным для творчества Кипиани, но в нем явственно ощущаются особенности его стиля. Мысль о том, что человек всей своей жизнью должен подтверждать принадлежность к своей стране, к своему народу, может быть, прозвучала бы патетически, но преподнесенная в рассказе просто, спокойно, без претензий, в оригинальном контексте приобретает интимное звучание.

СКВОЗЬ кусты кто-то пробирался. Яго обернулся, застыл и только расширившиеся глаза шарили поверх густой зелени над обрывом — в поисках постороннего цвета, цвета движущегося живого существа. Так и есть — раздалось мычание.

Из кустов выбрался бычок — светло-коричневый, с медовым отливом — и уставился на человека блестящими глазами, с белками, как круглые влажные камушки. На черной губе — след пены. Постепенно гасло в его глазах любопытство — влажные камушки обсыхали. Потом он опустил голову, с облегчением выдохнул воздух в землю и принялся щипать траву.

Яго, насвистывая, полез дальше в гору, но сердце все-таки билось учащенно и никак не успокаивалось.

Тропинка вилась вдоль оврага — перескакивая с одного склона на другой. Почва в овраге была красноватой, и из деревни он казался ржавым рубцом на Мцхетисджварской горе. Из деревни и овраг, и кусты, да и сама гора казались низкими, маленькими. А вот Яго уже бог знает сколько времени взбирается по красному склону. Давно уже село скрылось из глаз, а развалин крепости и церкви все не видно. Вокруг горы, вернее, гора сейчас только впереди, та самая, на которую он карабкается. Когда дно оврага вдруг вспузырится и выкинет наверх тропинку — тогда станут видны холмы, оставшиеся позади. А над головой — синее бездонное небо, кажущееся еще глубже и ярче сквозь белые-белые взбитые облака.

Только тропинка, вечно остающаяся позади и вечно бегущая вперед, напоминает о том, что до него здесь проходил человек, до него и после того обвала, который и образовал между гор овраг.

И чего он так испугался? Все эти деревенские виноваты. Вчера они помо-

гали тете Тасо ограду ставить — прошлым летом сорванцы-ребятишки ни яб-лок, ни огурцов не оставили! Поэтому тетя Тасо и огородила двор, а после уст-роила соседям ужин. Маринованный чеснок, хлеб, выпеченный в тоне, вареный картофель и наливка — мятная, домашняя. По ту сторону реки корову зарезали, и тетя Тасо купила для гостей три кило мяса.

Вот на это торжество и подоспел Яго — привез жену и детей на лето. Обрадовалась тетя Тасо, торжественно представила гостям зятя — сотрудника редакции. Усталые после работы крестьяне поднимались на ноги, вытирали бумажными салфетками рты и потом почтительно пожимали руку гостю из города.

Яго привозил сюда семью три года назад. Тогда деревня ему очень понравилась; так же как и сейчас, у него оставался один свободный день, и он обошел полуразрушенные крепости, стоявшие на холмах, и маленькую старинную церковь, украшенную резным орнаментом. Он раз десять обошел вокруг церкви, надеясь обнаружить какую-нибудь надпись. Ведь деревня далеко от большой дороги, и, может, историки даже не знают о существовании церкви.

Церковь с трех сторон была окружена горами, она стояла над обрывом на крутой горке, и только с юга к ней можно было подступиться. Церковь казалась такой одинокой на этом оголенном месте, отбрасывала такую густую тень на выжженную землю, что казалось, будто солнце только для этой церквушки и светит, а церковь только затем и выросла из земли, чтобы отражать солнце.

Может, именно эта мысль и была источником той идеи, которая зародилась у Яго.

На южной стене, у входа, на цельном камне было высечено два круга. Из центра кругов веером расходились лучи. Яго зачем-то сосчитал — в правом круге было двенадцать лучей, в левом — тринадцать. Поскольку все это было помещено на южной стене и поскольку солнце отбрасывало тень в орнаменте, он вспомнил солнечные часы.

А от часов воспоминания перешли к книге, посвященной различным календарям древности, которую он недавно прочел. Сознание его само по себе сопоставило, казалось бы, несовместимые вещи — в книге рассказывалось о халдейских астрономах, которые в шестом веке до нашей эры создали очень остроумный календарь. Каждый месяц по этому календарю начинался с новолуния, первый день года совпадал с весенним праздником — разливом Тигра и Евфрата. Но у системы был и недостаток — жрецы были вынуждены изменить святой дюжине, ибо к некоторым годам приходилось прибавлять тринадцатый месяц.

Вспомнил Яго, что грузинское слово «каникулы» (ардагеги) буквально означает солнцестояние, которое начиналось 20 июля, а 20 июля в церкви Элиа народ справлял праздник. Элиа был языческим божеством у грузин — богом дождя и засухи...

Вспомнилось вдруг и где-то вычитанное или услышанное: в халдейских надписях солнце называлось «арди».

Так, может быть, эти круги с двенадцатью и тринадцатью лучами, высеченными на красном камне, — остаток халдейского календаря? Может, древние грузины переняли его у халдеев? Или, сами происходя от них, принесли с собой на новые земли и календарь? Сколько важных выводов можно будет сделать, если предположение его окажется верным.

«Похуже, я действительно что-то обнаружил», — подумал тогда Яго.

Сгорая от нетерпения, добрался он до Тбилиси и отправил письмо профессору Бершвили, большому знатоку древнего искусства. Наконец пришел долгожданный ответ. Это обычная асимметрия, писал профессор, характерная для грузинского зодчества. Старые зодчие были скорее творцами, нежели ремесленниками, они никогда не подсчитывали заранее, сколько должно быть лучей в таком орнаменте, который вы видели.

Но самому Яго идея его казалась настолько правдоподобной, что он не поверил профессору, решил, что недостаточно толково объяснил ему все в письме, и продолжал мечтать, что когда-нибудь вся Грузия заговорит о новом открытии...

Потом он связался с профессором по телефону, почтительно напомнил о себе и о своем письме и попросил уделить ему «буквально пару минут».

Об этой «двухминутной встрече» Яго потом думал добрых два месяца. Беседа с профессором убедила его в том, что он ничего не знает, имеет весьма поверхностное представление об истории и искусстве. Прошрое в его представлении было хаосом, из которого вдруг выходящим оазисом выплывал какой-нибудь факт. Знания профессора смутили Яго — ум ученого смело проникал в толщу веков, буравя слой за слоем и выбрасывая наверх обработанный материал, удобный для восприятия таких людей, как Яго.

Пристыженный Яго поклялся себе никогда больше так не срамиться.

Вчера за столом у тети Тасо один из крестьян, помоложе, неожиданно спросил у него: что это он зарисовывал в прошлый свой приезд возле церкви? Вопрос этот так удивил Яго, что он даже не сразу нашелся с ответом. Ему казалось, что дальние прогулки его оставались незамеченными. Вопрос напомнил ему о тех прекрасных минутах, когда ему мнилось, что он открыл что-то значительное. Даже сейчас екнуло сердце и мелькнула хоть слабая, но все же надежда.

— А на Мцхетгиджвари вы не поднимались? — спросили крестьяне.

— Нет, а где это?

— Вот завтра, если будет время, проведем вас туда. Там церквушка маленькая с орнаментами.

— Да никаких там орнаментов нету, — заспорил крестьянин помоложе.

— Я один пойду, вы только дорогу укажите, — вмешался Яго.

— Одному идти опасно, в прошлую зиму там медведь задрал Сандро Тигашвили.

— Эх, бедняга, детей его так жалко — я было глаза все выплакала, — выдохнула тетя Тасо...

Вот и показался ему бычок лесным хищником. Бессознательно он пытался найти хоть какой-нибудь след человека: спичечную коробку, окурок, просто обрывок бумаги. Но кроме переплетенных корней, свисающих с обрыва, и розовых юрких ящериц, скользящих по красным камням, вокруг ничего не было. Из кустов то и дело раздавалось шелканье дроздов. Один пролетел так близко, что взмахом крыльев всколыхнул воздух возле самого лица Яго. Потом опять воцарилась тишина. Она раскинулась в овраге, окутала холмы и распространила владычество свое на самое небо, и трудно было посягнуть на этот покой, трудно воспротивиться молчанию. На всякий неосторожный вздох тишина отзывалась мгновенно, стремительно опускалась с неба, сбегалась со всех сторон, сканливалась там, где раздавался шум, чтобы немедленно уничтожить его, не дать ему возможности повториться, распространиться.

Яго воровски измерял каждый свой шаг и при малейшем шорохе воровски же затаивался, словно было их двое: один шумел, а второй настораживался при этом.

Внезапно тропинка оборвалась, как будто растерялась, не зная, куда свернуть.

Яго поднял голову, и в лицо ему ударил сырой прохладный воздух. За последним кустом устремлялось в небо высокое дерево, за ним другое. Яго прищурился, словно пытаясь разглядеть то, что до сих пор оставалось невидимым, а теперь уточнило свои очертания, проявилось, — глубину темнеющего леса, огромные дубы, растущие здесь с незапамятных времен, один к одному, и никаких других деревьев, кустов, стеблей между ними. Могучие, прямые стволы и тесно переплетенные вверху ветви создавали как бы свод огромной темной пещеры.

Яго осторожно ступил на плотный упругий ковер из почерневших гниющих листьев и сучьев, и ему показалось, что стало еще темнее. Там и сям валялись ветви, сорвавшиеся с дерева, наверное, под собственной тяжестью, или с корнем вырванные из земли стволы. Когда глаза его постепенно привыкли к темноте, он заметил, как лес вырос, распахнулся и разбежался во все стороны — глазом не охватить.

Привольно жились деревьям в этом лесу. Как будто собрались они сюда со всех концов света, чтобы провести здесь последние годы жизни своей. И здесь же умереть.

Сверстники, они и ростом были один к одному, вместе тянулись к небу, вместе одновременно раскидывали кроны. Никогда не видел Яго такого просторного и вместе с тем густого леса. До высоты семи-восьми саженей никакие сучья не нарушали стройной гладкости стволов, а там, выше, раскидывались ветви, густела буйная листва и смыкалась над головой непроницаемым кровом.

Деревья стояли молча и вниз не глядели, словно раз и навсегда удивившись чему-то, словно позабыв шелест, шорох или заставив себя забыть все, чтобы внимать этой великой тишине. А теперь, в старости, они, наверно, и не помнят, чему удивились когда-то и ради чего хранят эту могильную тишину.

Яго повернулся в сторону села, спиной к лесу, в глаза ударил свет, показались вдаль кусты, отсюда похожие на сказочных гномов. Тропинку, по которой он вошел в чащу, уже едва видно. Дорогу назад найти будет не просто — лес везде одинаковый, и среди этих схожих, как близнецы, деревьев — равной высоты, равной толщины — легко заблудиться. Наверное, сюда ведут тропинки из других сел, попробуй угадай, которая твоя.

Яго достал пачку сигарет, высыпал сигареты в карман, а пустую красную картонку положил у начала тропинки и прижал к земле палочкой, чтобы ветром не унесло, и ступил опять под сень дубов. В этом лесу, куда, казалось, еще никог-

да не ступала нога человека, у подножья немых гигантов эта красная коробка была неуместной, противоречила смыслу и содержанию леса, нарушала гармонию, не вязалась с окружением..

Яго был весь напряжен, ежеминутно ждал какой-нибудь неожиданности, вскрика птицы, нападения, появления какого-нибудь невиданного зверя.

Чем-то обеспокоенный, Яго оглянулся назад. Красной картонки, конечно, не было видно. Он долго оглядывал пройденный путь, выбирая, что бы еще запомнить, чтобы потом не заблудиться.

Старый дуб с надломленным посередине стволом в полупадении оперся на ветви другого дуба, пониже, и остался стоять, спасенный другом от верной гибели. Вот их-то, эти дубы, он и постарается заметить.

Только вдохнул острый запах грибов, как почувствовал, что правая нога провалилась куда-то по колено. Он упал, потом поднялся, с трудом высвободив ногу. Как ни странно, ботинок и брюки не выпачкались. Наверное, он угодил в нору какого-нибудь мелкого зверя.

Он шел долго. Несколько раз его тянуло отдохнуть, но за каждым поворотом открывалось новое пространство и звало все дальше и дальше.

Дорога незаметно стала пологой. Яго шел по самому хребту горы. Ноги, отяжелевшие от борьбы с подъемом, теперь легко несли его вперед.

Далеко между деревьями он заметил маленькую церквушку, даже не увидел, а ощутил. Ему показалось, что кто-то пристально на него смотрит, и он обернулся к церкви.

Это всеми забытое строение, смирившееся с видом деревьев и сучьев, казалось, узнало создателя своего — человека и робко окликнуло его.

Церковь и в самом деле была на диво миниатюрна. Яго обошел вокруг нее, потом с трудом пролез в низкую дверь. Три летучих мыши свисали с потолка. Нигде никакой надписи. И орнаментом не побаловали строители эту церковь. Яго зажег спичку, осмотрел стены и потолок — ничего, кроме собственной тени. Он вышел наружу и решил проверить каждый камень: может, эти два круга стерлись и потому незаметны.

В нем все еще жила надежда найти на стене орнаменты с двенадцатью и тринадцатью лучами, доказать свою правоту, удивить профессора Берншвили..

Но что это?

К нему подходил человек. Слово из-под земли вырос, шел угрюмо, глаз с него не сводил.

Пожалуй, появление зверя так не испугало бы Яго, как этот человек. Он действительно походил на привидение. В одной руке он держал ружье дулом вниз. Шел прямо — как стрела летит — и никуда от этой стрелы не уклониться, не спрятаться.

Яго даже сделал было шаг навстречу, словно он подчинил его и притянул к себе, но вдруг остановился и стал беспечно разглядывать деревья.

А незнакомец, казалось, торопился дойти до той границы, откуда сможет окликнуть его, а пока с трудом сдерживал клокоучище в горле слова. Но вот он близко, совсем близко. Но молчит. Лет ему под шестьдесят, лицо мрачное, небритое, выгоревшие штаны и рубашка. Он не сводил с Яго пронзительных серых глаз.

— Откуда? — вопрос был отрывистый и грубый, как удар.

Обида и раздражение охватили Яго:

— Из Грузии, представьте себе.

Ответ был не очень дерзкий, но насмешливый, и, главное, он усиливал подозрения, которые Яго угадал в прищельце и которые больше всего обидели его. Поэтому он и ответил так пренебрежительно.

Незнакомец презрительно выпятил нижнюю губу и без всякого стеснения стал его оглядывать. Яго невольно сам кинул взгляд на свою клетчатую ковбойку с торчащими из кармана темными очками.

Незнакомец сунул голову в узкую дверь церквушки и, быстро вытащив ее обратно, установил в лесную чащу, словно искал кого-то или что-то. Потом он во весь свой рост вытянулся возле Яго, поигрывая дустволкой. Яго показалось, что он волнуется.

— Значит, из Грузии? — он криво улыбнулся. — Прекрасно... Тогда скажи, в каком мы сейчас районе? — он как будто хотел запутать, смутить Яго.

— Мы... в Цхинвальском, наверное, — развел руками Яго.

— Наверно?.. Почему наверно? — человек расставил ноги и поднял ружье повыше.

— Не знаю, может, эта гора и не относится к Цхинвальскому району.

Яго старался говорить спокойно и все надеялся поймать в глазах незнакомого хоть тень улыбки, которая бы свидетельствовала о том, что тот понял свою ошибку.

«Он меня за этого самого... принял, — мелькнуло у Яго, — он думает, что я, ну, этот... как его...».

— Что ты здесь делал?

— Пришел церковью полюбоваться. Мне сказали..

— Кто сказал?

— Там, в деревне сказали.

— В какой деревне?

— В Эр... Эредви, — почему-то запнувшись, ответил Яго.

— А ну, повтори, — испытующе склонил голову старик.

— Эредви, — четко выговорил Яго.

«Он что, действительно думает, что я...».

— Как же ты поднялся сюда без оружия? Сюда герои почище твоего и те в одиночку не суются, — и вдруг он закричал: — Отвечай, куда спрятал оружие?!

Яго почувствовал, как у него лицо отяжелело от прилива крови.

— Вы... Вы за кого меня принимаете?

— За того, кто ты есть... Где ты учился? Где тебя научили грузинскому?

— Там же, где и вас. Уберите ружье...

Яго побледнел. Конечно, обидно, что его приняли за шпиона, перешедшего границу. Но самое обидное — как же он, этот старик, не признал в нем своего, грузина, в нем, потомственном тбилисце.

— На кого же я похож?

— Имя как твое, фамилия? — старик вел себя как на настоящем допросе.

Два серых глаза настороженно следили за малейшим изменением в лице Яго. Яго хотел было назваться, объяснить, что сюда он привез на лето жену и детей. Старик, небось, тетю Тасо знает... Показать служебное удостоверение, перечислить, в конце концов, города и села Грузии, ответить, как в колхозе трудодни платят. Наверное, этот человек лесник. Пожалуйста, он может рассказать, как в позапрошлом году в этом лесу медведь задрал Сандро Тигашвили. Старик, конечно, успокоится, извинится, но Яго почему-то не хотел оправдываться таким образом. Он заранее чувствовал, что от этого останется в душе неприятный осадок. Но как же по-другому? Что сказать? Он не знал. Не знал и впервые задумался всерьез над тем, как доказать, что ты свой, здешний, родился и вырос на этой земле, верен ей... Смешно, право. Приходится доказывать, что ты — это ты, что твоя родина — это твоя родина. Доказывать это с помощью перечисления сел и городов или доставая редакционное удостоверение личности — унизительно. Надо найти что-то другое, какое-то слово, может — мудреное, а может, напротив, — простое, но верное, точное. И не словом, а действием подтвердить правду, простым взглядом, движением, которое скажет старику больше, нежели тысяча слов...

Яго громко рассмеялся. Это походило на интересную игру «в шпионов и пограничников», предложенную стариком.

Игра всерьез, без смеха. И тут как раз он и рассмеялся.

— Что, придумать себе фамилию не можешь?!

Яго поглядел на лесника. Теперь он ни во что не ставил направленное на него дуло.

— Придумал.. Но не скажу!

— Почему это?

— Потому что это все глупости, неужели вы до сих пор не поняли, что я здешний, свой..

— Не похож ты что-то на здешнего...

— А как ваша фамилия?

— Это ты узнаешь, когда я доставлю тебя куда следует.

Яго почувствовал, что начинает выходить из себя.

— Если вы серьезно сомневаетесь, — у него пересохло в горле, — спросите что-нибудь такое, чтобы убедиться — враг я или друг.

Ему действительно хотелось, чтобы лесник придумал такой вопрос.

— Такого вопроса не существует, — твердо проговорил старик. — Тогда все было бы просто на свете.

— Тогда допрашивайте меня, как по-вашему следует.

— А я и допрашиваю, — многозначительно улыбнулся старик. — Давай говори имя свое и фамилию.

Яго отер пот со лба ладонью и заметил, как старик опять насторожился.

— Зовут меня Яго, фамилия Вашакидзе.

— Где живешь?

— В Тбилиси.

— На какой улице?
 — Дзвеладе, 61... — Яго понял, что старик задает, по его мнению, самые коварные вопросы.

— Где работаешь?
 — В редакции вечерней газеты, где на четвертой странице объявления о смерти... Знаете такую? Вот вашего Сандро когда задрал медведь, наверно, у нас объявление было: «безутешные родственники извещают...» — Яго вдруг почувствовал к себе отвращение.

«И все-таки получилось по-детски, — подумал он, — глупо».
 Теперь злость его обернулась против старика... Какое он, собственно говоря, имеет право так унижать Яго своими дурацкими вопросами. Никому и никогда еще не приходилось доказывать такой глупости... Абсолютная глупость... Этот старик с ружьем в руках требует от него подтверждений доказательств, а сам не знает, какие они должны быть, эти доказательства!.

Лесник поджал губы, глаза его сделались еще подозрительнее, и он указал дулом в сторону:

— Ступай вперед! Остальное там расскажешь.
 Яго охватило неодолимое азартное желание отомстить, жестоко высмеять подозрительного старика. Но пока единственный способ выразить свое пренебрежение к его приставаниям — не обращать внимания.

Да, действительно, ни во что его не ставить.
 Яго высоко поднял голову и как ни в чем не бывало уставился на стену церквушки, даже повернулся и подошел к ней ближе — якобы разглядеть полуще.

— Я сказал, ступай вперед! — в голос старика вкрались нотки удивления. Яго как будто не слышал, медленно и спокойно брел вдоль стены.

— Стой! — закричал лесник.
 Яго задыхался от желания удовлетворить свое оскорбленное самолюбие. И чем больше выходил из себя старик, тем упрямее он твердил про себя: «Пуэ-кай! А мне плевать!».

Он даже достал из кармана карандаш и записную книжку: то на церковь взглянет, то в книжку уткнется, будто бы записывает что-то. Прошел вдоль одной стены и завернул за угол.

— Стой! Стрелять буду! — в голосе старика слышалась угроза.
 Яго стал напевать, хотя голос и дрожал немного, но так, только так можно сломить этого одержимого старика.

И вдруг взорвался весь мир, обрушилось небо, тугая волна воздуха едва не сбила Яго с ног. И лесу понадобилось немало времени, чтобы поглотить, растворить в себе гулкое эхо.

Яго, побелев лицом, прислонился к стене. Лесник вцепился ему в плечо и не отпустил, в левой руке он держал ружье — один из курков был спущен...

— Ты куда?
 Яго удивленно смотрел на старика, вернее не смотрел, а рассматривал, словно какую-нибудь диковинку.

— Куда ты бежал?
 — Я церковь зарисовывал... — пробормотал Яго.

— Нашел время. Я с ружьем его караулю, а он...
 — Напрасно караулите... Вы взрослый человек и должны понимать,

что... — Ступай, ступай! Это все мы в Цхинвали выясним... Такие ответы всякий заучить может, если нужно... А я свое дело знаю...

Шли они бесшумно. Палая листва скрадывала шаги. Постепенно зеленый шатер над ними густел, свет становился мягче, смутнее. По спуску идти хотелось быстро, но Яго нарочно задерживал шаг.

...Они мчались по пескам с пересохшими глотками, оборванные... На юге остался грозный царь, коварные жрецы, великая Халдея. Они изгнали их — звездочета и его сыновей. Возмутились жрецы, как посмел этот безумный звездочет изменить божественному числу... Тринадцать... Отступник...

Никогда больше не суждено ему взойти на башню, чтобы первым увидеть узенький серп молодой луны и объявить всем, что начинается новый месяц... Никогда больше не праздновать ему первого нисана, ни его сыновьям...

Сыновья несли его на руках, на плечах, на спине... Однажды вечером они заметили на севере высокие горы. Никогда прежде не видели они таких вершин. Человек, взошедший на такую гору, несомненно, первым увидит новый месяц...

Улыбка играла на лице умирающего звездочета, и последние слова его походили скорее на приказ, чем на просьбу, — он велел сыновьям возвести на этих вершинах высокие башни, дабы подняться еще выше и ценю кровю защищать эту землю, откуда раньше всего виден молодой месяц.

«Что нужно этому старику, — думал Яго, — выслужиться хочет, что ли? Небось всю жизнь отдал этому лесу, горам — и остался в тени, никто не оценил его верной службы, вот и хочет он притащить в Цхинвали «нарушителя», чтобы преданность свою доказать. Ну и что же, если выяснится, что поймал он не врага, ведь долг свой он все-таки выполнил! Похлопают его по плечу, похвалят за бдительность... Нет, я наверняка клевету сейчас на него... Не может такого быть...».

Он внезапно обернулся к старику и остановился. При взгляде на ружье заледеневшая в груди досада выплеснулась наружу.

— О чем вы все-таки думали, когда стреляли: если бы попали?!

— Если б хотел попасть, не бойся, не промахнулся бы... — лесник как будто ждал этого вопроса.

«Вот сейчас вырвать у него ружье, приставить к груди, пусть докажет, что не враг», — обиженно подумал Яго, а вслух спросил:

— Как бы вы оправдались на моем месте?

— Это я сам знаю.

— А все-таки?

— Это уж моя забота.

«Ничего бы ты не сказал», — подумал Яго и пошел дальше.

«Сказал бы, нашелся бы, что сказать», — подумал он теперь за лесника.

«Разве можно такое выразить в двух словах?»

«Значит, можно, раз я говорю...».

«Для этого целая жизнь нужна!» — мелькнуло у Яго, и ему показалось, что наконец он набрел на истину, нашел правильный ответ.

«Для этого достаточно дня, минуты... Чепуха!»

— Нет, вся твоя жизнь!

— Ты о чем? — спросил старик.

— Да так.

Лесник казался теперь ему совсем другим: брови расправились, глаза наполнились живой мыслью. И Яго даже подумал, что он задается теми же мучительными вопросами. И к выводу, может быть, пришел такому же.

Поперек тропинки лежало срубленное дерево, беспомощно белели вокруг щепки — крик о помощи.

Яго остановился.

— Кто же это так? — он указал на дерево. — Унес бы к себе, раз срубил.

— А он и унес.

— Тогда как же?.. — Яго повернулся к леснику.

— Да ребенок у него заболел. Он испугался и притащил назад, в лес..

— Испугался? Чего?..

— Места эти священные, народ их чтит издавна... Иначе здесь ни одного бы дерева не осталось!

Они пошли дальше, и всю дорогу Яго напряженно вглядывался в лес, чтоб не пропустить замеченных деревьев и тропинку, ведущую в село.

Он не оглядывался, но спиной чувствовал, что лесник нехотя плетется за ним.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

СВЕТ ДОБРА

● П о в е с т ь

Оказывается, шел судебный процесс, а мне ничего не говорили. Молчала тетя Кето, молчали и остальные сотрудники редакции.

После суда в редакцию снова поступило сообщение, и я узнал, что моей матери присудили десять лет с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии и конфискацией всего имущества. Десять лет! Десять лет я должен жить у тети Кето... Мне уже было не до тренировок, да и в школу неохота было ходить.

Почему, почему моя мама не предвидела всех последствий?! Она всегда заботилась обо мне, учила быть честным, жорядочным, а сама на весь мир меня опозорила.

Мамино лицо все время стояло у меня перед глазами. Я мечтал, чтоб мы были вместе, вдвоем, как сейчас с тетей Кето.

Раздался звонок.

Тетя Кето пригласила гостя войти. Я услышал голос Ивлиты Чкония.

— Простите, уважаемая Кетэван. Я давно хотела прийти к вам... Мы не забыли нашу старую соседку. Где мальчик?..

Только она спросила, я вошел в комнату.

— Титэ, дорогой, почему ты нас забыл? Не стыдно тебе?! — Тетя Ивлита прижала меня к груди и поцеловала.

В дверях я заметил наш чемодан. Я его сразу узнал. Наверное, тетя Ивлита принесла. Я подался вперед, но она меня опередила, подтащила чемодан к столу и с грустью сказала:

— Да, сынок... все взяли, кроме твоих вещей...

Я бросился к чемодану, раскрыл его: мои брюки, сорочки, пальто, сумка, книги и... даже ненадутый мяч.

Конфискация имущества! «Взяли бы и это!» — почему-то с сожалением подумал я, некоторое время молча рассматривал вещи, потом снова сложил все обратно.

Тем временем тетя Ивлита оживленно говорила тете Кето:

— Титэ несовершеннолетний... а мы, уважаемая Кетэван, с трудом умещаемся в двухкомнатной квартире. Взрослая дочь, я, муж. Мы хотели присоединить их комнату. Но какое там... Бывают же свиньи ненасытные! Дзиндзибадзэ трех комнат оказалось мало! Перехитрил нас, бессовестный! У него и знакомства, и деньги... Комнату у нас отнял и еще поносит!

Тетя Кето не проронила ни слова, будто ее вовсе не интересовал разговор нашей бывшей соседки. Я часто видел ее такой в редакции, когда ей приходилось выслушивать жалобщиков и кляузников...

Сердце у меня готово было выскочить из груди, я смотрел на Ивлиту, раскрыв рот. А она, кто знает, в который раз говорила об одном и том же.

Окончание. Начало в №№ 5, 6.

— Видели бы, какая квартира у них получилась! — продолжала она. Целых пять комнат. Могилу бы ему и его семье такую же просторную! Он ликвидировал входную дверь, заштукатурил...

У меня сердце заняло. Нет больше дверей нашей комнаты, нет наших вещей... И тут я услышал спокойный голос тети Кето:

— Все ясно, — сказала она бывшей нашей соседке так, как говорила посетителям в редакции, и добавила то, чего я не ожидал услышать: — Сейчас меня и Титэ это дело совершенно не интересует... — она даже не изменилась в лице.

Гостья опешила. Она не ожидала такого поворота разговора. Она думала, что тетя Кето, как другие, поддержит ее.

— Нет на свете справедливости! — бросила она зло и поднялась. — Я думала обратиться в редакцию, но уже вижу, какую получу поддержку...

— Не беспокойтесь, уважаемая Ивлита. Редакция позаботится об этом. Дзиндзибадзе откроют дверь, и в однокомнатную квартиру вселят другого.

Ивлита Чюония с насмешкой посмотрела на тетю Кето.

— Посмотрим, как вам это удастся! Будьте здоровы!

Тетя Кето проводила гостью, закрыла чемодан, поставила его у шкафа. Я стоял остолбеневший посреди комнаты и смотрел на тетю Кето.

Она подошла ко мне, улыбнулась, и я прижался лицом к ее груди.

* * *

Увеличенная фотография Темура висела в моей комнате, которая еще совсем недавно служила кабинетом тете Кето. Сейчас все здесь было моим: диван-кровать, книги, письменный стол...

Каждый день я смотрел на его фотографию, перелистывал альбом с его фото. Вот Темуру девять месяцев, год... два года... вот фото с матерью, с отцом, с товарищами... босой и красиво одетый, хмурый и улыбающийся, на коне и велосипеде, даже с боксерскими перчатками. В этом альбоме была запечатлена почти вся жизнь Темура. Я любил его перелистывать. За какой-нибудь час перед глазами проходили восемнадцать лет его жизни.

Тетя Кето часто о нем вспоминала, да и все, кто к нам приходил, вспоминали о нем. Так он и жил в памяти родных и близких.

А друзей, родственников у тети Кето много. В нашем доме почти каждый день гости. И все так ласковы, так приветливы со мной. Но никто не стал мне столь родным, как Темур.

Тогда я впервые почувствовал, что человек, которого уже нет, может оставаться среди нас, оставаться живым.

Однажды вечером к нам пришли двое высоких мужчин. Двери открыл я. Увидев меня, они остановились и спросили тетю Кето. Один был лыс, у другого были густые, совершенно седые волосы.

— Заходите, она дома, — ответил я вежливо.

В это время вышла и тетя Кето и при виде мужчин с восторгом воскликнула:

— Входите, мальчики, входите, бессовестные... Где вы пропали, не стыдно?! — и расцеловала обоих.

— Извините нас, тетя Кето, — понурился седой, точно он в самом деле был мальчиком.

Потом тетя Кето представила им меня.

— Нугзар Чичинадзе, — сказал лысый.

— Рамаз Нинуа, — как взрослому пожал мне руку седой.

Они оказались сверстниками Темура, его близкими друзьями.

Так восторженно тетя Кето ни одного гостя не встречала.

Нугзар Чичинадзе несколько месяцев находился в командировке за границей, и Рамаз Нинуа ждал его приезда, чтоб навестить тетю Кето.

Я смотрел на этих взрослых мальчиков и думал: «Неужели и Темур был бы сейчас таким?!»

Его друзьям было под сорок. А Темур в моем представлении остался все семнадцатилетним парнем.

Тетя Кето быстро накрыла стол. Первый стакан выпили за Темура. Рамаз Нинуа произнес такие трогательные слова, что тетя Кето прослезилась. Я тоже не удержался от слез.

— Я не говорю о смерти. Он жив и вместе с нами! — сказал Нугзар и осушил стакан.

— Да, детство! — с сожалением покачал головой Нугзар и взглянул на меня. — Мы в его возрасте хотели бежать в Испанию.

— В пятом классе, — уточнил Рамаз Нинуа.

— Ну и напугали нас! — улыбнулась тетя Кето. Сейчас-то она улыблась, а тогда...

— Тетя Кето, дайте перечитать рассказ Темура! — попросил Нугзар. Тетя Кето принесла пожелтевшую от времени тетрадь и протянула мазу.

— Обязательно надо напечатать, — сказал Рамаз и перелистал тетрадь. — Не знаю... Вот подумываю о маленькой книжке, — сказала тетя Кето дрожащим голосом и вдруг, чтобы скрыть волнение, посмотрела на меня. — А знаете, и Титэ очень хорошо пишет.

— Правда? Молодец! — Нугзар Чичинадзе с любопытством посмотрел на меня.

Я опустил голову.

Вечером, когда ушли гости, я вошел в свою комнату и посмотрел на фотографию Темура. С фотографии на меня смотрел мальчик, который двенадцати лет стремился сразиться с фашистами...

* * *

— Если б у тебя было волшебное кольцо, о чем бы ты мечтала, Мзия?

— О многом. А ты?

— О возвращении моей матери и Темура.

— Темура? Кто такой Темура?

— Мой брат.

У меня вроде есть брат и нет его.

В семье тети Кето я чувствовал его присутствие. Он был с нами, но я его не видел. Я мечтаю о невозможном, потому и придумал волшебное кольцо. Я хочу воскресить Темура, Темура и других, которые пропали без вести, не вернулись домой.

Я потерял покой. Думал, мечтал... что было бы, если бы правда случилось невероятное?!

Но невероятного не происходило.

* * *

— Титэ! Родной мой мальчик! — это моя тетя, сестра отца.

Она сунула мне в руки какой-то кулек, крепко поцеловала, оросив лицо своими слезами. Тетя Кето пригласила ее в комнату и подала стул. Тетя не отпустила мою руку, часто прижимала меня к себе и бормотала:

— Еле нашла тебя, чтоб мне умереть! Как ты живешь, мой мальчик? Обижена на меня, должно быть, но что мне делать?! Это все твоя мать, она виновата, что мы так далеки друг от друга. Как ты вырос! Мужчина уже...

Я положил кулек на стол и попытался вырваться из ее объятий.

Тетя Кето молчала. Кое-как я высвободил руку и сел на стул.

— Я опешила, когда узнала... Смотрела телепередачу... потом в газете прочла. Соседи сказали, что Титэ у вас, уважаемая... Ваше имя?

— Кетэван...

— Да, уважаемая Кетэван. Но я все-таки не понимаю, как он к вам попал. Мне-то сказали, но я так была растеряна... — Она опять мне улыбнулась, но я не смотрел на нее. Вспомнил: мы жили в старом, довольно большом доме моего дедушки. Тетя тоже жила там со своей семьей. Когда скончался мой отец, тетя выжила нас из дедушкиного дома. Мы, правда, потом помирились, но обида не забылась. Ее слова, как шипы, вонзались мне в сердце, я не верил ей.

Интересно, верила ли ее ласковым словам тетя Кето? И что в этом кулекке, который лежит на столе? Что она принесла мне в подарок?

Тетя Кето коротко рассказала о моих злоключениях.

— Почему он попал в детдом, почему? — не переставала удивляться тетка.

Тетя Кето вздрогнула и с испугом взглянула на меня. Она, верно, истолковала слова тети так: «А что здесь ему надо?».

Если бы моя тетка возымела желание взять меня с собой, я уже знал, что ей отвечу. Я ни за что не оставил бы тетю Кето. Я сел рядом с нею. Тетя Кето обняла меня. Сердце мое утешенно билось. Тетушка осмотрела комнату.

— Где спит Титэ? — спросила она неожиданно.

— Пойдемте, я вам покажу, — тетя Кето встала и открыла дверь своего кабинета.

Тетка осмотрела комнату, даже потрогала рукой диван-кровать, проверила, не жесткий ли, потом, повернувшись к тете Кето, сказала:

— Я довольна, что он попал к вам. Я уверена, уважаемая Кето...

— Спасибо за доверие! — прервала ее тетя Кето.

Мы вернулись в большую комнату. Тетя Кето под села к столу и уставилась на мою тетю.

Молчание длилось долго.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԱՆՏՐԱԿՆԵՐԻ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

— Сколько у вас детей? — спросила наконец тетя Кето.
 — Двое, девочка и мальчик. Нам так тесно, не то...
 — Я вас не упрекаю... Мы с Титэ привыкли друг к другу. Он хороший мальчик, и я думаю, что без него мне будет трудно.
 — Да, пусть Титэ останется у вас, конечно... Я вижу, ему здесь хорошо... Я буду его навещать, если позволите.
 — Когда вам угодно, — вежливо ответила тетя Кето.
 Я заметил, что тетка сидела как на иголках. На лбу у нее выступил пот. Она почувствовала немой укор в словах тети Кето. Наконец она встала.
 — Титэ, дорогой, и ты заходи к нам. Неужели ты не соскучился по своим двоюродным сестре и брату?
 — А они соскучились по нему? — не вытерпела тетя Кето.
 Тетка моя съезжилась, но воздержалась от резкого ответа и посмотрела на тетю Кето с деланной улыбкой.
 — Во всем виновата его мать. Пусть Титэ не обижается на меня, но... не стоит об этом говорить. Что было, то прошло!
 — Почему же, говорите, — настаивала моя приемная мать.
 — Нет надобности ворошить прошлое. Сейчас меня беспокоит судьба Титэ.
 — Как он спит на чужой кровати, не так ли? — тихо произнесла тетя Кето, наверное, чтоб я не услышал этих слов. Но разве я мог не услышать!
 У меня сердце екнуло. Она, правда, сказала это совершенно с иной целью, она никогда меня ни в чем не упрекала, но все же я обиделся.
 Тетка не нашлась, что ответить, и повернулась ко мне.
 — До свидания, Титэ!
 — До свидания, — ответил я тихо и кивнул головой. Она поцеловала меня в лоб.
 — У тебя холодное сердце, как у твоей матери! — сказала она на прощанье и вышла.
 Я и тетя Кето некоторое время стояли не шелохнувшись.
 Мне казалось, что дверь снова откроется и появится моя тетя, появится раздраженная, с изменившимся от злости лицом.
 — Ты не обижайся, что у меня получилось немного резко, — сказала тетя Кето погоя.
 — Я не люблю свою тетю! — почти крикнул я.
 — Она твоя тетка, не говори так.
 — Не люблю! — повторил я упрямо, не глядя на тетю Кето.
 Я взглянул на кулек на столе. Тетя Кето взяла его и высыпала на стол конфеты «Кис-кис».
 — Потратилась, бедная! — грустно улыбулась тетя Кето.
 Я не притронулся к конфетам.
 На второй день я взял их в школу и угостил ребят из младших классов. Они накинулись на конфеты, как будто никогда их не видели, Мзия смотрела на меня удивленно, недоумевая, почему я не предложил ей ни одной конфеты.
 — Я люблю «Кис-кис»! — упрекнула меня Мзия.
 — Они отравлены, — прошептал я, и ее большие глаза стали еще больше от удивления и страха.
 — Как это отравлены? Ты хочешь погубить детей?!
 — С ними ничего не случится. А вот я бы отравился... да и ты, пожалуй, тоже...
 — Что ты говоришь, Титэ?!
 — Хочешь верь, хочешь — нет.
 — Ты что, заболел?
 — Как же — заболел! Вчера появилась моя тетя... проведать меня пришла. Выгнала меня и маму из дедушкиного дома, а сейчас вот «Кис-кис» принесла и так ласкова была со мной, словно зла нам не причиняла.
 Глаза Мзии снова потемнели. Они выражали грусть и сочувствие.
 «Хотя бы она была моей сестрой, я ее братом!» — подумал я про себя.

* * *

У тети Кето слова не расходились с делами. И слов она на ветер не бросала. Сказала Ивлите Чкония, что Дзиндзибадзе снова пробьют дверь на прежнем месте, и стала добиваться этого. Попросила Алекси Жоржикашвили и Геронтия Микадзе проверить факты и написать обличительный фельетон.
 А знаете, что такое обличительный фельетон?
 Горе тому, о ком его напишут!
 Я многого навиделся в редакции. Слышал, как «обиженные» газетой ругались с сотрудниками редакции, присылали угрожающие письма, но работа редакции шла обычным порядком.

«Если прислушиваться к ругани и угрозам и печатать в газете только похвальные статьи, — говаривал дядя Алекси, — грош нам цена».

Геронтий Микадзе по сравнению с Алекси Жоржикашвили был человеком мягким. Они и фельетоны писали то вместе, то порознь. Анзор Меликишвили, например, фельетонов не писал. Он только о хороших людях рассказывал, об их делах. И даже книгу выпустил «Замечательные люди города и деревни».

Думаете, легко написать фельетон? Представьте такое: должны построить дом, а для дома необходимы камень, кирпич, песок, дерево, гвозди... Все это надо подвезти к месту строительства, заложить фундамент, возвести стены, подвести их под крышу, покрасить... Так и фельетон. Но здесь вместо материала — факты, то есть дела. А дела всякие бывают. Например: как только у нас отобрали квартиру, Дзиндзибадзе заложил дверь и занял ее.

Расширился, словом. И в это, на первый взгляд, простое дело оказались вовлеченными десятки людей. Жоржикашвили и Микадзе приглашали в редакцию всех, кто имел хоть малейшее к нему отношение. Они большей частью приходили в полдень, и у меня была возможность увидеть представителя исполкома, участкового уполномоченного, управдома и многих других. Нашего управдома я сразу узнал. У него были круглые навывкате глаза и отвислые, как у жабы, щеки. Одет он был в широкие поношенные брюки и старую грязную шляпу. Он заглянул в дверь, снял шляпу, и волосы, которые он зачесывал с затылка вперед, упали назад. На нем лица не было.

Я был один в комнате. Все сотрудники были у редактора на совещании.

Управдом с порога оглядел комнату, ни о чем меня не спросил и, попятившись, закрыл за собой дверь.

Я подошел немного, потом на цыпочках подошел к двери и осторожно открыл ее. В коридоре никого не было. Я вернулся на свое место. Урок, после появления управдома, как-то не давался. Я все ждал минуты, когда снова откроется дверь.

Спустя некоторое время он заглянул опять. Подошел к двери так, что я даже не услышал, как и в первый раз огляделся и исчез. Я встал и выглянул. В полутемном коридоре опять никого не было. В конце его, у выхода на лестницу, слышались чьи-то голоса. В другом конце, в углу, я заметил управдома. Он недвижно стоял там, словно от кого-то прятался.

Совещание окончилось, показались работники редакции.

Вскоре подошли и наши. Жоржикашвили и Микадзе сразу спросили, не приходил ли кто к ним.

Я не успел ответить — как из-под земли возник управдом.

— Вы меня вызывали? — пропищал он.

— Зерекидзе? — спросил Жоржикашвили.

— Да, это я.

— Пожалуйста! — вежливо пригласил Алекси управдома и подал ему стул. Жоржикашвили и Микадзе тоже сели за стол и взглянули на Зерекидзе.

— Я-то при чем, господи? Не без ордера же... — начал управдом и положил на стол свой большой потрепанный портфель.

Он собрался открыть его, но Микадзе покачал головой.

— Ордер нам не нужен.

— Как это не нужен?! Ордер — это документ, законный! — удивился Зерекидзе.

— Значит, все было по закону? — Жоржикашвили застучал по столу карандашом. Это Зерекидзе не понравилось.

— Где я нахожусь — в прокуратуре или в редакции? — набравшись смелости, спросил он.

— В редакции.

— Ну и что вы собираетесь делать?

— Мы собираемся вывести кое-кого на чистую воду, а дальше ими займется прокуратура.

— Я-то при чем?! — голос управдома дрогнул. — Клянусь, что я... вот ордер.. — Он опять взялся за портфель. Жоржикашвили положил руку на стол.

— Знаю, все оформлено и ордер подшит к документам. Но где вы были, когда...

— Как то есть где был, товарищи?! — воскликнул удивленный Зерекидзе. — Три года я не пользуюсь отпуском, как крыса сижу в сыром подвале, именуемом конторой... Я был на месте, где я мог быть...

— Ну и что?

— Принесли ордер, с печатью, подписью. Какое я имел право не давать ключей Дзиндзибадзе?

— И вы полагаете, все это законно?

— Ничего не понимаю, товарищи. Вот ордер...

— А совесть ваша ничего вам не подсказала? — не вытерпел Жоржикашвили.

Зерекидзе усмехнулся и поежился.

— Это как понимать? Если говорить о моей совести и чести, то, доложу вам, в работе у меня нарушений не было. Вот взгляните, ордер... А за чужую совесть я не в ответе. Этот вопрос решили там! — сказал он и поднял вверх палец.

Я невольно посмотрел на потолок. На четвертом этаже находилась редакция молодежной газеты, им вовсе никакого дела не было ни до Дзиндзибадзе, ни до Зерекидзе...

— А где ваша принципиальность, преданность делу и интересам государства? — Микадзе покраснел от злости. — Существует понятие служебного долга, а вы не могли не знать, что действия Дзиндзибадзе противозаконные. Вам лучше других известно, сколько людей стояли в очереди на квартиру только в вашем районе! Что же вы ответите этим людям?

— Кто меня спрашивает?

— А ваша совесть?

— Выходит, я без совести?!

— Вы были обязаны сказать свое слово, восстать против беззакония, а не слепо подшивать ордер к делу.

— Товарищи!

— Слушаем вас, уважаемый Зерекидзе.

— Товарищи! — голос управдома задрожал, и тогда я впервые увидел, что и взрослые умеют плакать, как дети.

Вдруг тетя Кето вскочила на ноги. Я испугался. Такое у нее было строгое и злое лицо.

— Не забывайтесь, — сказала она стальным голосом, — вы — мужчина!

С тех пор эта фраза все время преследует меня. Если я обижусь на что-нибудь и слезы подступают к глазам, я тотчас слышу строгий, слегка взволнованный голос тети Кето: «Не забывайтесь, вы — мужчина!».

Для фельетона набралось столько матернала, что, по словам Жоржикашвили, можно было бы книгу написать.

Однажды, когда я из школы пришел в редакцию, еще в коридоре услышал ужасный крик. Кричал Жоржикашвили, да так, можно было подумать, конец света наступил.

На лестницу выскочил незнакомец и сломя голову бросился вниз.

Голос Жоржикашвили вдруг смолк, и в глубине коридора хлопнула дверь.

Я быстро прошел коридор и открыл дверь нашей комнаты. Дядя Алекси, шедший к своему столу, повернулся на звук открывшейся двери и со злостью посмотрел на меня. Я вздрогнул и остановился как вкопанный. Сердце замерло от страха. В комнате, кроме дяди Алекси, никого не было, его глаза метали молнии.

— Это ты? — процедил он и нервно провел рукой по волосам. — Ну иди, чего стал?

Я не двинулся с места. «Хотя бы я не заходил», — подумал я.

Я догадался, что кто-то вывел его из себя. Он был взволнован и тем не менее подошел и приласкал меня:

— Иди, Титэ, дорогой. Ты видел человека, которого я выгнал?

— Да. Что случилось, дядя Алекси?

— Есть люди с грязными душонками. Был бы у меня свидетель! Я отправил бы его в тюрьму! Можно продать дом, двор, скот, одежду, но продать совесть? Продашь — и все, ты уже не человек, но разве они это понимают!

Я, раскрыв рот, смотрел на него и никак не мог понять, как можно торговать совестью.

Немного погодя, когда в комнате собрались сотрудники, дядя Алекси, уже успокоившись, рассказал:

— Пришел, подлец, просить: не пиши, мол, фельетон, и я отблагодарю тебя. Дзиндзибадзе подослал его. Две тысячи получите сейчас, говорит шепотом, а я ему тоже шепотом: убирайся немедленно, не то живьем отсюда не выйдешь. Вы шутите, говорит, и стал поглаживать мой стол, чуть ли не целовать его. Я ему показал, где раки зимуют. У Титэ вот спросите.

* * *

Вечером, когда мы с тетей Кето сели пить чай, я напомнил о случае, происшедшем в редакции, и спросил, как можно принудить человека продать совесть и, вообще, что это такое — совесть.

Тетя Кето задумалась.

— Ты знаешь великого грузинского баснописца? — спросила меня тетя Кето.

— Сулхан-Саба Орбелкани, — ответил я тотчас же. Тетя Кето улыбнулась.

— Ты, наверное, знаешь и то, что этот великий писатель составил лексикон, в котором слово «совесть» толкуется так: «Совесть — это камень чистой воды», значит, драгоценный камень.

— Значит, кто-то прссил у дяди Алекси драгоценный камень? — спросил я наивно.

Тетя Кето улыбнулась.

— Вот именно: тот, кто его продаст, становится человеком бессовестным.

— А почему дядя Алекси ни разу не показал нам его?

Тетя Кето снова улыбнулась.

— А разве ты сам не видишь?! Дядя Алекси честный, правдивый, справедливый, преданный своему делу человек... Когда все эти качества собраны в одном человеке, про него говорят: бесценный он человек. Именно совокупность этих черт определяет совесть человека. И ею надо дорожить.

Я слушал ее, задумавшись. Не спускал глаз с ее спокойного, все еще молодого красивого лица, и вдруг мне стало страшно, что она заговорит о моей маме. Мама не уберегла свою совесть. Но, может быть, после десяти лет тюрьмы, когда она начнет новую жизнь, ей удастся восстановить свое доброе имя?!

* * *

Фельетон был написан.

После рабочего дня Геронтий Микадзе закрыл дверь нашей комнаты, чтоб никто не вошел, и Алекси Жоржикашвили с выражением, как артист, прочел нам его.

Дядя Алекси был еще и беспощадным. Всего два года жили мы с мамой по соседству с Дзиндзибадзе. Они всегда были ласковы и приветливы с нами, как добрые соседи, и мы не сомневались в их искренности. Но вот у моей матери отобрали комнату, и началось... Алекси Жоржикашвили подробно описал в своем фельетоне действия Дзиндзибадзе. Пошли в ход деньги и знакомства, была продана чья-то совесть. И совесть, имя и достоинство семьи Дзиндзибадзе были втоптаны в грязь.

Дядя Алекси кончил читать и оглядел слушателей.

А слушателями были все: тетя Кето, Анзор Меликишвили, дядя Геронтий и я. Фельетон всем понравился. Исправили кое-что, и дядя Алекси отнес рукопись на машинку. Машинистки сидели на втором этаже, напротив комнаты дежурного редактора. Пять печатных машинок стрекотали там как пулеметы с утра до вечера. Машинистки, точно соревнуясь друг с другом, яростно стучали по клавишам. В эту комнату вход посторонним был воспрещен.

Я часто заходил к машинисткам, приносил рукописи и уносил их в отпечатанном виде.

Для напечатания материала вне очереди требовалось разрешение главного редактора или его заместителя.

Сейчас, наверное, дядя Алекси зайдет к редактору, попросит написать на материале «срочно», потом подсядет к какой-нибудь машинистке и сам же начнет диктовать.

Вскоре он возвратился и сказал:

— «Цито» не получилось.

Дядя Алекси не смог повидать ни редактора, ни его заместителя, а ответственный секретарь сказал, что материал не срочный. Его предполагали пустить в субботний номер, а до субботы оставалось четыре дня.

Едва ли не главным героем фельетона была наша дверь, которую Дзиндзибадзе заложили кирпичами, заштукатурили, уничтожили... Дверь рассуждала как человек, ходила, разговаривала, вздыхала, жаловалась на жизнь... Вокруг этой двери вращались те, кто имел непосредственное отношение к ее «заклочениям».

Эта одушевленная дверь так глубоко засела в моем сознании, что даже во сне мне приснилась. У нее были крылья ангела, а возле ручки краснел след от сургуча. Прилетела ко мне дверь и говорит: поедем со мной, увезу тебя далеко-далеко. Я сел на дверь, и мы полетели. Летели долго, все выше и выше, пока не очутились там, где нет ни гроз, ни града, ни дождя, а только необычайная тишина, бесконечное синее небо и огромное солнце!

Наутро я рассказал свой сон Мзии. Она выслушала меня с улыбкой и сообщила, что летать во сне — это к добру. Слышала, верно, от взрослых.

И представьте, ее предсказание сбылось.

Леван Спиридонович, учитель истории, вызвал меня отвечать, и я получил пятерку, а Мзия закричала на весь класс:

— Я же говорила, Титэ!

Леван Спиридонович удивленно посмотрел на Мзию и спросил:

— Что случилось, Мзия, ты предсказала ему пятерку?
— Он летал во сне, Леван Спиридонович, — поднялась покрасневшая, как рак Мзия.
Учитель подошел к нам, но ничего не успел сказать — раздался голос Обода:
— И я часто во сне летаю...
— Но пятерок от этого не прибывает, — подал реплику Клещ.
— А ну-ка, ребята! Я не давал вам права столько говорить! — учитель легонько стукнул рукой по нашей парте.
Он не был строгим, но мы уважали его за сдержанность.

* * *

Материал субботнего номера передают в типографию в четверг. В пятницу у ответственного секретаря макет газеты готов, и метранпаж с полудня верстает газету. К вечеру газета сверстана, ее переправляют в печатный цех, и к утру субботний номер готов.
И вот в четверг, когда фельетон Жоржикашвили и Микадзе отправили в типографию, Геронтий Микадзе принес в редакцию новость. Семья Дзиндзибадзе и Чкония перегрызлись между собой. Шота Дзиндзибадзе разбил голову Како Чкония. Како на машине «скорой помощи» увезли в больницу, а Шота Дзиндзибадзе забрали в милицию. Геронтий Микадзе появился на поле боя тогда, когда бой, собственно, прекратился. Зерекидзе с несколькими своими сотрудниками стоял на лестничной площадке. Увидев представителя редакции, он усмехнулся и произнес:

— Ну вот и доигрались!
— А в чем дело? — спросил дядя Геронтий.
— Узнали про фельетон... бросились друг на друга... Дзиндзибадзе стал обвинять Чкония, ты, мол, донес на нас, тот его ударил, и пошло.
Дядя Геронтий рассказывал так, словно это была веселая история... Кто-то предложил добавить ее к фельетону. Тут же в отиснутые гранки, не вычитанные корректорами, вписали этот эпизод. Фельетон вышел и без того большим, а тут еще страница добавилась. Алексис Жоржикашвили, Геронтий Микадзе, тетя Кето пошли к редактору. Вернувшись, они отдали на машинку эту страницу, потом перечли, и я отнес в типографию.

В типографии я передал материал тете Тамаре. Она набирала материалы нашего отдела. Потому все наши оттиски начинались со слова «Тамарела», а потом уже заглавие и текст.

Тамарела была молодая женщина, мать двоих детей. Она хвалила меня за то, что я уже работаю и помогаю редакции. Я часто стоял около ее машины и с интересом наблюдал, как она набирает материал, как с шумом выбиваются металлические строки. Тамарела объясняла мне, как они получаются, но до конца я все же не смог понять этого, и работа на линолите представлялась мне более сложной, чем управление электровозом.

Тамарела положила листок перед собой и стала набирать текст. Я стоял и ждал, когда покажутся наши строки.

Тамарела училась заочно на физико-математическом факультете, но всегда говорила, что не изменит своей работе. Она жаловалась, что в Грузии нет ни одной школы полнграфистов, где можно было бы готовить для типографии квалифицированные кадры. Ей нравилось, что я с интересом слежу за ее работой, и, наверное, ждала, когда я ее попрошу выучить меня на литеиста. Она сразу согласилась бы взять меня учеником, но я не решался ей сказать об этом, потому что литеист своей сложностью меня пугал...

Вскоре оттиск был готов, и я побежал с ним к Нелли Семеновне.

Нелли Семеновна давно уже сдала экзамен на корректора. Ею не могли нахвалиться в редакции. Все узнали, что она пишет рассказы, просили, чтобы принесла что-нибудь для печати, но она все никак не решалась.

Нелли Семеновна привыкла к редакции и была довольна своей работой, хотя часто думала о школе. Когда я называл ее учительницей, ей было приятно и она всегда смотрела на меня грустными глазами.

— Это про вашу комнату? — положив руку на фельетон, спросила Нелли Семеновна. — Неужели у вас были такие соседи?

— Не знаю... такими не были. Никогда не ругались.

— А сейчас готовы перегрызть друг другу горло. Да-а! Что звери перед иными людьми. Гораздо благороднее. Даже волк никогда не заберется в чужое логово. И ласточке довольно своего гнездышка. Она не строит птенцам отдельные гнезда. Вырастут — сами построят...

Я внимательно слушал ее. Она всегда вот так интересно рассказывает. А если ее спросить, учительницы из нее не получилось! Я думаю, зря она ушла из школы.

Я вспомнил о Нелли Семеновне на следующий день утром, когда меня разбудил щебет ласточки. Я вскочил и бросился к открытому окну. Только-только ко свету.

Ласточки свили над нашим окном несколько гнезд и теперь носились в воздухе, растворяясь в светлеющем небе. Я вспомнил слова Нелли Семеновны о птенцах. Скоро они покажутся, пискуну маленькие, мать и отец будут растить их, научат летать, а потом отпустят, и они сами будут вить себе гнезда. Счастливые, вольные существа, не знающие жадности!

* * *

— Ребята! — Овод, задыхаясь, вбежал в класс. — Сегодня у нас практиканты.

Его оживление понятно: иное, когда приходят из райкома, городского отдела народного образования или из министерства. С гостем заходит обычно заведующий учебной частью или директор. Гость сидит за партой как ученик, ни на кого не смотрит, но мы-то знаем, он внимательно слушает и учительницу, и учеников. И потому в классе царит нервное напряжение.

Практиканты совсем другой народ. Они сами волнуются, особенно когда проводят урок. Они уже не ученики, но еще не педагоги.

И вот сейчас на урок грузинского языка к нам в шестой «б» должны прийти практиканты.

Когда у нас в классе гости, преподаватели всегда стараются показать лучших своих учеников. Все первым делом вызывают Мзию Гуджабидзе, правда, спрашивают и других, но Мзию обязательно.

Мзия и в самом деле была лучшей ученицей.

Прозвенел звонок, а тут Мзия вдруг говорит:

— А что мне делать, если меня вызовут?

Я ушам своим не поверил.

— Как это что будешь делать? — спрашиваю.

— Я урока не знаю. Если меня вызовут, что мне сказать, что? — сказала она, кусая губы.

— Хочешь, я вызовусь? — постарался я ее успокоить. — Не бойся!

В класс вошла учительница, а за ней шесть практикантов со стульями. Они поздоровались с нами и с шумом сели около доски, точно музыканты на сцене.

Я все время смотрел на Мзию. Она ерзала на парте. У меня учащенно билось сердце. Я не за себя волновался, за нее. «Оглянись, Мзия, видишь, как спокойно сидят Холера, Овод и Клещ!» — хочу шепнуть ей, но тишина стоит гробовая, и я не решаюсь сказать ни слова.

Практиканты сидели молча и смотрели на нас. Некоторые из них волновались, как и мы. Мери Григорьевна никогда не выказывала своего волнения и всегда спокойно проводила урок. Однажды на ее уроке присутствовал директор, потом инспектор из отдела народного образования. Она всегда держалась так, как Тасо Дмитриевна, — спокойно и уверенно. А ведь совсем недавно она тоже была практиканткой!

Сегодня практиканты слушают Мери Григорьевну, завтра один из них проведет урок.

Хотя бы Мзию сегодня не вызвали! Пусть я получу двойку, пусть меня выгонят из класса — я на все согласен, чтобы ее выручить.

— Мзия! — шелнул я ей.

И тут раздается голос Мери Григорьевны:

— Мзия Гуджабидзе!

Для меня ее голос прозвучал как гром среди ясного неба. Чем же он был для Мзии?

Она поднялась, замешкалась на мгновение, наверное, хотела сказать, что не знает урока, да передумала, пододвинула книгу чуть вперед.

У Мери Григорьевны была привычка: когда кто-нибудь рассказывал урок, она стояла около своего стола и внимательно слушала. Она не расхаживала по классу, как учитель истории.

Мзия не посмела сказать, что не знает урока, уставилась в книгу и начала читать. Получилось неплохо. Затаив дыхание, я слушал ее. В общем все обошлось, и она благополучно дочитала до конца.

— Хорошо, садись, — сказала Мери Григорьевна и поставила отметку в журнал. Если не пятерку, то четверку уж наверняка. Оказывается, и Мери Григорьевну можно обмакнуть, а мы-то думали, ее не проведешь.

Когда урок окончился, практиканты схватили свои стулья и вместе с учительницей вышли из класса.

— Спаслась я! — сказала Мзия. Мы не вставали из-за парты.

— Почему ты не знала урока?

— У нас были гости. Все уроки приготовила, кроме грузинского. Было поздно, и я подумала: авось не вызовут...

Следующим был урок истории.

Зашел Леван Спиридонович. Списка он никогда не читал, отсутствующих замечал сразу, отмечал в журнале и прямо переходил к уроку. Но сейчас он почему-то просмотрел журнал и подошел к нашей парте.

— Что случилось, Мзия, почему ты получила двойку по грузинскому?

— Двойку? — воскликнула Мзия. Щеки запылали у нее. Пристыженная, она опустила голову и ничего не сказала больше.

* * *

Вечером мы с ребятами играли во дворе в баскетбол. Вдруг ко мне подбегает маленький мальчик и говорит, что меня спрашивает какой-то дядя.

За спортищадкой я и впрямь увидел мужчину. Только взглянул на него, тотчас же узнал. Мгновение спустя я висел у него на шее.

Это был мой дядя, мамин брат, дядя Серго. Как всегда подтянутый, аккуратно одетый. Он был старше мамы на два года. Седина на висках красила его. Я всегда им гордился. Он уже второй год работал на стройке металлургического завода в Индии и должен был пробыть там еще некоторое время. Мы все по нему скучали. Его жена и дети тоже находились в Индии.

— Как живешь, Титэ, мальчик мой? Как ты вырос за эти два года! — дядя Серго ласково погладил меня по голове.

Про маму он ничего не спросил. Я сам ему сказал:

— Маму арестовали, дядя Серго.

— Знаю, — ответил он и нахмурился, достал из нагрудного кармана сигарету, закурил.

Наступило молчание. Я не спускал с него глаз. А он, нахмурившись, думал о чем-то и дымил сигаретой, потом обнял меня и повел к маленькому скверу в нашем дворе, где стояли скамейки, выкрашенные в зеленый цвет. У нас было о чем поговорить.

Но когда мы подошли к скамейке, он вдруг сказал:

— Пойдем в дом, познакомь меня с твоей приемной матерью.

Дверь открыла нам тетя Кето. Увидев незнакомого мужчину, она удивилась. Дядя вежливо с ней поздоровался, поцеловал руку и представился. Она изменилась в лице, но вежливо пригласила гостя в дом.

— Прежде всего я должен поблагодарить вас за вашу заботу о Титэ, — сказал мой дядя, усаживаясь на предложенный стул. — Я прилетел сегодня утром и узнал об этой ужасной истории. Это было такой неожиданностью для меня... приехал на одну неделю по делам, и на тебе... Может, удастся повидаться с сестрой.

— Без меня не ходите! Я тоже хочу видеть маму!

— Хорошо.

— Знаете, в какой она колонии? — спросила тетя Кето.

— Да, сестра моей жены обо всем мне рассказала. Она присутствовала на суде. В Индию она ничего мне не сообщила.

— Понятно, эта неприятная новость для вас была бы вдвойне неприятна.

— Как он ведет себя? Как учится?

— Жаловаться не могу. Титэ хороший мальчик, — ласково улыбнулась мне тетя Кето.

Дядя обнял меня и привлек к себе.

— В Индию его не пустят, не то забрал бы с собой, — сказал он. В этот миг мне ужасно захотелось уехать в далекую Индию, где были мои двоюродные сестры, близнецы Ия и Лия.

— Из газет мы узнаем о ваших делах. Большая у вас стройка, — продолжила разговор тетя Кето.

— Да, большая. Нам приходится работать в сложных климатических условиях. Но что поделаешь! Строим завод буквально в самом пекле. Вокруг пустыня... Придется пробыть там еще несколько лет. А мой живут в городе. Выучились немного говорить на хинди. — Дядя достал из кармана пиджака кожаный бумажник и вынул оттуда несколько фотографий. Я с жадностью принялся их рассматривать, с трудом узнавая маленьких Лию и Ию в индийских костюмах.

Какие они счастливые!

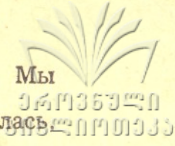
Тетя Кето, улыбаясь, рассматривала фотографии.

— Хорошие у вас девочки. Не жалко их держать под палящим индийским солнцем? — пошутила она.

— Представьте себе, они хорошо переносят тамошний климат. А вот же-на все ждет не дожидается, когда вернемся домой.

— Ребенок есть ребенок, и неведомый мир для него всегда привлекателен.

— Эх, что скрывать, я тоже дни считаю, но молчу, надо терпеть. Мы делаем важное дело, и сознание этого как-то облегчает жизнь.

Тетя Кето попросила прощения и вышла на кухню. Пока она там возилась, дядя рассказывал мне об Индии, о моих сестрах.

Вскоре стол был накрыт. Тетя Кето не всех встречала с таким радушием. Мою тетю, небось, почти вышвырнула. И очень хорошо!

Дядя разлил вино по бокалам. Передо мной тоже стоял маленький бокал. Дядя взглянул на свои большие загорелые рабочие руки, взял бокал, который сразу исчез в его широкой ладони, и сказал:

— Этот бокал я хочу поднять за свет добра, который излучает ваше сердце, уважаемая Кетэван. Я знаю все. Сегодня я успел узнать не только о моей сестре и о Тите, но и о вас. Будьте здоровы и живите долго.

У меня впервые появилась возможность поднять тост за мою приемную мать. Не знаю, что со мной произошло, но я так заволновался, не смог сказать ни слова, потом вдруг вскочил, сам того не ожидая, бросился к тете Кето, обнял ее и расцеловал.

На другой день дядя принес мне подарки. Не забыл и тетю Кето.

В тот вечер он должен был взять меня в кино. Так мы договорились. Только мы с тетей Кето вернулись из редакции, я не успел даже переодеться, как пришел дядя. Мы вместе пообедали. Потом я зашел в свою комнату, дядя за мной. Его внимание привлекла фотография Темура.

— Как его зовут? — негромко спросил он.

— Темур.

Дядя потер лоб, потом опустил руку и огорченно сказал:

— Все они похожи друг на друга.

— Кто, дядя Серго?

— Солдаты. Какие парни!..

— Ты встречался с Темуром на фронте?! — воскликнул я удивленно.

— Пошли, расскажу по дороге... Может, и встречал... — Он опять посмотрел на фотографию, силясь что-то вспомнить, но, судя по выражению лица, это ему не удавалось. Потом он стал меня торопить, и мы вышли на улицу.

— Это было в Румынии... — начал мой дядя.

— И Темур воевал в Румынии, дядя Серго.

— Может, и он воевал, не знаю.

— Он совершил подвиг?

— Многие совершали подвиги...

— Наверное, это был Темур!

— Не знаю...

— Нет, Темур!

Дядя посмотрел на меня и горько улыбнулся.

— Мы попали под жестокий огонь, — продолжал дядя.

— И Темур там был? — прервал я его.

— Был... наверное, был... Нас было очень много, восемнадцатилетних мальчишек.

— А потом?

— Нам надо было переправиться через реку Муреш. Есть в Румынии такая река, Муреш. Небольшая, но под ураганным огнем и по мосту не перейдешь. Кое-как проложили повтоны. Много хороших ребят полегло, многих ранило. Все же перебрались на противоположный берег. Только я вступил на землю, меня ранило. Одно помню, что упал навзничь, потом скатился в воду и потерял сознание.

— Потом?! — дрожащим голосом спросил я. Не знаю, почему я так волновался — ведь дядя живой и невредимый шел рядом со мной.

— Когда я пришел в сознание, — продолжал свой рассказ дядя Серго, — кто-то тащил меня на спине.

— Это был Темур?

— Да, наверное, Темур... — Он не хотел говорить неправды, но, с другой стороны, ему не хотелось меня разочаровывать.

— Он долго тащил меня под огнем, пока не сдал в лазарет. Взглянул на меня разок. «Все будет хорошо», — сказал по-грузински и ушел. У меня не было сил даже спросить, кто он, откуда.

Некоторое время мы шли молча, потом я вдруг остановился и сказал:

— Не хочу в кино. Вернемся домой. Тетя Кето покажет другие фото Темура. Она будет счастлива, если узнает, что вас спас Темур. Знаете, как она обрадуется!

— Почему я сомневаюсь?! Я не зря так присматривался к фотографии. Конечно же, это был он! — голос дяди Серго прозвучал уверенно и твердо.

— Темур писал рассказы, все время мечтал о подвиге, — сказал я с гордостью.

— Кто мечтает о подвиге, тот герой духом и он не может не совершить геройства. Конечно же, это был он!

В кино идти не хотелось, но и домой тоже. Хотелось бродить по улицам и говорить с дядей о Темуре. Я чувствовал себя причастным к спасению дяди Серго, ведь я привык считать Темура своим братом, старшим братом.

В кино мы все-таки пошли. Картина была интересная, но мысль о Темуре меня не покидала.

Когда мы вернулись домой, я все рассказал тете Кето.

— Господи, неужели правда... И вы... — дрожащим голосом воскликнула тетя Кето и уставилась на дядю Серго.

— Истинная правда, уважаемая Кетэван. Я взглянул на фотографию и сразу его узнал.

— Расскажите поподробней, пожалуйста.

Дядя Серго рассказал ей о случае на реке Муреш. Тетя Кето жадно ловила каждое его слово, сидела без кровинки в лице. Дядя Серго то и дело поглядывал на карточку Темура. Под конец он сказал:

— Да, это был он! — уверенность звучала в его голосе.

Тетя Кето не плакала. Она спокойно, не двигаясь, смотрела на фотографию сына и, наверное, в душе испытывала такую же гордость за него, какую испытывал я.

* * *

Всю ночь я не спал. В воскресенье мы с дядей должны были ехать в колонию повидать маму. Колония находилась недалеко от Тбилиси.

Ночью я мысленно представлял себе встречу. Я обнимал маму, ласкал, упрекал, прощался, встречался снова, но уже не упрекал ее, жалел, силился сдерживать слезы и с нетерпением ждал наступления утра. Ночь казалась бесконечной. Завтра я увижу ее! Что я ей скажу? Что она скажет мне?..

Дядя Серго просил меня остаться в субботу у него, но я вернулся к тете Кето. Я стеснялся сестры его жены. Она напоминала мне мою тетю, и вовсе не свою сестру не походила, хотя, надо сказать, никакой обиды мне не причиняла.

В половине восьмого я был уже на ногах. Тетя Кето возилась на кухне. После завтрака она усадила меня рядом с собой и сказала:

— Помни, Титэ, если не хочешь обижать маму, не плачь, подбодри ее, ни в чем не упрекай. И не говори, что видел ее по телевизору или читал о ней в газете. Делай вид, будто ничего особенного не произошло. Ей и своей беды хватает.

Она сложила мне в сумку разную снедь, которую приготовила в субботу специально для мамы.

В десять часов подъехал дядя, и мы отправились в колонию. Те же мысли, что и ночью, преследовали меня дорогой, мысли о встрече — какой она будет? Нет, конечно, плакать я не стану и упрекать, конечно, ни в чем не буду, и все же слезы подступали к глазам и сердце готово было выскочить из груди.

Дядя молча сидел рядом и курил одну сигарету за другой.

Молчал и шофер такси, словно мы втроем уговорились не произносить ни слова.

Я думаю, свидание длится полчаса, меньше, чем урок в школе. Иногда полчаса кажутся вечностью. Иногда пролетают как минута. Я хочу, чтобы встреча с мамой длилась вечность, чтобы полчаса эти растянулись до бесконечности.

Такси вдруг остановилось.

— Приехали, — сказал шофер.

Дядя расплатился с ним, поблагодарил, и мы направились к приемной, которая находилась рядом с высокими железными воротами.

Мы очутились в большой комнате с длинным столом посередине. По обе стороны стола стояли длинные лавки. На стене висели часы. Когда мы вошли, в комнате уже было человек десять. Пожилые мужчина и женщина стояли у стены. За столом сидели девушка, парень и женщина средних лет с двумя девочками. Чуть поодаль — двое мужчин. Я забыл сказать, что в комнате была еще дверь против той, в которую мы вошли.

Сердце мое тоскливо сжалось. Неужели я должен встретиться с мамой в присутствии стольких посторонних людей!..

Была половина двенадцатого. Заключенных должны привести в двенадцать, через полчаса.

Дядя Серго сел за стол. Я не хотел садиться. Страшно нервничал.

Кажется, мы вечность уже в этой комнате, а прошло всего лишь каких-то пять минут, и чем больше проходит времени, тем невыносимее ожидание. О чем я буду рассказывать маме? О школе. О редакции. О тете Даше. О своих товарищах. Успею ли? Медленно, медленно тянется время. Но вот остается пять минут, и я смотрю уже не на часы, а на противоположную дверь. Завол-

новались и остальные ожидающие, задвигались, тяжело завздыхали. Верно, мы все переживали одно и то же.

Дверь открылась. Надзиратель ввел молодую женщину. От стены отделились пожилые люди и с плачем обняли ее.

Потом ввели еще несколько заключенных. В комнате, где до сих пор стояла тишина, стало шумно, слышался приглушенный разговор, всхлипывания. Я с нетерпением ждал появления мамы. В сопровождении надзирателя показались еще одна женщина. Она шла медленно, низко опустив голову, словно нехотя. Сделав несколько шагов, подняла голову, и только тогда я узнал ее.

Я хотел броситься к ней навстречу, но ее холодность и отчужденность как бы лишили меня сил и дара речи. Встреча получилась будничной, как если бы мы вчера расстались друг с другом. Я просто сказал: «Мама» и поцеловал ее, и она поцеловала меня в ответ. Потом тяжело опустилась на лавку, словно смертельно устала после дальней дороги.

— Как поживаешь, Нино? — спросил дядя Серго.

— Как ты думаешь? — ответила она грустно. И лицо у нее было очень грустное. Я почувствовал, что вот-вот заплачу.

— Когда ты приехал? — спросила мама, не глядя на меня.

— Четыре дня назад, послезавтра улетаю.

— Девочки выросли?

— Растут.

Она перевела взгляд на меня, тотчас же отвернулась и взглянула на часы. Я тоже посмотрел в ту сторону, где они висели, и вздрогнул — прошло пятнадцать минут.

Я пододвинул сумку с продуктами к маме.

— Тетя Кето тебе прислала, — сказал я, и комок подкатил к горлу.

— Почему побеспокоилась? — Она не притронулась к сумке и посмотрела на свои руки так, словно видела их впервые.

— Что передать твоей невестке и племянницам? — дядя явно не знал, о чем говорить. Он это спросил, чтобы что-то сказать, я же вообще онемел. А вокруг люди плакали, разговаривали без умолку. Да, свидание всем нам было в тягость. Почему?

— Осталось пять минут! — объявил кто-то.

Неужели так быстро пролетели полчаса? Пять минут? Мама как будто ждала этого. Лицо у нее дрогнуло, она подняла голову, глаза ее потемнели, она бросилась ко мне, прижала к своей груди.

— Титэ, родной! — слезы ручьем полились из глаз, она прижимала меня к груди и целовала, целовала без конца. — Прости меня, прости за все!

Она не выпускала меня из объятий все эти пять минут, целовала глаза, полные слез, лоб, щеки. Потом изо всех сил сжала мне руки и испуганно посмотрела на надзирателя. Он не смотрел в нашу сторону. И тогда она снова принялась ласкать меня.

Других заключенных уже уводили.

К нам приблизился надзиратель.

— Пожалуйста, заканчивайте, — вежливо сказал он и отошел.

...И когда за ней закрылась дверь, я все еще слышал ее рыдания.

Дядя вытер мне слезы, вывел из комнаты. Мы дошли до ворот и остановились. Дядя глубоко вздохнул и сказал:

— И так целых десять лет!

Он махнул рукой и с обидой в голосе сказал: «Пошли!», но вместо того, чтобы идти, достал сигарету и закурил.

— Пошли, чего стоять! — сказал он самому себе.

* * *

Во вторник дядя Серго улетал в Индию. Я не смог проводить его на аэродром — самолет улетал утром рано. Я слышал, иногда в случае непогоды рейс отменяется и откладывается на несколько часов, а то и дней. Стояло солнечное майское утро. Как выглядит мир из окон самолета в такое вот утро, хотел бы я знать!

Когда я вскочил с постели и взглянул на часы, мой дядя был уже далеко, очень далеко от Тбилиси.

В школу я пришел одним из первых. На душе у меня было удивительно легко и свободно! На уроке истории Овод получил четверку, и весь класс зааплодировал. Овод смутился.

— Молодец, Капанадзе! — похвалил его учитель.

— Овод, Леван Спиридонович, — поправил кто-то.

— Помолчи! Овод он или шмель, пишу ему четверку. Ну, что скажете, заслужил он ее?

— Заслужил, заслужил! — хором откликнулись мы.

Ничего вроде особенного не произошло, но все были очень довольны. От первого урока порой весь день зависит. Не раз бывало — не удался первый урок, и все остальные, считай, пропали.

Обрадованный Овод принес на перемене новость со второго этажа. Все новости в класс он приносит.

Каждая, безусловно, касалась жизни школы: кто-то собирался присутствовать на уроке, или нас вызывали к врачу на прививки, или посылали на сбор металлолома, или объявляли субботник, пионерскую линейку, сбор дружины. Всего не перечечь.

В тот день весть была особая.

— Тасо Дмитриевна пришла!

Мы бросились на второй этаж и прильнули к дверям учительской.

У окна сидела Тасо Дмитриевна в окружении своих коллег. Они о чем-то оживленно беседовали. По всему было видно, они от души рады возвращению старой учительницы.

Мери Григорьевна увидела нас и тотчас же подошла.

— Что случилось?

— Пришли повидать Тасо Дмитриевну...

— Можно войти?

Тасо Дмитриевна ее опередила:

— Заходите, заходите, пострелята!

Мы вошли, поцеловали ее, одни робко, другие не стесняясь, но не успели сказать ни слова — зазвенел звонок. Учителя встрепенулись, направились к полке с классными журналами.

У нас был урок грузинского языка, и мы чуть задержались.

Мери Григорьевна велела нам идти в класс.

— Тасо Дмитриевна, пойдёмте и вы тоже. Дети вас так любят, — обратилась она к нашей старой учительнице.

— С удовольствием, — тотчас согласилась Тасо Дмитриевна и встала.

Мальчики пошли вперед. Тасо Дмитриевна в сопровождении девочек и Мери Григорьевны медленно поднималась по лестнице.

Вскоре все мы сидели на своих местах. Обе учительницы стояли перед нами. Они смотрели на нас так, будто впервые видят. Молчание длилось недолго. Мери Григорьевна положила журнал на стол и пододвинула стул Тасо Дмитриевне.

— Садитесь, пожалуйста!

— Нет, доченька, я сяду с Ладой Капанадзе, он один сидит и...

— Садитесь, садитесь, Тасо Дмитриевна, — тотчас откликнулся Овод.

Тасо Дмитриевна, стуча палкой, миновала первые три ряда парт, вдруг остановилась и обернулась к Мери Григорьевне:

— Подари мне двадцать минут, доченька!

Это было сказано таким взволнованным голосом, что весь класс замер. Наверное, все, вроде меня, ждали, что будет дальше.

— Хотя весь урок, Тасо Дмитриевна! Если хотите, я оставляю вас. Да, так будет лучше, — сказала Мери Григорьевна и, не дожидаясь ответа, собралась вйти, но Тасо Дмитриевна остановила ее.

— Двадцать, только двадцать минут, — голос у нее дрожал, — и ты никуда не уходи.

Она подошла к столу, села, поставила, по обыкновению, палку к краю стола.

Мери Григорьевна села рядом с Оводом. И начался обычный урок. Тасо Дмитриевна прочла список. Мы сидели затаив дыхание.

И Мери Григорьевна сидела как ученица и, подняв голову, ждала, что скажет старая учительница.

— Вы видите, дети мои, — начала она, — как я взволнована. Мне было восемнадцать лет, когда я начала работать учительницей в сельской школе. Всю свою душу и сердце я отдала воспитанию детей. Я любила свое дело, и мне трудно, очень трудно оставлять вас. — Она взяла свою палку, стукнула об пол и уже твердым голосом спросила:

— А ну, кто лучше всех подготовился к уроку?

И когда весь класс поднял руки, Тасо Дмитриевна посмотрела на Мери Григорьевну и сказала:

— Молодец! Больше мне не надо. Я уйду со спокойным сердцем. Дети в надежных руках! Займи свое место, а я послушаю.

Она взяла палку и направилась к парте Овода.

* * *

В конце мая в клубе издательства должны были отмечать шестидесятилетие тети Кето и сорокалетие ее журналистской деятельности. Инициаторами юбилей-

ного вечера выступили Алексн Жоржикашвили, Геронтий Микадзе и Анзор Меликишвили. Тетя Кето и слышать не хотела о «вечере», просила их не затевать никаких торжеств, но они не стали ее слушать.

До юбилея оставалась неделя. Анзор Меликишвили, Геронтий Микадзе и Алексн Жоржикашвили что ни день хлопотали в клубе издательства и вместе с художником редакции оформляли сцену. Я видел, как заносили в клуб вырезанные из тонкой фанеры и выкрашенные бронзой большие цифры 60 и 40. Тетя Кето тоже увидела эти цифры и снова принялась за свое: «Неужели это обязательно? Зачем это нужно?» и т. д.

— Наверное, нужно, — невольно вырвалось у меня. Тетя Кето своим ушам не поверила.

— И ты так думаешь? — спросила меня приемная мать.

— Конечно! Я, например, очень этому рад.

— Мальчик мой! Ты этому рад, а мне-то какво сидеть на сцене и слушать, как меня восхваляют. Неудобно просто.

Но изменить ход событий она уже не могла.

За несколько дней до юбилейного вечера в редакцию поступило письмо из райисполкома. Тетя Кето зарегистрировала его в журнале, и, перед тем как отнести редактору, громко прочла. Председатель райисполкома сообщал, что приведенные в фельетоне факты подтвердились. Кое-кого освободили от работы, в том числе и управдома, некоторым объявили выговоры, дверь в однокомнатную квартиру восстановили.

Меня это ужасно обрадовало, словно это известие могло принести мне счастье.

Алексн Жоржикашвили иронически усмехнулся, перечел письмо про себя и сказал:

— Слава богу, что «факты подтвердились», они о них не знали, видите ли!

Интересно, успокоилась ли Чкония и Дзиндзобадзе? Наверное, смирились с судьбой. А дверью нашей, небось, уже другие жильцы пользуются. Им, конечно, сказали, чья это квартира, но кому дело до чужого горя? Я так думаю. Ответ председателя райисполкома набрали черным петитом и напечатали в ближайшем номере.

Вот какая сила — газета! А Ивлита Чкония не верила. Не поверила словам журналиста, который сорок лет жизни отдал газете и знал силу ее слова. Пусть пожалует на юбилейный вечер и убедится, что журналист этот никогда не бросает слов на ветер. Пусть пожалует, я сам ей пошлю пригласительный билет.

Да, впрочем, не стоит, а вот послать школьным друзьям Темура надо, необходимо. Я нес список, составленный сотрудниками тети Кето, в машинописное бюро. Он был довольно пространный, но я успел пробежать его. Нугзара Чичинадзе и Рамаза Нинуа в нем не было. А мои товарищи по школе? Учителя? Ведь все прекрасно знают тетю Кето... «Пятьдесят билетов, — подумал я, — нужно мне лично. Пятьдесят билетов...» Так я и сказал дяде Алексн, когда с отпечатанным списком вернулся обратно.

— Для чего тебе столько? — удивился дядя Алексн.

Я ему объяснил.

Тут он хлопнул себя ладонью по лбу:

— Молодец, Тигэ!

Мы условились ничего не говорить тете Кето, и я получил ровно пятьдесят билетов с конвертами. Вечером я надписал на пригласительных билетах фамилии учителей и своих школьных товарищей. Нашел в телефонной книге адреса Нугзара Чичинадзе и Рамаза Нинуа... Тут меня осенила еще одна мысль, и я поспешно вывел на конверте: «Таганрог, детский дом, Даше Игнатьевой». Я не забыл ее.

Может, тетя Даша меня и не помнила, но о редакции, где прежде работала, забыть не могла... Я положил в портфель пригласительные билеты и на утро раздал товарищам.

У Мзии и в самом деле необыкновенное сердце. Сколько раз она доказывала мне это. И сейчас, получив два билета, она обняла меня и поздравила, словно это был мой юбилей.

А вот Джумбер Перадзе даже не открыл его. Я исподтишка наблюдал за ним. Он то сворачивал билет трубочкой, то проводил им по стене, то хлопал по спинам ребят.

Я взглядом показав Мзии: приглашай, мол, такого. Мзия разозлилась, что-то пробурчала, подошла к Джумберу Перадзе и отняла у него пригласительный билет.

— Неблагодарная свинья! — крикнула она оторопевшему Джумберу.

Посмел бы он сказать что-нибудь в ответ, я бы показал ему...

— Тебя пригласили, человеком посчитали. А ты?

— Что случилось? — вздернул плечи Джумбер Перадзе. — Подумаешь, ма- чехин юбилей!

Кровь ударила мне в лицо, но я сдержался. Мзия не сразу нашлась, что ответить.

— Знаешь, как поступают злые мачехи? — спросила она после некоторого замешательства.

— Как? — вопросом на вопрос ответил Джумбер.

— А вот так! — Мзия размахнулась и дала ему затрещину.

И тут зазвонил звонок.

Мери Григорьевна вошла в класс. Она уже знала, что я пригласил всех ребят на торжественное чествование тети Кето, и поэтому, прежде чем начать урок, обратилась к нам со следующими словами:

— Ребята, мы должны поблагодарить Титэ за внимание к нам. Все мы обязательно придем на вечер. Пригласительные билеты у всех на руках?

— У Джумбера Перадзе нет пригласительного, Мери Григорьевна, вот его пригласительный билет!

Мзия быстро вышла из-за парты, подошла к учительнице и протянула смятую бумажку. Мери Григорьевна повертела ее в руках и обратилась к Мзии:

— Объясни, что случилось?

Мзия рассказала.

— Садись! — сказала учительница.

Мзия прошла между партами, ни на кого не глядя, и села на место.

Мери Григорьевна подошла к Джумберу Перадзе. Джумбер встал.

— Как будто ничего особенного, простая бумажка, — сказала она, — хочешь порвешь в клочья, от этого никто не пострадает, мир не перевернется. Но когда товарищ оказывает тебе внимание, хочет, чтобы ты разделил с ним его радость, твой долг ответить вниманием на внимание, уважить его просьбу, хочеться тебе того или нет, и уж конечно, отнестись с должным уважением к этой бумажке, поскольку она символизирует приглашение.

Джумбер Перадзе стоял, спустив голову, потирая щеку рукой, словно только что получил пощечину.

Несколько конвертов я опустил в почтовый ящик. Я не мог смотреть тете Кето в глаза, мне казалось, она догадывается, что я тайком от нее рассылаю пригласительные билеты.

Инициаторы вечера собирались устроить банкет, но тетя Кето наотрез отказалась. Она решила сама позвать к себе в дом близких друзей.

А юбилей неотвратимо приближался, и с каждым днем тетя Кето все больше волновалась. Она сшила себе новое платье, темно-зеленое. Платье ей было к лицу. Она даже мне его показала.

— Ты про себя небось думаешь, вот обезумела старуха, — сказала тетя Кето и засмеялась.

— Ничего такого у меня и в мыслях нет! — обиделся я.

— Не могу же я появиться на сцене в старом платье, — как бы оправдываясь, сказала она и, вздохнув, прибавила: — Ну и задали мне задачу.

Наконец наступил день юбилея.

Только кончились уроки, которые, казалось, длились вечность, я со всех ног побежал в редакцию. Я застал тетю Кето одну. Она сидела, как всегда, уткнувшись в бумаги.

Домой мы пошли раньше обычного.

Под вечер редактор прислал за тетей Кето свою машину.

Клуб издательства находился на пятом этаже.

Только открылись двери лифта, как мы очутились в окружении пионеров. Они поднесли тете Кето цветы и захолопали в ладоши. Тетя Кето было тронута до слез. В дверях клуба ее встретили Нугзар Чичинадзе и Рамаз Ниноа.

— Мои дорогие мальчики, — глубоко и как-то с облегчением вздохнула тетя Кето, словно, если бы они ее не встретили, произошло бы несчастье.

Друзья Темура расцеловали ее и горячо поздравили.

В зале яблоку упасть было негде. Завидя юбиляра, все встали и аплодисментами проводили ее до сцены. А я, растерянный, плелся следом. Среди шума до меня донесся звонкий голос Мзии:

— Титэ!

Я тотчас же обернулся: весь наш класс сидел в первом ряду. И Мери Григорьевна была здесь, и Мзина мама...

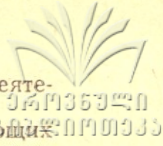
Мзия заняла для меня место.

Тетя Кето поднялась на сцену и скрылась за занавесом.

Нугзар Чичинадзе и Рамаз Ниноа сели неподалеку, в первом ряду. Я объяснил Мзии, кто они.

— Вот было бы здорово, если бы Темур присутствовал на юбилее своей матери! — прошептал я, и сердце у меня сжалось. Темуру не пришлось бы ходить к матери в тюрьму, как мне, напротив, он был бы свидетелем почта и любви, которыми пользовалась его мать и которые она заслужила своим трудом и честностью.

Тетя Кето не была знаменитой писательницей или общественным деятелем, но за свою жизнь она успела сделать много доброго.

Я не мог успокоиться. Все разглядывал зал. Большинство присутствующих были работниками редакции и типографии. Нелли Семеновна, другие корректоры, лифтер, дядя Ладо...

Перед сценой вертелся фоторепортер Михаил Капанадзе со своими наилучшими фотоаппаратами.

Занавес раздвинулся. В кресле, чуть поодаль от президиума, сидела тетя Кето. И тени волнения не было на ее лице, но кто знает, что делалось у нее в душе... В президиуме сидели Алекси Жоржикашвили, Геронтий Микадзе и Анзор Меликишвили.

Зал, как только раскрылся занавес, встал и зааплодировал. Поднялась и тетя Кето, потупила голову, как робкая ученица, и стояла так, пока не стихли аплодисменты.

Докладчиком был Алекси Жоржикашвили. Он так убедительно и живо рассказывал ее биографию, будто они и дня друг без друга не прожили с самого рождения. Нелегкую жизнь, оказывается, прожила тетя Кето. Как сказал дядя Алекси, ей пришлось выдержать три вида борьбы: борьбу с сердцем, с пером и нервами. На всех трех фронтах она вышла победительницей. Это не каждому под силу!

Потом выступил редактор газеты и от имени редакции преподнес тете Кето золотые часы. Выступавшие сменяли друг друга, на столе росла гряда поздравительных адресов и подарков...

* * *

Два часа ночи.

Улеглись страсти, шум, смолкли тосты, песни, и за столом, напоминающим поле боя, остались трое: я, тетя Кето и Альберто Ирибари — друг Темура. Он приехал издалека специально на юбилей тети Кето. А пригласил его я. Тайком от тети Кето. Гости ушли час назад, а мы все сидим. Альберто чуть-чуть навеселе, с волнением вспоминает все, что связывало его с Темуром.

Наверное, это и есть бессмертие, когда тебя помнят, когда ты с живыми. Альберто выступил в клубе и там со сцены говорил о Темуре, многие не знали, что Альберто Ирибари несколько лет жил в Тбилиси и здесь выучился грузинскому языку. Поэтому для них было неожиданностью, когда он заговорил по-грузински.

Надо было видеть встречу Нугзара Чичинадзе и Рамаза Ниуа с Альберто! После стольких лет разлуки дружба встретились вновь. Они были очень благодарны мне...

Вот и закончились торжества. За окном — глухая ночь. Завтра Альберто улетит. И пойдут снова будни.

Мама сейчас спит, верно, и видит меня во сне. Но разве может ей присниться этот стол, тетя Кето, Альберто Ирибари?! Мама даже с Мзней меня не увидит во сне, потому, что никого не знает. Не знает, сколько добрых людей стали моими друзьями...

Тетя Кето постелила Альберто на моем диване. И мне тут же — на раскладушке.

Альберто некоторое время пристально смотрел на фото Темура. Вспомнил, наверное, прошлое... Потом повернулся ко мне, обнял за плечи и сказал:

— Ну, сам знаешь...

Да, я знал, что он хотел сказать:

«Будь таким, как Темур. Береги свою честь и доброе имя. Это будет самой высокой наградой для его матери».

* * *

Я сижу в редакции. Из канцелярии принесли очередную почту.

В ожидании Анзора Меликишвили и Михаила Капанадзе я помогаю тете Кето разбирать почту.

Сегодня мы идем на стекольный завод. Сколько нового и интересного я уже видел с ними! Дядя Анзор всегда пишет о хороших, добрых людях. Алекси Жоржикашвили и Геронтий Микадзе никогда не берут меня с собой, наверное, чтоб я не сталкивался с грязными делами.

Я перебираю почту. На всех конвертах один адрес: «Тбилиси, улица Ленина, редактору...». И вдруг я беру в руки письмо, адрес написан по-русски: Тбилиси, редакция газеты... Титэ Гоциридзе.

— Тетя Даша! — крикнул я так, что тетя Кето вздрогнула и по привычке посмотрела на дверь.

— Письмо, тетя Кето, письмо от тети Даши, — сказал я, вскрывая кон-

верт. — Я же говорил вам, что пригласил ее на юбилей. Она не приехала, а письмо вот прислала...

— Ты шутишь, приехать сюда из Таганрога!

— А Альберто? Он ведь еще дальше живет!

— Альберто совсем другое... Он наш друг, очень близкий.

— Тетя Даша тоже не посторонний человек. Она ведь здесь работала.

— Но я с ней едва едва знакома... А ты вдруг приглашаешь на юбилей. Ну-ка,

прочти, что она пишет.

«Дорогой Титэ! Ты не представляешь, как обрадовало меня твое письмо. Я и мой младший сын собрались уже ехать, но днем раньше я заболела, и поэтому я не смогла присутствовать на юбилее тети Кето, не смогла повидать своих старых друзей. А ведь был такой удобный случай побывать в Тбилиси! Но ничего не поделаешь. А пригласительный билет я спрятала как дорогой подарок. Поцелуй за меня тетю Кето, поздравь и пожелай ей здоровья, долгих лет жизни. Я рада, что тебе хорошо живется. Обнимаю и целую тебя. Тетя Даша».

— Славная женщина, — сказала тетя Кето и подставила мне щеку для поцелуя.

Я с удовольствием выполнил поручение тети Даши.

В это время в комнату заглянул Михаил Капанадзе.

— Пошли, — позвал он меня.

Письмо тети Даши словно окрылило меня, я вприпрыжку побежал за журналистами.

Мы бегом спустились по лестнице. В вестибюле меня остановил дядя Ладю.

— Что ты все бегаешь за этими мужчинами? — улыбаясь, сказал он. — Пора тебе и самому что-то сделать, сынок.

— Сделаю, дядя Ладю, обязательно сделаю, — крикнул я и бросился вдогонку за своими старшими товарищами.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Повесть о моем предке

А ШОТАН Мухранбатони выехал из Тбилиси в полдень. Солнце, стоявшее в зените, нещадно опалило уже выжженную зноем траву, неумолчный стрекот цикад нарушался лишь мерным цокотом копыт. Мухранбатони велел сопровождавшей его свите отстать — ему хотелось в одиночестве еще раз окинуть мысленным взором события прошедших дней.

...Вот уже пятый день как Ашотан Мухранбатони находится в Тбилиси по приглашению Вахтанга (в мусульманстве Шах-Наваза). Вместе с ним, как это соответствовало его высокому сану и знатному имени, пребывала многочисленная свита. Он выбрал самых родовитых князей.

До последнего дня Ашотан так и не узнал, с какой целью его пригласили в Тбилиси. Царь Вахтанг не торопился раскрывать тайну. Пиршество следовало за пиршеством, встречи — за встречами. Ашотан подавлял в себе любопытство и не спрашивал ничего у царя.

Наконец вчера вечером царь Вахтанг перед званым обедом пригласил Ашотана прогуляться по дворцовому саду. Они подошли к вековому развесистому дубу, сели в удобные, располагающие к беседе кресла.

— Дорогой мой Ашотан, брат мой...

Так вот что задумал, оказывается, царь!..

Он выступал в роли свата — предлагал связать судьбы дочери Ашотана Дареджан и сына Вахтанга Орбелиани — Сулхана.

...Позади осталась Мцхета. Повеяло прохладой. Ашотан, по-прежнему увлеченный воспоминаниями, бессмысленно смотрел на дорогу.

Сулхана ему показали незадолго до отъезда. Пареньку было около пятнадцати лет, но чувствовалось, что он вырастет в высокого, представительного мужчину. Сулхан при встрече смущенно опустил голову, не смея поднять глаза на будущего тестя. Потом, на пиру, он сидел в конце стола и вовсе не любопытствовал, о чем беседовали царь, Мухранбатони и его отец Вахтанг.

Ашотан Багратиони Мухранбатони принял предложение царя (которое скорее походило на приказ) без особого энтузиазма, исподволь намекнул царю на высокое происхождение девушки, потом добавил:

— Моей Дареджан всего двенадцать лет, ребенок она еще... К тому же, слаба здоровьем... Болеет все..

— Говоришь, ребенок?! — засмеялся царь. — Так подрастет, года два-три будут обручены, а затем поведем обоих под венец!

...Сулхан Орбелиани, внук знаменитого Каплана... Знал, конечно же, знал Ашотан Каплана Орбелиани — гордого, коварного, скрытного мдиванбега — верховного судью, одного из образованнейших людей в Грузии. При царском дворе он пользовался неограниченным влиянием. Правда, фамилия Орбелиани не столь блистательна, как ветвь Багратиони, но все-таки Орбелиани принадлежали к знатнейшему феодальному роду. Нельзя сбросить с весов и то обстоятельство, что царь Вахтанг женат на Родами, тетке Сулхана. Не меньшим весом, нежели отец, пользовался и сын Каплана — Вахтанг, «великий Орбели», как называли его.

Ашотан в задумчивости проговорил про себя: «Верховный судья Грузии, родной дядя государей Картли и Кахетии... Мать Сулхана, Тамар, была до-

черью могущественного правителя Заала Эристави-Арагвского. Образованная, добродетельная, она воспитала пятерых сыновей и трех дочерей... Разумеется, представительям рода Орбелиани и Эристави не сравниться с Багратиони... но... — Ашотан оглянулся, словно кто-то мог подслушать его мысли, — но... в знатности они не столь уж уступают ему».

В тот год лютовала зима. Ветер из Ксанского ущелья в ярости бросался на огромные тополя и, вырвавшись на простор, собрав все свои силы, обрушивался на твердые стены замка Мухранбатони.

Больше месяца живет Сулхан во дворце своего будущего тестя. Прибыв во дворец, он решил, что не останется здесь больше одной недели, но два дня спустя после его приезда поднялся такой ветер и повалил такой снег, что об отъезде нечего было и думать. Сулхан вынужден был остаться. Признаться, он не очень-то был огорчен — у Ашотана Багратиони замечательная библиотека.

Сулхан с нетерпением ждал часа, когда он сможет уединиться в библиотеке. Здесь пахло стариной и книжной пылью. Мирно потрескивал камин, а за окном бушевал ветер. Бывало, в библиотеку заглядывал азнаур¹ Георгий Иашвили. Он устраивался поудобнее в кресле, стоявшем возле камина, и втолковывал своему любимцу «Комментарии» Юлия Цезаря. По рекомендации царя, а также Вахтаंगा Орбелиани воспитание Сулхана поручили уже немолодому Георгию Иашвили, человеку широкообразованному для того времени, знавшему множество языков. Иашвили немало повидал на своем веку. Казалось бы, что могло удивить его — и все-таки не мог он не поражаться уму своего юного воспитанника, его рвению к учебе, к знаниям...

«...Я, первенец Вахтаंगा Орбели, сына знаменитого Орбели Каплана, верховного судьи Грузии, — Сулхан еще будучи отроком начал обучаться церковным песнопениям по желанию божьему и настоянию отца моего... Воспитывал меня Берука — сын мцхетского Зедгинидзе, а мастерству пения обучал Иашвили Георгий».

Георгий Иашвили хорошо понимал, к какому знатному роду принадлежал его ученик, знал также, что Вахтанг V принимал самое деятельное участие в воспитании своего молодого родственника.

Годы учения и трудов не прошли даром. Юноша Сулхан знал уже столько, что ему могли позавидовать многие зрелые умы. Все чаще обращался Сулхан к своему учителю с просьбой научить его латинскому языку. Георгий улыбался — рано, дорогой мой мальчик, рано, еще многое надо постичь, прежде чем приступить к изучению латыни. Когда просьбы ученика стали особенно настойчивы, учитель, задумавшись, сказал ему как-то:

— Слышал я в народе притчу. Запомни ее, она пригодится тебе в жизни. Бродила как-то кошка по лесу. Видит, лежит мертвая львица, а рядом копошится львенок. Взяла кошка с собой львенка, выкормила его. Вырос львенок, стал сильным и уже сам выходил на охоту.

Однажды после неудачной охоты, проголодавшись, львенок решил сожрать кошку, которая его вырастила. Смекнув о том, кошка вмиг вскарабкалась на дерево. Львенок улегся внизу под деревом, долго смотрел на кошку, потом сказал: «О, моя кормилица, моя спасительница, почему, обучив меня всему, что ты знала, передав мне все свои повадки, ты не научила меня лазить по деревьям?».

Кошка ответила: «Я приберегла это для себя, чтоб воспользоваться этим, когда мне будет так трудно, как сейчас».

Мог ли подумать тогда юный Сулхан, что много позже, к концу жизни, вспомнится ему эта горькая притча.

Ашотан Мухранбатони любил Сулхана как родного сына. Вспыльчивый, своенравный, упрямый и гордый в обращении с домашними, Ашотан не склонял головы даже перед царями грузинскими — второй ветви Багратиони. Однако стоило кому-либо непочтительно отозваться о царской фамилии, он сурово наказывал того.

Приезд Сулхана в Мухрани словно подменил Ашотана. Он как-то размяк, скуп, сдержанно, но проявлял-таки таившееся глубоко в душе его тепло. Одним словом, никто не помнил Мухранбатони таким добросердечным.

Однажды пришел к нему Георгий Иашвили.

— Господин мой! Позволь обратиться...

Ашотан тяжело склонил голову.

¹ Азнаур — грузинский дворянин. Различались потомственные и служилые азнауры; они делились на царских, княжеских и церковных. Азнауры владели землей и несли обязательную воинскую повинность. С присоединением Грузии к России азнауры получили права русских дворян.

— Господин мой! Трудно, очень трудно приходится Дареджан. Ашотан резко повернулся к азнауру.

— Что ты мелешь? Что могло случиться с моей дочерью?!

— Трудно ей, господин! Очень трудно... Не поспеваешь она за Сулханом...

Я не жалею сил, ты знаешь меня, но... Словом, заниматься им вдвоем нет смысла...

Ашотан развалился в кресле и от всей души расхохотался:

— Будь ты неладен, напугал меня... Трудно, говоришь? А ты и не томи ее. Она женщина, и к чему ей чрезмерная ученость. А столько, сколько знает наш Сулхан, наверное, не знаешь ты сам, не так ли, мой Георгий?

С тех пор Сулхан и Дареджан занимались в разных комнатах.

Дареджан была хрупкой, тоненькой девочкой со светлыми волосами. Единственная наследница могущественного Мухранбатони, добрая и ласковая, она лишена была какого-то основного, жизненного нерва. В неделю несколько раз она недомогала, и тогда ее голубые глаза смотрели с такой грустью, словно навек прощались с миром.

Лечащие ее врачи — отец и сын Турманидзе — ни на минуту не спускали с нее глаз. А голубоглазая Дареджан печально улыбалась и таила день ото дня. Возможно, потому и был всегда не в духе Мухранбатони и искал в Сулхане поддержки? Кто знает?.. За всю зиму только однажды видели Дареджан веселой. Как-то отец, нежно погладив ее по волосам, сказал:

— Девочка моя, наш Сулхан сочинил какие-то притчи и теперь в зале вместе с Георгием будет представлять ряженых. Они стараются для тебя... А как ты себя чувствуешь? Я думаю, представление не утомит тебя.

В зале, помимо домохозяев, собрались соседи. Часть зала была отгорожена тяжелой драпировкой, из-за которой доносился приглушенный шепот. Потом началось представление.

«...Жил глухой, потерял он быка и пошел искать его. Повстречался ему по дороге человек, стал глухой расспрашивать его о быке. А встречный, оказывается, был еще более глух и тащил он за собой ишака, которого нашел на дороге. Не понял он, о чем его спрашивает владелец быка, и решил, что это хозяин ишака. «Если ишак твой, забирай его и вознагради меня за то, что я нашел его». Так они и не столкнулись».

Проезжал мимо всадник. За спиною у него сидела женщина. Подошли глухие к нему. Один рассказывает ему про своего быка, другой — про ишака. Всадник оказался еще более глухим и решил он, что они хотят похитить у него женщину. Стал он их заклинать: «У меня умерла жена, а это ее служанка, не подумайте, что она мне чужая». Так ни один из них ничего и не понял. Тогда отварились все к надюю. Каждый рассказал о своем. А кадий, оказывается, сам стал глух к старости... Поскольку наступал рамазан, он решил, что пришедшие — вестники новолуния. И сказал: «Коли увидели они луну, бейте в барабан...». Так никто из них ничего и не понял...».

...В зале раздался хохот. Дареджан не могла усидеть на месте. Давно не видели ее такой веселой. Она пыталась угадать, кто кого представляет, но «артисты» так искусно загримировались, что мудрено было узнать их.

А представление продолжалось...

«...Жил-был царь, и жил в его царстве человек, такой злой на язык, что никто никогда не слышал из его уст доброго слова. Собрался царь в долгий поход и говорит ему: «Скажи хоть на дорогу доброе слово, вернусь — отблагодарю...».

А человек тот говорит ему: «А если ты не вернешься из похода, кто отблагодарит меня? Нечего зря пропадать доброму слову!».

Ушел царь. Прошло два года. Соскучился злоречивый по царю, отправился повидать его. Завидев его, царь говорит везиру: «Смотри, идет к нам злоречивый, ты ни о чем его не спрашивай, ничего, кроме недоброго, от него все равно не услышишь. Ты спроси лучше, как там мой нес Гошиа». Подошел к царю злоречивый, поцеловал землю перед ним. Везир спрашивает: «Как поживает там Гошиа?». Тот отвечает: «Окошел бедняга». Везир спрашивает: «Что с ним приключилось?». Тот отвечает: «Окошел белый верблюд царя, собака съела падаль и сдохла».

«А отчего окошел верблюд?»

«Простилась с этим еветом царица-мать, везли ее на кладбище на этом белом верблюде, не выдержал тот тяжести, сдох».

Опечалился царь: «Отчего же умерла мать?».

Злоречивый, плача, поведал: «Покинула этот свет царица Пиримзе, и вот царица-мать с горя последовала за ней».

Обезумев, царь вопрошает: «Что же убило ее?».

Злоречивый сказал: «Умерли от кори ваши дети, какая мать вынесет такое горе?».

Царь, бия себя по голове, спрашивает: «Значит, во дворце никого нет, ни живой души?».

Тот отвечает: «Когда я был там, во дворце рассыпали саман...».

Оказывается, все, что он рассказывал, было злой выдумкой. Чего еще можно было ждать от человека, никогда в жизни не произнесшего доброго слова.

«...Заглянул как-то хозяин в свой винный погреб и увидел возле одного кувшина плоску. Спрашивает хозяин: для чего здесь эта плоска?»

Слуга отвечает: когда я прихожу работать в погребе, я пью этой плоской вино.

Тогда хозяин нанял человека, чтоб тот следил за слугой, когда он будет работать в погребе.

Пришел хозяин на следующий день, видит, стоят рядышком две плоски.

Спрашивает хозяин: в чем дело?

Слуга отвечает: одна плоска — моя, а другая — того человека, которого ты поставил следить за мною...».

Решено было свадьбу справить в Тбилиси, а на третий день отправить молодоженов на родину Сулхана — в Тандзию. В замке Мухранбатони нагрузили телеги всякой всячиной, дичью и мясом, черным как смоль вином и отборными фруктами. Такой же нагруженный яствами караван шел из Тандзии в Тбилиси. Одно было досадно: царь Вахтанг V Шах-Наваз не мог присутствовать на свадьбе.

В Исфагане давно уже недовольны правлением Шах-Наваза. Грузинский царь, оказываясь, жаждет объединить страну! Сначала в Имеретии, а потом и в Кахетии он возвел на престол своего старшего сына Теймураза. Но воля царя на каждом шагу сталкивается с самоуправством тавадов¹. Царя Вахтанга поспешно отозвали в Исфаган, а на престол взошел его второй сын Георгий XI.

Молодой государь был опечален отъездом отца, но все-таки, чтоб не обижать родственников, прибыл на свадьбу.

Людское море волновалось перед Сионским собором. Сам католикос считал браком Сулхана Орбелиани и дочь Багратиони Мухранбатони — Дареджан. Под многоголосное песнопение, в свете горящих свечей соединил католикос их судьбы.

Вдруг воцарилась в церкви мертвая тишина. Сулхан сбернулся. В дверях с обломком меча в руке стоял мандатуртухусеси — министр царского двора. Католикос удивленно поднял брови — подсбное в церкви, во время свадебного обряда — святотатство.

А мандатуртухусеси направился прямо к царю. Таким твердым и тяжелым шагом, словно каблуками вбивал в пол гвозди.

— По пути в Исфаган неожиданно скончался царь Вахтанг V.

Зиму Дареджан и Сулхан провели в Тбилиси. Дареджан редко вставала с постели. Виновато смотрела на молодого мужа своими огромными голубыми глазами. Сулхан был удручен болезнью жены, тем, что ей не может помочь ни один врач — Дареджан таяла день ото дня.

Едва на деревьях лопнули первые почки, врачи посоветовали увезти Дареджан в Тандзию, может быть, ей пойдет на пользу перемена места и чистый горный воздух.

И отправилась в Тандзию подвода с навесом, в которой возлежала Дареджан. Сначала остановились на отдых в Телети, потом — близ Марабды. Ночь провели в Марнеули и утром, на рассвете, снова пустились в путь. И уже не останавливались более до самого Болниса.

Сулхан то и дело соскакивал с коня, отодвигал полог и садился рядом с Дареджан. Служанка бережно придерживала голову хозяйки в ладонях. Дареджан снова устремляла на мужа виноватый взор.

— Потерпи еще немного, жизнь моя, совсем немного, скоро мы будем дома... Вот увидишь... Наши врачи за неделю поставят тебя на ноги...

Из Болниса дорога пошла круто вверх. Ощущался едва уловимый запах ранней весны. Он медленно, с трудом поднимался с низины, словно ему трудно было преодолеть этот подъем.

— Еще немного потерпи, жизнь моя, еще немного... Увидишь, наши врачи выечат тебя за неделю...

В Тандзии Дареджан не прожила и недели. На пятый день она скончалась.

¹ Тавади — наиболее богатые и влиятельные феодалы высшего сословия грузинского феодального общества.

Говорят, со временем воспоминания становятся острее. Воспоминания можно видеть, чувствовать, слышать, их можно даже осязать...

Сулхан стоял посреди комнаты и смотрел на окружающие его предметы с тем враждебным чувством, с тем мучительным непониманием, какое вызывает в нас после любой смерти бессловесная жизненность предметов. В этой комнате он хорошо знал любую мелочь, но весь облик Дареджан в целом никак не мог восстановить. Он помнил ее волосы, ее голос, даже ее запах. А лицо целиком так и не смог представить — вместо лица мелькала перед ним застенчивая, словно виноватая улыбка, да и та мгновенно исчезала.

Сулхан давно уже свыкся с мыслью о том, что его молодая жена обречена. Но что смерть может быть такой, он не представлял. Дареджан тотчас стала чужой, лишь едва заметная улыбка на поблекших губах была родной и близкой. Она не вызывала того непонятного чувства страха, который испытываешь, находясь рядом с мертвецом, но в то же время трудно было представить, что она когда-то ходила, говорила, стыдливо и сдержанно ласкала мужа. Мучительно было Сулхану входить в эту комнату, и в то же время его тянуло туда.

День следовал за днем, месяц за месяцем. Сулхан бродил по дому как лунатик. Никого не подпускал к себе. Дважды звал его царь Георгий в Тбилиси, прося его помощи в разрешении каких-то неотложных дел. Но Сулхан оба раза сказался больным.

Берука Зедгинидзе старался не упускать своего воспитанника из виду. Он понимал состояние молодого Сулхана и знал, что болезнь не излечить ни лекарствами, ни утешениями. Врачевателем здесь может быть только время.

А Георгий Иашвили после смерти Дареджан ходил как безумный. Растрепанные волосы, опухшие и красные от бесконечного плача глаза. Несколько раз Сулхан наблюдал, как Георгий на окраине села что-то проповедовал крестьянам. Те смеялись. Завидев Сулхана, они вскакивали, низко кланялись и шли в деревню. Иашвили же шел в обратном направлении — в горы. О чем беседовал Иашвили с крестьянами, Сулхан не знал, да и не интересовался.

А несколько дней спустя он узнал, что Георгия безжалостно избили монахи, и вот уже третьи сутки тот не выходит из своей комнаты, а еду ему носит Зедгинидзе.

Новость эта не была неожиданной для Сулхана. Еще в Мухрани подвыпивший Георгий так пренебрежительно отозвался о вере христовой, что не будь Сулхана, Мухранбатоли сурово наказал бы своего вассала. Нередко Берука Зедгинидзе говорил Сулхану — такого образованного человека, как Иашвили, не найти во всей Грузии, но мысли у него опасные, не верит он ни во что на свете — ни в бога, ни в черта. И в беседе с Сулханом Иашвили бывало злословил в адрес служителей бога. Пытался даже привлечь его неверие в богослужителей, но Сулхан был тверд как скала, и Иашвили перестал сманивать своего ученика на чертову стезю. Удивительнее всего было то, что Иашвили был монахом и крамольные мысли вовсе не мешали ему горячо молиться и выполнять все христианские обряды. А после молитвы он мог поносить того самого бога, которому только недавно зажигал свечу.

...В тот день Сулхан сидел перед окном в своих покоях и бессмысленно глядел на дорогу, ведущую в Болниси. Был полдень. Крестьяне далеко, под самой горой, стожили сено. Слева, в кузнице, усердно стучали молотом. Воздух не двигался. Не переставая трещали цикады. Изнуренная жарой собака лежала, словно бездыханная, под старым ореховым деревом. На дороге показались всадники. Приблизившись к замку Орбелиани, они спешились. Сулхан узнал болнисских священников и отошел от окна — чувствовало сердце, не с доброй вестью прибыли они в этот знойный день.

Но не удалось Сулхану уйти от неприятной беседы. Дело касалось Георгия Иашвили. На днях в полдень во время молитвы к монахам пришел пьяный Иацвили. Сначала он помолился вместе со всеми, беседовал по-дружески с ними и, несмотря на то, что был изрядно пьян, держался с достоинством. А потом — какая его укусила муха, никто не знает, — стал он придирается к монахам, вызывать их на спор. Распалившись, он осквернил недостойными словами святую обитель. Оказывается, он говорил: христианская религия существует только лишь для того, чтобы вести за собой ослов. Пронрыливых и невежественных ослов. Церковью правят честолюбивые, злые, неверующие попы, которые оболванивают глупых ослов. Ислам же — учение паршивых верблюдов — еще темнее и вонючее христианства. Не существует никаких адских пыток и мучений в загробном мире. Христос сам был величайшим грешником — грешил где только можно было и прибегал ко всяческим уловкам, чтоб возлечить себя. Вспомни хотя бы неисправимый грех его последних дней, когда восстал он против воли господ бога и хотел избежать кары, ради чего, собственно говоря, и был послан на землю. Грузины лицемерят,

говорят, что веруют. На самом деле в душе каждого сидит дракон честолюбия, и каждый, объяви его завтра богом, принял бы это как должное. Это именно дракон заставляет грузин убивать друг друга. Враг, вторгшийся на нашу землю, истребил меньше грузин, нежели этот честолюбивый дракон. Душа наша, мы верим в бога?! Ложь. До сих пор мы идолопоклонники, только поклоняемся разным идолам. И лишь один идол у нас у всех общий — идол неверия, пренебрежения ко всему, идол шутовства и зависти, коварной, черной зависти к ближнему.

И напоследок Иашвили еще раз назвал монахов ослами и пройдохами, за что и был избит.

Монахи, перебивая друг друга, требовали немедленно изгнать Иашвили, в противном случае грозились обратиться с письмом к католикусу, а также сообщить отцу Сулхана о недостойных, крамольных мыслях воспитателя его наследника. Долго еще не могли успокоиться служители бога, но наконец после сытного обеда, обнадеженные, пустились в обратный путь.

Сулхан решил было поговорить с Георгием, чтоб тот не сеял смуту и не кликал беду на свою голову, но раздумал и предпочел молчать. Иашвили не любил, когда ему делают замечания, и обижался как ребенок. Станный это был человек. Лишь близкие знали, какое доброе сердце носит в груди своей неутомонный, беспокойный и злой на язык богоотступник...

Еще несколько дней оставался Орбелиани в Тандзии. Дал последние указания управляющему. Обошел излюбленные с детства места, побывал на фамильном кладбище, велел очистить от бурьяна могилы предков и зажечь свечи, поминая их души. Потом сложил в хурджин книги, бережно уложил сверху рукопись своих басен. Попрощался с домохозянами и ранним утром пустился в путь — в Тбилиси. С собой взял только младшего брата Зосиме и Георгия Иашвили.

До самого Болниси никто не проронил ни слова. Георгий отставал, грозно тарачил красные после попойки глаза.

Гнедого, на котором восседал Сулхан, подковали накануне, и поначалу конь шел тяжело, но за Болниси он почему-то рванул вперед и пустился вскачь. Сулхан отпустил поводья. В ушах зашумел ветер. Развеваясь темная грива коня секла Сулхана по лицу. Иашвили бросился догонять Сулхана, настиг его на краю ущелья. Гикнул учитель, подбадривая ученика своего, и рванул вперед. Зосиме пытался не отставать от старших, но ему мешал хурджин с книгами.

Кони выдохлись. Первым натянул поводья Сулхан. Следом сбавил ход конь Георгия Иашвили. Вскоре нагнал их и Зосиме. У кислых источников они спешилися. Умылись. Позавтракали. И снова пустились в путь. Георгий не спеша следовал за Сулханом, довольный, что-то бубнил про себя. «Могу поспорить, что он, конечно, не молится», — улыбнулся Сулхан и обернулся к учителю. Далеко, у кислых источников, которые они оставили позади, стоял столб пыли. «Всадники», — тревожно подумал Сулхан и подстегнул коня. Спустя время он снова оглянулся. Теперь уже отчетливо видны были всадники — их было пятеро. Потом они исчезли. Но вдруг из-за гребня Иаглуджи навстречу им выскочили двое всадников. Иашвили схватил хурджин с книгами и перекинул его через своего коня.

— Татары, черт бы их... — проворчал он и повернулся к Зосиме. — Обнажи кинжал, сынок, и не бойся...

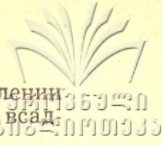
Сулхан побледнел. Дрожь прошла по всему телу. В себе Орбелиани был уверен — недавно он подставил плечо под застрявшую в грязи телегу и помог быкам вытянуть ее. И за Георгия он был спокоен — быстрый и ловкий, он мог постоять за себя. Сулхан испытывал страх лишь за Зосиме...

Стычка оказалась короткой. Татары потрясали в воздухе саблями, хотели взять пленников живыми. Они даже заарканили коня Георгия и повалили всадника, но Зосиме, изловчившись, кончиком кинжала перерезал натянутый аркан. Георгий как бешеный вскочил и с силой вонзил кинжал в живот татарина. Сулхан всю орудовал кинжалом. Зосиме крутился рядом, подбадривая брата криком. Георгий одной рукой ухватил за поводья коня убитого татарина, а другой продолжал рьяно отражать натиск.

...Разбойники исчезли так же неожиданно, как и появились. На поле осталось два трупа. Трое всадников скрылись за хребтом Иаглуджи, видимо, отправившись за вспомогательным отрядом. Не могли они так легко упустить такую добычу, как княжеские сыновья.

Орбелиани повернул коня к Марнеули. Было ясно — без сопровождающих не добраться до Тбилиси, они могут стать добычей торговцев живым товаром.

Небо заволочло тучами. В воздухе запахло дождем. Где-то в отдалении грянул гром. Следом хлынул проливной дождь и вмиг промочил коней и всадников.

...— Меня зовут Дата, князь. Дата Гонглишвили. Мог ли я подумать, что вы пожалуете в мою бедную хижину. И жены моей нет дома, ушла вместе с детьми к крестной матери. Две недели поживут у них, семья у крестной с достатком, помощи им бог...

Дождь не думал прекращаться. В очаге гудел огонь. Рядом дремал пес. Пахло мокрой собачьей шерстью. На низком столике хозяин раскладывал еду.

С одежды путников поднимался пар. Хозяин расстелил в углу бурку для Зосиме. Паренек прилег и, усталый, вмиг сомкнул глаза. Георгий, прежде чем приступить к вину, опорожнил три чарки водки и был уже весел. Сегодняшнее приключение сейчас не представлялось ему столь зловещим, как раньше.

Сулхан задумчиво смотрел на огонь. Он многое слышал о торговцах рабами, знал людей, у которых пропали бесследно слуги, крестьяне, а то и дети, но с самой этой страшной бедой лицом к лицу встретился лишь только сегодня. Страшнее и позорнее всего было то, что не только татары похищали людей, но и местные князья грели на этом деле руки. И словно в ответ на горькие мысли Сулхана снова донесся голос Дата:

— Тяжелые времена настали, тяжелые... От татар мы еще как-нибудь избавимся — не одни мы на этом свете — и сможем сразиться с врагом. Страшнее внутренний враг... внутренний. Полдеревни продано в рабство, да разве только половина?.. Гляди вот, — Дата убрал длинные седые волосы и... вместо ушей Сулхан увидел лишь сморщенные комочки. — Я своими руками отрезал уши... Кому нужен уродливый раб. Одни отрезали себе нос, другие выкальвали глаз, струбали себе пальцы на левой руке... Да, с татарином мы управимся, сможем угодить и своему хозяину, но вот от гзири¹ никому нет спасу. Это самые настоящие аспиды. Не насытишь их слезами и кровью...

Далеко за полночь Сулхан встал, сел на трехногий стул перед очагом. Все спокойно спали. Из хурджина он достал заветную тетрадку, на обложке которой было выведено: «Мудрость вымысла», разворошил уголья, зажег лучину и стал писать:

«В стране Кларджети в одной деревне был гзири, человек злой и вредный, враждовавший со всеми в деревне. Довел он деревню до полного разорения. Измышлял он какую-нибудь провинность, доносил татарам, и те грабили село. Но вот пришел день его смерти. Созвал он к себе всю деревню и говорит: — Я грешен перед вами, каюсь, и поскольку вы не могли отомстить мне при жизни, то заклинаю вас богом: когда я умру, накиньте мне на шею веревку, выволоките из дому и повесьте на дереве.

Поддались жители деревни на его уловку и, когда гзири умер, поступили с ним так, как он велел. Увидел какой-то татарин висящего на дереве гзири и прибежал к кадию: — Повесили нашего гзири.

Прислали татары своих людей, обобрали всех как липку. Стали крестьяне проклинать гзири: живой грабил, не давал нам жизни, а умер — так вовсе разорил!».

Дождь перестал, ночную тишину нарушал лишь глухой лай собак...

В Тбилиси настали довольно спокойные дни. Георгий XI, заботящийся о благе нации, принял ислам, тем самым предоставил своему народу возможность жить относительно спокойно. Прекратились нашествия — они считали царя Георгия своим верным вассалом.

И снова налились соком виноградники, зазеленели саженцы, послышались песни. В городе мастеровые работали без страха. Купцы с караванами верблюдов беспрепятственно доходили до Гори, Михета, Тбилиси. Стоял вопрос объединения всей Грузии под властью единого престола.

Двадцатисемилетний Сулхан был правой рукой царя. Человек светлого ума, образованный и мужественный, он смело решал дела государственной важности, умел разгадывать корыстные намерения вероломных тавадов. Будучи верным союзником царя, он умным советом спокойно и неторопливо помогал ему разрешать вопросы внутреннего правления и внешних отношений.

А по дворцовому саду у главе таких же, как и он, неугомонных сорванцов носился маленький Ваханг Багратиони, вооруженный игрушечным кинжалом и луком со стрелами.

¹ Гзири — низшая административная должность в дореволюционной деревне — человек, исполняющий распоряжения управляющего.

Он был похож на сказочного принца. Темные кудри спускались до самых плеч. В голубых глазах плясали чертики. Няньки бегали за ним по пятам, молили его спуститься с дерева и позавтракать. Не меньше волновался и священник — царевич не хотел быть послушным мальчиком и нередко перед едой даже забывал молиться.

Единственный человек, кого почитал маленький Вахтанг, был Сулхан Орбелиани. Он имел над ним неограниченную власть, точно волшебник. Прищурит бывало добрые глаза этот чернобородый представительный мужчина, погладит мальчугана по головке, посадит себе на плечи и идет с ним в царские покои. Вахтанг знал — у Сулхана Орбелиани мало свободного времени, у него много дел, к тому же он все время что-то пишет, и потому не капризничал, а безропотно следовал за учителем. Царевичу нравились басни, написанные Сулханом. Многие он даже знал наизусть. Послушав несколько басен, Вахтанг приступал к занятиям. Душа и мысли Вахтанга — как вновь распаханная плодородная целина. Каждое зернышко новых знаний давало обильные всходы.

Бывало, на занятиях присутствовал Георгий Иашвили. Он молча сидел за столом, довольный и молодым учителем, и его талантливым учеником. Однажды же он пообещал Вахтангу, что, когда тот подрастет, он обязательно обучит его латинскому и русскому языкам.

Заметив, что маленький Вахтанг устал, Сулхан прекращал занятия и, приласкав своего любимца, отпускал его резвиться в сад.

Редкими были свободные минуты у Сулхана, и поэтому каждый выход в город был для него настоящим праздником. Он подолгу бродил по узким и кривым улочкам Тбилиси, слушая его разноголосый шум.

Здесь можно было встретить людей разных национальностей, услышать грузинскую, татарскую, армянскую, еврейскую, арабскую, курдскую речь. С мужчиной в чохе беседовал татарин в феске, женщина в грузинском национальном головном уборе здоровалась с женщиной в пестром курдском одеянии. Грузинская православная церковь мирно соседствовала с армяно-грегоринской, с синагогой и мечетью.

То и дело Сулхану навстречу попадались люди, которые почтительно приветствовали его. Он останавливался, с некоторыми беседовал, справлялся о семье, передавал знакомым привет.

Имя Сулхана Орбелиани давно уже было хорошо известно не только в Тбилиси. Его уважали. Все от мала до велика читали его басни, знали, что это один из образованнейших людей.

Прислушиваясь Орбелиани к пестрому говору на площадях и рынках города и невольно сердце его сжималось от боли.

Осквернен, изуродован его родной язык. Не прошло даром многовековое иго иноземцев. Исподволь, незаметно, а нередко и насильственно вторгались в грузинский язык чуждые ему слова, и в Грузии начинали говорить на каком-то смешанном языке. Этому немало способствовали и тавады, которые ради политической карьеры и собственной выгоды готовы были на все, охотно переходили в магометанство. Позже Сулхан Орбелиани с горечью писал: «...Вы продаёте веру за мелкую мзду или из зависти к соседу! Стоит вам увидеть блестящий наряд на ком-либо из богачей, парчу или золотистую ткань, как вы исполняе­тесь завистью к нему, предаёте­ся стяжательству, грабежам, творите всякие беззакония!...».

Насаждались и укоренялись не свойственные грузинскому народу обычаи, образ жизни, в моду входила мусульманская одежда, народ стоял перед страшной угрозой обезличивания, национального вырождения.

«Я, Сулхан Орбелиани, в юношестве и отрочестве вложил много труда в написание этой книги. Ибо не существовало какого-либо лексикона грузинского языка, с течением времени исчезло творение, названное Вахтангом V «Ситквис кона», и поскольку была утеряна эта почитаемая всеми книга, язык грузинский оскверняли кто как мог...».

Вдруг он остановился, ошеломленный нашедшим на него неожиданно озарением. Словарь! Кто возьмет на себя труд составить его? Кто сможет поднять со смертного сна обреченную мать и одним мановением руки излечить все ее недуги?! Только бог!

Человек?

...Давно уже Георгий Иашвили не переступал порога церкви. В тот вечер же, после беседы с Сулханом, он направился к Сиони.

Горячо, неистово молился бывший монах. Преклонив колени, со слезами на глазах молил он богоматерь спасти грузинский язык, дать ему силы выстоять... И еще молил он бога помочь ему дожить до заветного дня — когда у грузинского народа будет свой словарь!..

А Сулхан Орбелиани в это время открывал свои сокровенные думы царю. И настали бессонные для Сулхана ночи. Страх и волнение терзали его, поиски, находки и потери переполняли эти бессонные ночи... Кто знает, сколько пар мягкой обуви — дуга сносил он в поисках одного-единственно нужного слова, со сколькими людьми встречался, беседовал, чтоб уточнить всевозможные оттенки того или иного слова.

Он имел под рукой словари многих языков мира, сравнивал их меж собой. Писал, зачеркивал и снова что-то писал. Страх не покидал его. Ноша казалась ему тяжелейшей из нош. Трудно сказать, когда и что он ел, спал ли... В бессонных ночах протекали годы...

...Царь Георгий не спешил начинать беседу. Рассматривал какие-то бумаги, подписывал, откладывал в сторону и разворачивал новый свиток.

Сулхан терпеливо ждал, когда царь закончит свои дела. Замечал, что нелегко Георгию начинать беседу, и в предчувствии недоброго у него ныло сердце. А царь все тянул время, пробегая глазами, видимо, не очень-то значительные бумаги.

Наконец он встал. Подошел к окну. Долго смотрел на город. Потом, кашлянув, начал...

Беседа длилась с час. Нет, скорее всего, это была не беседа, Сулхан сидел молча и лишь изредка вставлял: «— Да, государь... Ясно, государь... Ваше слово закон, государь... Я готов, государь...».

Тяжело ступая, покинул он дворец. Шел он к себе, а перед взором его все еще стояло печальное лицо царя, и вновь слышал он голос его — царь старался казаться бодрым.

...С удивлением, смешанным со страхом, смотрел Иашвили на бледное лицо Сулхана и, не выдержав, воскликнул:

— Ну что, что надо было государю?

...В XIII веке среди грузинских феодалов самыми могущественными и влиятельными были самцхские мтавары¹. Они пользовались неограниченной властью при дворе и принимали самое деятельное участие в правлении страной. Во время нашествия монголов на Грузию до самых последних сил противостоял им самцхский мтавар Кваркваре Иванэ Джакели-Цихисдживрели. За период господства монголов заметно ослабла государственная власть, зато мтавары сосредоточили в своих руках огромную силу. Монголы всячески разжигали междоусобицы, способствовали проявлению хищнических инстинктов честолюбивых тавадов, стремились разобщить их.

Одним из законных проявлений этой политики был выход княжества Самцхе из-под контроля грузинского царя: монголам удалось рассорить царя Давида и его ближайшего соратника Саргиса Джакели. С 1266 года Самцхское княжество подчинилось непосредственно только хану. Однако Георгий V сумел восстановить единство страны, и в 1335 году Самцхское княжество вновь стало частью единой страны. Но невозможно скленть уже однажды развитое. Самцхские мтавары продолжали по-прежнему рваться к независимости. В пятнадцатом веке, когда Грузия окончательно распалась на независимые княжества, одним из первых отделилось от единой Грузии Самцхе-Саатабаго.

Именно в это время окрепшее татаро-османское государство, сожрав Византийскую империю и поработив Трапезундское царство, стало непосредственным соседом Грузии. В первую очередь оно угрожало Самцхе-Саатабаго, а в конце XV века сумело покорить «непокорных гюрджей». Царь Имеретии Багрят III в XVI веке попытался избавиться от турецкой власти и с этой целью решил присоединить к своим владениям и Самцхское княжество, но после тяжелых боев вынужден был отступить.

Вскоре туркам удалось полностью оккупировать Самцхе, обложить его жителей податью, насадить свою систему управления и превратить, таким образом, древнейшее грузинское княжество в своего вассала. Пашой в Самцхе назначали кого-либо из рода Джакели, принявшего магометанство. Началось насильственное распространение ислама. Часть князей, не желавших переходить в магометанство, нашла приют в Грузии, остальные подчинились господству османцев.

В последующие века Ахалцихское княжество было форпостом турок. По указанию султана ахалцихские паши часто вмешивались в дела своих соседей.

Поэтому установление родственных отношений царя Георгия с ахалцихским пашой преследовало большую политическую цель. В результате предваритель-

¹ Мтавары — высшие представители землевладельческой знати дофеодальной и феодальной Грузии.

ных бесед стало ясно, что и Гурам Джакели не прочь восстановить дружеские, добрососедские отношения с царем Грузии.

«Жертвой» был избран Сулхан Орбелиани. Дочь Джакели — Тамар не сколько раз бывала в Тбилиси. Она приезжала с богатой свитой, окруженная роскошью, и после ее отъезда долго еще не смолкали разговоры о ней.

Вряд ли можно было найти существо более уродливое, нежели княжна. Даже толстый смой белил и румян не скрывал растительности на ее лице. Коротышка, кривоносая, косоглазая, она тем не менее вызывающе оглядывала князей, приглашенных на званый, в ее честь, обед.

Но больше всего поражала окружающих ее невоспитанность и несдержанность. Она никого не признавала, даже о царице Грузии отзывалась пренебрежительно.

— Ха, ха, ха, ха! Такой огромный детина пишет басни?! — она тыкала пальцем в Сулхана Орбелиани. — Подойди-ка ко мне поближе, князь-сказочник! Ха, ха, ха, ха! — заливалась княжна, не обращая внимания на неловкую тишину, воцарившуюся вдруг в зале.

Сулхан подавил в себе чувство неприязни и спокойно улыбнулся.

— Да, я пишу басни, княжна!

— А умешь ли ты вязать носки? — не могла уговориться Тамар, вытирая пальцами, увязанными дорогими кольцами, выступившие на глазах слезы. Тамар умялась лишь с приходом царя.

...Знал, как не знать, Орбелиани наследницу Джакели.

Но теперь...

В Тбилиси сыграли скромную свадьбу. В Ахалцихе же пир длился неделю. Ахалцихский паша не скрывал своей радости — ему, разумеется, очень нравился зять... Безрадостно текли дни Сулхана. После свадьбы своеобразная Тамар не стала лучше. К тому же она оказалась сварливой и злой.

Однако Сулхан не очень страдал. Тамар не надоедала ему своей любовью. Наоборот, стеснилась ученого мужа.

Две недели они провели в Ахалцихе. Потом переехали в Тбилиси. Супруги не докучали друг другу, каждый был занят и увлечен своим делом, и этот безмолвный договор устраивал обоих. Наконец Тамар, придумав повод, собралась домой, в Ахалцихе. В сопровождении как всегда большой и богатой свиты она тронулась в путь, иронически улыбувшись мужу на прощание.

— Дорогой, я скоро вернусь к тебе.

Сулхан же, с разрешения царя, остался в Тбилиси.

Чем длительнее мир и покой в стране, тем более беспокойным и тревожным может оказаться будущее.

Снова беспокойно в Грузии.

Снова вспыхнули междоусобицы.

Снова появился новый искатель трона.

Снова бесконечно льется кровь, лютует вражда.

Такова, видимо, была судьба Грузии, так повелось испокон веку. От внутренних войн слабела страна. Самые талантливые становились придворными поэтами, а люди средних способностей до самой старости так и не могли найти свое место в жизни, переходили от одного могущественного князя к другому, нередко падали жертвой на поле брани или же покидали мирскую жизнь и уходили в монастыри. Там они и старели, разуверившиеся во всем.

Стонала земля грузинская. Обливалась кровью вырубленная под корень лоза. А грузинский крестьянин воевал. Другого пути у него не было. Не все ли равно, кто убоет тебя: собственный хозяин или же неверный.

... И наконец он стал царем. Ираклий I, в мусульманстве Назар-Али-хан. По настоянию его деда, Теймураза I, он жил в России. С подобающими его царскому происхождению почестями был принят он при дворе Алексея Михайловича. Его считали настолько близким к царской семье человеком, что, когда у русского царя родился сын Петр, по грузинскому обычаю Ираклий был тамадой за пиршественным столом в честь рождения наследника. Много лестных слов было произнесено им тогда в адрес отца новорожденного.

Посылая внука в Россию, Теймураз преследовал единственную цель — эта огромная, необозримая страна, узнав грузинского наследника поближе, возможно, не останется равнодушной к судьбе Грузии и в дальнейшем позаботится о воцарении Ираклия на престол.

Надежду на реальную помощь со стороны России питал Теймураз I, когда в 1658 году прибыл в Москву. К этому времени Грузия уже готовилась

восстать против Персии, и Теймураз I в случае удачи надеялся вернуться в Грузию с русским войском.

Теймураз едва узнал своего внука. Он вырос, возмужал, большие черные глаза его смотрели на окружающих с вызовом, пышные черные усы топорщились, как у породистого кота, и, когда он нервничал, у него подергивалась левая щека. Ираклий стал грубым, резким, пристрастился к водке. Он проводил дни в пирах со своими русскими и грузинскими друзьями и, видимо, совсем не вспоминал об оставленной им родине.

...Прошли годы, и Ираклий оказался при дворе персидского шаха: будущий царь Грузии долго и упрямо не хотел принимать магометанство, но одолела его жажда власти, и новый ставленник магометанства Назар-Али-хан тронулся в путь — в Грузию.

По пути отряд его пополнялся людьми, недовольными царем Георгием.

...И снова все смешалось в Грузии. Брат проливает кровь брата.

Ираклий стал царем! Но трон нужен был ему не только для повелевания страной. Им владела и другая неуправляемая страсть — страсть ораторства.

Свое выступление, как правило, начинал он словно не знающий урока растерянный ученик. После недолгого замешательства он повторял последнее слово и спокойно продолжал развивать свои мысли. Но постепенно, с каждой последующей минутой он распался, кровь в нем закипала, глаза блестели, и он из оратора превращался в проповедника, настаивающего свою паству на путь истины. Ему казалось, что он побеждает в спорах многочисленных своих противников, на самом же деле он сражался с несуществующими химерами. Никто не смел его прервать. Он жаждал убедить народ, что с его воцарением на престол придет для них спасение, возродится грузинская нация. Вначале ему, признаться, удавалось привлечь народ на свою сторону.

Ираклий был рабом своего настроения. Веселость, хорошее расположение духа исчезали у него так же внезапно, как появлялись, и тогда он впадал в меланхолию. После долгого затихья он вновь загорался и, выбрав себе очередную жертву, обрушивал на него каскад высоких слов.

Атмосфера в стране снова была пропитана ложью и лицемерием. Стали подыргаться гонениями сторонники царя Георгия. Новый властитель обладал способностью не замечать недостатков людей, которые ему нравились. Он даже мог сквозь пальцы смотреть на отдельные неудачи своих избранников. Но в то же время способен был на любые ухищрения, чтоб сделать невыносимой жизнь того, кто стал ему неугодным.

Сулхан Орбелиани знал, что рано или поздно и над ним разразится гроза. Он был приближенным царя Георгия XI, его сподвижником, а чтобы навлечь на себя гнев нового властителя, этого было достаточно.

И гром грянул! Прежде всего Сулхана Орбелиани лишили его владений. Многие, заведомо зная, что Сулхан будет в немилости, своевременно отошли от него.

К покинутому всеми писателю однажды в пасмурный осенний день приехал Георгий Иашвили. Он так резво соскочил с коня, что трудно было поверить, что он на пятнадцать лет старше Сулхана.

Всегда спокойный и сдержанный, Сулхан обрадовался гостю как ребенок. Он обнимал, целовал своего учителя, потом завел его в комнату и тотчас принялся накрывать на стол.

Иашвили шутил:

— Что с тобой сделали, а, князь! Я думал, что ты великан, а тебя одолели какие-то крысы! Хи-хи-хи! А что ты думал? Так тебе и сойдет с рук твое писательство? Впредь, сын мой, как я вижу, у тебя будет больше свободного времени, сиди и пиши! Вот привез тебе еще несколько книг и расскажу новые истории, услышанные мною в народе. Ты пиши, пиши свои басни, они еще принесут пользу народу!

...Всем сердцем были рады встрече учитель и ученик. Ведь разлука близких людей порой смерти подобна.

Сулхан шел наравне с Георгием. Беседа что-то не клеилась.

— Тебе следует опасаться ему на глаза. Дел у тебя предостаточно, есть чем заниматься. Да и ты уже в том возрасте, когда должен передавать другим свои знания...

Сулхан поднял на Георгия печальные глаза.

— Куда мне деться?.. Ни дома у меня, ни крова.

Георгий хитро прищурил правый глаз.

— Дорогой мой Сулхан, то, что ты сейчас услышишь от меня, не шутка...

Я давно подумывал об этом... Ты должен постричься в монахи... Да, да, не смотри на меня так изумленно. Говорю тебе, ты должен постричься в монахи...

— Иашвили, безбожник! Это ты-то советуешь мне стричься в монахи, ты? Георгий расхохотался:

— Да, это говорю тебе я, Иашвили. Иди в монастырь и трудись там на благо народа. Тебя учил я, и я же говорю тебе, что не всяк монах, на ком клобук... Сегодня с твоей стороны это будет самый благоразумный шаг. Это необходимо стране... Нашей Грузии... Ведь Грузия и Христос, мой Сулхан, для нашего народа — единое целое, а иуд, предателей и продажных тварей — много. Посмотри, кого у нас считают святыми? Тех, кто отдал отчизне всего себя. В Европе же святыми считают тех, кто отказался от мирской жизни, от сияния солнца, кто, больной телом, сгнил в дряхлости и стал добычей жирных червей. Скажи, могут ли такие «святые» принести пользу стране или всевышнему? Видишь разницу в святых? Я ведь говорил тебе, что грузин представляет себе христианство по-своему и принял в этой вере то, что отвечает его идеалам. Так что, дорогой мой Сулхан, не подумай, что я предлагаю тебе отречься от земной жизни. Я повторяю, клобук не превратит тебя в монаха.

Разлука в этот день в самом деле была равносильна смерти...

Совет Георгия Иашвили был для Сулхана настолько неожиданным, что он растерялся, не зная, что ответить. Сомнений быть не могло. Иашвили советовал это своему ученику от чистого сердца. Но почему? Неужели нет другого выхода? Почему мужчину, полного сил, умудренного знаниями и жизненным опытом, должна постичь участь монаха?

Монах! Слово это в понимании Сулхана заключало в себе нужду, падение духом, потерю мужского достоинства, скудость ума...

На рассвете загорланили петухи. Следом залаяли собаки. Не успели еще пробудиться от сна первые верующие, а с минарета уже пропел муэдзин. Позднее зазвонили колокола в христианских церквях.

Не хотел примириться Георгий XI с поражением. Все еще надеялся вернуть себе трон. И лилась кровь братьев. Неистовствовал Ираклий. Беспощадно истреблял своих противников. Сулхан и его братья находились в лагере Георгия на Клдэнари, когда узнали печальную весть — царь Ираклий и Калбалихан «дошли до Армени и Дманисского ущелья». Разорили город Дмани, сожгли Таандзю и близлежащие села. Ираклий видел в Сулхане Орбелиани своего неусыпного врага и не пощадил его владений.

В Карли пылали деревни. За боем следовал бой, за победой — поражение. Побеждал то один царь, то другой. Как-то счастье улыбнулось Георгию XI. Он вернул на три года картлийский престол, но горе такому царствованию — ему не давали опомниться войска Ираклия, которого всячески поддерживал султан. На алтарь борьбы царей была принесена обескровленная страна. День от дня редели ряды сторонников Георгия — одни навсегда остались на поле битвы, другие перешли в лагерь Ираклия.

Понял Георгий XI, что не победить ему многочисленного и вооруженного до зубов врага, и решил отказаться от престола.

...И направился Сулхан Орбелиани в Ахалцихе с небольшой свитой через сожженные деревни пропитанными кровью тропами.

Тест Сулхана был крепкий орешек. Распылоть его было нелегко. И вряд ли он уважил бы просьбу зятя дать приют царю Георгию и его приближенным, если бы считал, что царь сломлен окончательно. Не стоило бы тогда царю искать убежища у ахалцихского паши — он оказался бы в плену и погасла бы единственная надежда спасти истекавшую кровью Грузию от магометанства.

Вот когда Сулхану впервые пришлось исполнять миссию посла. Он него теперь зависело многое. Потерявший надежду, побежденный царь терпеливо ждал от него ответа... И Сулхан спустя месяц известил о том, что ахалцихский паша согласен принять в своих владениях Георгия XI и его приближенных.

...Другого выхода не было, царь Георгий должен был примириться со своей участью. Правда, ахалцихский паша приютил его, но от помощи что-то воздерживался. Пребывание царя Георгия в Ахалцихе было похоже на почетное пленение. Ему не давали скучать, пир следовал за пирам, охота — за охотой. Отдавая должное почетному гостю, коварный атабег¹ не упускал случая подчеркнуть, что в своих владениях он единственный повелитель и здесь все в его власти!

И тогда родилась у Георгия XI мысль, которая как червоточина не давала ему покоя, — податься в Иран, к Хусейн-шаху и поклониться ему. В этом он видел единственное для себя спасение.

¹ Атабег — феодальный правитель юго-западной части Грузии.

Позже, даже в глубокой старости, Сулхан как наяву представлял себе тот день, когда он расставался с царем Георгием, помнил его печальную улыбку, улыбку отчаяния:

— Так вот, дорогой мой Сулхан! Пришло время расстаться нам. Грузия никогда не была счастливой в полной мере страной, может ли она быть счастливой сегодня? Так было всегда: казалось бы, вздохнула страна, можно спокойно торговать, мирно трудиться, строить города, возделывать без страха поля, девушек выдавать замуж, женить юношей, растить внуков... Но нет, не суждено, видать, это нашей земле... Вспомни, кто из наших царей правил мирно и спокойно?... Ест и у меня такая же горькая участь...

В глазах у Сулхана стояли слезы, казалось, он издали слышал печальный голос царя. Он с трудом выдавил из себя:

— Не жалуйся на свою участь, царь. Ты ведь сам внушил мне слова великого Шота Руставели: «Муж не должен убиваться в столкновении с судьбою. Муж в беде стоять обязан неприступною стеною...».

— Да, как неприступная стена... Но, мой Сулхан, даже каменная стена со временем рассыпается, превращается в пыль, а мы ведь люди...

— Царь, прошу тебя еще раз, возьми меня с собой, неужто есть у тебя человек надежнее меня? Ты знаешь, я смел и бесстрашен и за тебя я готов идти в огонь и в воду. Кто знает, что ждет тебя при шахском дворе, тебе необходим там верный друг!..

— Нет, мой Сулхан! Ты не рожден для войны. Пролить кровь — не твое дело. Я был бы плохим царем, если бы ученого мужа повел в бой, а бойца приковал бы к кривге... Тебя ждут не меньшие трудности... Чего ты повесил голову, а еще говорил, что храбр? Только прошу тебя не забывай про свою миссию на земле, твоя книга нужна стране больше, чем царю... Трудись, не щади сил своих и заслужишь ты память потомков...

...Еще долго клубилась на дороге пыль. Небольшой отряд держал путь к ущелью Куры.

А Сулхан стоял у скалы и смотрел ему вслед. Всадники скрылись за столетними соснами.

...И эта разлука была для Сулхана смерти подобна...

«Помиловал» Ираклий I Сулхана. Позволил поселиться в Тбилиси. Сулхан Орбелиани не верил в благие намерения царя, ибо знал, что это по просьбе Георгия XI шах велел Ираклию проявить милосердие к сторонникам Георгия. Ираклий вынужден был исполнить повеление шаха. Как говорится, где сила, там и закон. Ничего не поделаешь, повиновался Ираклий приказу шаха и смилил свой гнев на милость.

Получила мать Сулхана Тamar письмо от Ираклия: «Итак, мы проявляем милость к вам, вдове мдиванбега Вахтанга Орбелишвили, дочери Заала Эристави, госпоже Тamar. Принадлежащие Саакадзе вотчины, Джалдами и Гористави, царем Ростомом Бараташвили дарованные Тамазшвили, были приобретены тобою. Далее, когда сыновья твои примкнули к царю Георгию, мы разгневались и лишили, таким образом, их вотчин. Но рассудили и пришли к выводу, что приобретенные тобою владения не подлежат отъятию. Потом мы примирились с сыном твоим Сулханом и его братьями, простили их, и купленные тобою деревни Джалдами целиком и Гористави целиком в милости своей возвратили вам, тем самым воздав должное справедливости. Реваз Зурабшвили, получивший дарственную грамоту на эти владения, той самой грамотой был введен в заблуждение. Верно. Написан приказ сей в 1700 году».

Возвратился Сулхан в Тбилиси, но это был уже другой человек. Совет Георгия Иашвили запал ему в душу, мучил, будоражил его.

Не так уж далеко находится от Тбилиси пустыня Давид-Гареджи. Стоит свернуть от Сартичала вправо, как природа словно вымирает — виноградники сменяются колючками и репейником, сады — кустарниками, чернозем — песчаниками, не ведающими рук человека. То и дело, особенно летом, можно наткнуться там на страшную властительницу пустыни — гюрзу.

Не так уж далеко находится от Тбилиси пустыня Давид-Гареджи, но здесь никто не живет, никто, кроме отшельников-монахов.

«...Нет здесь воды, приносят воду из скал и пьют ее; нет здесь леса, растет лишь боярышник, который монахи употребляют также в пищу...» — Вахушти Батонишвили.

Монашеский клубок не сделал Сулхана монахом. На первый взгляд может показаться, что этот высокий статный мужчина, внутренне надломленный, уединился в иррачной, выжженной зноем пустыне, чтоб удалиться от мирских забот. Отныне его зовут не Сулхан, Саба — так зовется новый монах. Но для того, чтоб самому помнить о своих обязанностях перед страной, народом и чтоб

подчеркнуть, что он вовсе не отрекается от житейских забот, он оставил себе также имя, данное ему при крещении.

Сулхан-Саба Орбелиани...

Монастырь Давид-Гареджм Сулхан-Саба Орбелиани выбрал не случайно — во всей Восточной Грузии этот монастырь был единственным центром, который сосредоточивал в своих стенах все книги, написанные в грузинских монастырях за границей. Саба знал, что здесь следуют богатым культурным традициям грузинской церковной литературы. В то же время Давид-Гареджский монастырь был опорой царей Картли и Кахети. На протяжении веков он был самоотверженным поборником единства и мира в Грузии.

Приход в монастырь известного на всю страну писателя и мыслителя, безусловно, поднимал авторитет монастыря. Сулхан-Саба Орбелиани знал, что отшельники-монахи, уединившиеся в Давид-Гареджской пустыне, приносят немало пользы стране, он читал их книги и был уверен, что в их лице он найдет единомышленников.

Медленно, в трудах и молитвах протекали дни, месяцы. В монастыре очень скоро поняли, что, надев монашеское одеяние, решив стать монахом, Сулхан-Саба вовсе не ушел от земных забот, что уединение в создавшихся условиях — закономерный, единственный для него выход. Занимаясь здесь литературой, он по-прежнему служил стране. Он верил в будущее, и это будущее, как и для них самих, было единственным идолом, которому они поклонялись. А бог?! Конечно же, они верили в бога. Но не в бога нищих духом и юродствующих.

Нередко Сулхан-Саба думал: неужели вера приводит в конце концов к плачевной необходимости — покорности? Трудно, невыносимо было для Сулхана после бурных событий в стране, участником которых он был, оказаться вдруг в этой тихой обители, отказаться от житейских забот и довольствоваться лишь новостями, услышанными из уст приходивших в монастырь людей.

Все не мог унять царь Ираклий. Правда, он сумел избавиться от сторонников и единомышленников царя Георгия и окружить себя надежными людьми, но его все еще точил червь тщеславия. И снова сражался он с невидимыми «врагами»...

Приняв магометанство, он принуждал к тому же своих приближенных, жаждал всех своих подданных обратить в чужую для них веру.

«...Так Ираклий, нареченный Назар-Али-ханом, пришел и стал царем Тбилиси в 1688 году. Он плохо знал обычаи Грузии, не ведал, как надо царствовать, но умел произносить сладострастные речи, любил пить и кутить...».

Двор грузинских царей стал походить на шахский. Все реже встречался здесь человек в грузинской национальной одежде. Преобразался не только облик приближенных, но также их манеры, поведение. Была забыта даже грузинская кухня.

Бывали в Грузии цари, принявшие магометанство, но ни один из них не заставлял свой народ перенимать чуждые ему нравы и обычаи — наоборот, возвращаясь на родину, они с большим усердием способствовали развитию всего грузинского, национального. А принимали они чужую веру для того, чтоб усилить бдительность порабитителей. И таких царей народ причислял к лику святых, называл великомучениками.

Этого нельзя было сказать об Ираклии. Пришлась по душе новому правителю новая вера, и стал он ярым ее поборником. Правда, он любил повторять, что все это он делает для блага народа, но для всех была очевидна лицемерность его слов.

Следуя его примеру, многие тавады перешли в магометанство в надежде на то, что шах пожалует их крупными поместьями, наделит широкими правами.

А Сулхан-Саба Орбелиани, живя в Давид-Гареджском монастыре, с большою душевной писал проповедь — «Учение о дне святого Георгия и отуречивании грузин».

«...Некий из отступников паясничал, и я сказал ему: удались, исчадие ада. Но он ответил мне: нет, я также дитя рая. Я спросил: каким образом? Он ответил: в пришествие Христа, поскольку он сын божий и житель земли, я покажу ему лоб свой, отмеченный печатью помазания, если же явится Магомет, он увидит сына своего, совершившего обряд обрезания. Таким образом, или один вознесет меня в небо, или другой».

Пылала под знойным небом Давид-Гареджская пустыня. Сидели в своих кельях монахи и молча, не торопясь, трудились над книгами, которые в дальнейшем войдут в золотой фонд грузинской церковной литературы.

Огромные серые жабы ползали по каменным стенам кельи и печальными, как у человека, глазами долго смотрели на склоненного над столом монаха и целкали маленькими твердыми язычками... Жара сменялась ветрами, ветры — жарой... Постепенно пополнялся словарный фонд книги «Ситквис кона», писа-

лась книга «Учения», в основу которой были положены написанные Сулханом-Саба Орбелиани проповеди.

...Поздней осенью в Давид-Гареджи приехал Зосиме. Уставший, запыхавший, он оставил коня у ворот монастыря и тяжелым шагом направился в келью брата.

Раדות Сулхана была безмерна. Как малое дитя ласкался он к младшему брату, взволнованный, гладил по волосам, в которые уже прокралась седина. Он выбежал из кельи, принес воду, чтоб Зосиме умылся, сбежал за едой — принес вареные каштаны и плоды боярышника. Заставил брата снять верхнюю одежду. Сам вытрусил ее, вычистил и осторожно, как нечто драгоценное, повесил на стул, потом зажег свечу, хотя в келье было довольно светло.

Наконец успокоился, сел рядом с братом. Расспросил о близких. Его интересовали самые мельчайшие, даже самые незначительные подробности их жизни.

Дрожащей рукой раскрыл письмо своего воспитанника царевича Вахтанга. Внимательно и долго читал, потом вытер выступившие на глазах слезы. Мужал Вахтанг. Мужал и становился мудрее. Сказалось воспитание, полученное в детстве, — царевич стоял на правильном пути. Сулхан почувствовал, что Вахтанг много читает и, судя по всему, со временем станет большим ученым. Вахтанг делился со своим учителем планами на будущее, которых у него было великое множество.

Он задумал основать грузинскую школу нового образца. Поставил себе целью собрать разбросанные по всей Грузии книги, а также труды, созданные грузинскими учеными на чужбине. Но главное его намерение — основание в Тбилиси типографии, в которой наряду с церковными книгами печатались бы лучшие образцы грузинской светской литературы.

Вахтанг просил у Сулхана Орбелиани извинения за то, что, не согласовавшись с ним, он уже послал письмо в Валахию Антимозу Иберийскому с просьбой помочь ему в этом нелегком деле. Просил подробно написать о созданной им в далекой стране типографии и, если это возможно, прислать человека, который помог бы грузинам в создании аналогичной типографии. Ответа от Антимоза Иберийского пока не последовало, но Вахтанг надеется, что ученый муж не оставит без внимания, просьбу своего соотечественника. У Сулхана-Саба Орбелиани радости сверкали глаза, потирая от удовольствия руки, он беспокойно мерил шагами келью. Улыбался и, видимо, зажженный вестью о типографии, уже строил множество планов.

В монастыре давно спали. А братья все еще говорили...

Забрезжил рассвет. Закричали петухи. Медленно оживал монастырский двор. Зашлепали по каменному полу проснувшиеся монахи. Стало прохладно. Сулхан Орбелиани потеплее укрыл брата.

— Зосиме, слышал ты что-либо об Иашвили? Где он? Что делает? Неужели он так занят, что вот уже второй год не может прислать мне весточку. Не обижен ли он на меня?

Дневной свет разбавлял пламя свечи, и братья с трудом различали лица друг друга. Не будь это так, легко заметил бы Сулхан, как побледнел Зосиме, больно прикусил нижнюю губу.

— Что, брат, чего молчишь? Не стряслась ли с ним беда?!

Зосиме по-прежнему молчал. Орбелиани положил руки на плечо брата и в предчувствии доброй вести взглянул в его глаза.

Зосиме тихо плакал. Орбелиани вскочил, сдавленным голосом крикнул:

— Зосиме, не мучай меня! Что случилось? Почему ты плачешь? Умер Иашвили? Убили его? Да вымолви ты слово, не мучай меня бога ради!

Зосиме вдруг громко зарыдал. Орбелиани, застыв, как изваяние, стоял над братом и сухими губами шептал что-то.

Спрятав лицо в ладони, Зосиме плакал, не в силах вымолвить слово.

— Зосиме! — наконец едва слышно выдохнул монах. Зосиме поднял голову, взглянул на брата.

— Сулхан... Нет у нас больше Георгия... Нет... Его... продали... Безбожники продали его... Как скотину... Больше года о нем ничего не слышно. Да и кому нужен монах-богоотступник... притом твой учитель...

«Врага внешнего мы еще одолеем, мой Сулхан, страшен враг внутренний. Ты его жалеешь, не хочешь истребить на корню, а он продолжает свирельствовать... За тридцать сребреников продана наша несчастная и доверчивая страна», — послышался Сулхану Орбелиани печальный голос учителя. Он вдруг вспомнил его глаза — то лукавые и насмешливые (о таких обычно говорят, что в них чертики пляшут), то печальные, а то и пневные, горящие в пылу спора.

Орбелиани не мог плакать, слезы высохли...

День шел за днем, год за годом. Безжалостно бежало время, и многое менялось на земле. А в Давид-Гареджском монастыре жизнь текла по установленному порядку — медленно, лениво, в трудах и молитвах. Ничего не ждали монахи от земной жизни. Молча несли свой тяжкий крест и терпеливо ждали появления Микел-Габриэла — ангела смерти. Лишь единственного монаха не согнули монастырь с его безрадостной, однообразной жизнью. Внешне он ничем не отличался от других монахов, и те ничего не замечали. Относились к нему с почтением, внимательно слушали его пылкие, возвышенные речи, всячески помогали в работе — старались лишний раз не беспокоить, когда отец Сулхан-Саба писал что-то в своей келье, выдавали ему вдвое больше свечей, нежели остальным.

Жажду жизни не убили в нем ни эта выжженная пустыня, ни каменная келья, ни оторванность от дома и близких, ни печальный звон монастырских колоколов, ни постоянное соседство монахов в черном одеянии...

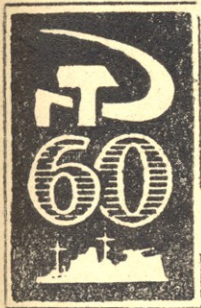
...Царю Ираклию также не пришлось долго царствовать. Против него восстали его же сподвижники, и снова все смешалось в стране. Царь поспешил к шахскому двору. Грузия осталась без правителя. В этот бесплодный период правителем Грузии назначили юного Вахтанга VI...

...И покинул стены Давид-Гареджского монастыря Сулхан-Саба Орбелиани. Путь его лежал к Тбилиси...

Окончание следует

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В двадцатые годы немалую роль в процессе роста и становления грузинской советской литературы, помимо представителей старого и нового поколений пролетарской литературы, сыграли писатели, которые выступили на литературную арену еще в дореволюционную эпоху и с первых же лет после победы в Грузии Советской власти встали плечом к плечу с победившим народом и твердо шли по пути сотрудничества с партией рабочего класса.

Среди представителей этого поколения в первую очередь необходимо назвать Галактиона Табидзе. Сразу после установления новой власти и победы социалистической революции в Грузии поэт с верой и вдохновением становится на платформу революционного искусства. В 1922 году он публикует большую статью, в которой предстает стойким защитником позиций Советской власти и советской литературы. В этой статье он, в частности, писал: «Мы всегда были вместе с народом, но в будущем нам с большей смелостью надо вторгаться в самую его гущу. Мы дадим народу все самое благородное, новую этику, новое пророческое воспитание. Именно там сможем найти новых людей, которые ненавидят все антиэстетичное и уродливое и которые мечтают сами превратиться в творение искусства. Наше сближение с народом показывает, с какой жадной приобщается он к истинному художественному слову. От имени народа мы обязаны отвергнуть кафешантанную поэзию, которая характерна для периодов ужасающего упадка и декаданса. Там поэзия превращена в искусство скандалов, в способ оправдания таких людей, которых характеризует отсутствие идеологии. Нам надлежит также полностью освободить ее от консерватизма, которым частично сковано современное мышление. Истинные поэты всегда были с народом и знали, заранее предопределив их для себя, свои цели. Вступая в новый храм, они не подвергали испытанию то, что уже испытано: сказанное словом, они подтверждали делом, и буквально все доказывало последовательность их выступлений. Наш век созрел для тех, кто идет в народ, наш век взшел на горизонт вместе с ними»¹.

Так, спустя год после установления Советской власти в Грузии Галактион Табидзе выступил с призывом крепить связь искусства с жизнью, с социалистической действительностью и сурово осуждал тех, кто стоял в стороне от нее. Г. Табидзе недвусмысленно выступал против символистов, «голубороговцев», футуристов и национал-консерваторов. Если вспомнить, каким постоянным нападкам подвергали тогда декадентские литературные школы реалистическую советскую литературу, станет очевидным огромное значение эстетической поэзии Г. Табидзе для развития и поддержки советской литературы.

В 1922 году же он писал в газете «День поэзии»: «Наша родина — страна легенд, поэм, трагедий, но поэт чувствует, что жить только прошлым нельзя: жизнь идет вперед и поэт не может и не должен отстать от нее. Современный поэт не имеет права поступиться своим достоинством и признавать только минувшее... Стиль пятого столетия подходит лишь для самого пятого столетия, для нашего же века это не что иное, как обноски. Божества прошлого дороги

¹ «Ломиси», 1922, № 1, с. 6.

для наших поэтов, но у нас новые, те, что соответствуют новому времени, новой эпохе, новому культурному уровню и нашим техническим возможностям. Мы пережили мировую войну, великую революцию, никто не отрицает, что настала новая жизнь, а новая жизнь нуждается в новых формах, новым же формам нужны новые слова. Грузинский поэт знает, что такое ненависть, но он знает и любовь, ему ведомо и отмищение, и самопожертвование. Сейчас он жаждет новой жизни и старается сбросить сковывающий холод преходящих вещей».

Галактион Табидзе основывает в эти годы литературный орган, которому дает свое имя: «Журнал Галактиона Табидзе». Первый номер журнала вышел 3 декабря 1922 года. В нем поэт выступил с призывом: «Обновление или смерть! Долой всяческую рутину, долой бесплодные элементы отжившего творчества, да здравствует новое созидание!». Эти высокопатетичные слова Г. Табидзе получили широкий резонанс. Вокруг журнала сплотились передовые грузинские писатели и деятели искусства того времени. В нем сотрудничали В. Барнов, Д. Клдиашвили, Ш. Арагвиспирели, Г. Кучишвили, Я. Николадзе, И. Вартагава, Д. Шенгелая, И. Мосашвили, Л. Гудиашвили, И. Экаладзе и другие. Здесь же были напечатаны несколько стихотворений и статей самого Г. Табидзе.

В одной из статей (№ 5) он писал: «Двумя миллионами глаз смотрю я на новый, тысяча девятьсот двадцать третий год и возглашаю: да здравствует будущее!».

Всем своим могучим поэтическим словом и делом Галактион Табидзе становится на службу советской литературы. Он решительно отвернулся от антиреволюционного литературного фронта и со всей искренностью поэтического вдохновения встал на платформу советской литературы. Эта позиция журнала Г. Табидзе имеет глубокие корни еще в его творчестве дооктябрьского периода. Уже тогда его творчество в лучших образцах характеризовалось боевыми, прогрессивными мотивами. И он остался верным этим мотивам и еще более углубил их в своей деятельности в качестве поэта и редактора журнала, девять номеров которого было выпущено им в 1922—1923 гг.

В эти годы Г. Табидзе подтверждал свою верность избранной им классово-политической и эстетической платформе не только манифестами и декларациями, но, главное, своим творчеством, своим вдохновенным поэтическим словом. В 1924 году он опубликовал известное стихотворение «Поэтам Грузии», которым воспел величественные свершения в жизни возрожденной Грузии. Призывный голос поэта прозвучал ясно и четко:

Мы же станем — во имя отчизны —
Там, где огненный ангел прерстерся,
Новым дням отдаем свои жизни
Мы, грузинской земли стихотворцы.

(Перевод П. Антокольского)

Плечом к плечу с Г. Табидзе в этот период встал замечательный грузинский поэт Георгий Кучишвили. Вместе с ними искренне и непосредственно воспевали советскую действительность в своем творчестве много других видных грузинских писателей, чье формирование завершилось еще в дооктябрьский период: новый творческий подъем и вдохновение испытали на себе после победы Советской власти такие известные писатели, как Давид Клдиашвили, Василий Барнов, Шию Арагвиспирели, Екатерина Габашвили, Анастасия Эристави-Хоштария. В 1926 году на первом съезде Союза писателей Грузии все они горячо выступили в поддержку новой власти и нового времени в истории народа.

Несколько позднее Е. Габашвили писала: «Я чувствую себя особенно счастливой, потому что в годы старости мне довелось увидеть прекрасную и счастливую жизнь моего народа, о чем в молодости я не могла и мечтать. Моя смерть не будет похожа ни на чью, поскольку я не испытаю ни горечи, ни сожалений, глядя на развитие моего народа, на жизнь моей страны, сердце мое исполняется гордости».

Такими идущими от сердца словами выразила находившаяся в глубоко преклонном возрасте писательница свое восхищение возрожденной и обновленной Грузией. И правда, писатели-реалисты, к числу которых всем своим творчеством принадлежала Е. Габашвили, не могли не ощутить великую животворную силу советской эпохи.

Несколько позже по поводу юбилея Руставели писательница говорила: «Читаю и не верю своим глазам: неужели это реальность, а не мечта, недостижимая, сказочная, сверхъестественная? Из моих глаз льются слезы, я готова преклонить колени и так возгласить: велико могущество человека, способного 750 лет спустя возродить погребенное величие народа».

Все эти известные и именитые писатели приняли новую эпоху и Советскую власть не только на словах и в декларациях: всем своим творчеством они старались отвечать новым задачам и требованиям. Вот несколько примеров. Д. Клдиашвили, увидев собственными глазами и прочувствовав сердцем радость и торжество своего освобожденного народа, со свойственной этому писателю искренностью и прямоотой приветствовал Советскую власть и, невзирая на преклонный возраст, с возрожденной энергией включился в активную творческую работу. После победы в Грузии Советской власти он возобновляет литературную деятельность, прерванную в 1914 году. В 1924—25 годах Д. Клдиашвили публикует два рассказа: «Возле очага» и «Тимотэ Мешвеладзе». В обоих рассказах делается попытка художественно отобразить новую, послеоктябрьскую действительность. В эти же годы Д. Клдиашвили начинает и работу над своими «Мемуарами», в которых раскрываются многие знаменательные страницы истории общественной жизни Грузии. В них воссозданы интересные портреты многих видных грузинских общественных деятелей.

В творчестве Василия Барнова, как известно, раскрыты выдающиеся события далекого прошлого Грузии и ее народа. С исключительной любовью и убедительностью, в ярких романтических красках воскрешает В. Барнов картины богатого исторического прошлого нашей страны. Но все же относиться В. Барнова исключительно к певцам минувшего было бы не вполне справедливо. Как всякий крупный художник, он не мог не отобразить свою эпоху, не ответить на запросы своего времени. В его творчестве мы встречаем доказательство интереса писателя к актуальным вопросам своей эпохи. И это становится особенно заметно после победы в Грузии Советской власти. Уже после Великой Октябрьской социалистической революции он напечатал несколько рассказов реалистического характера. Среди них следует упомянуть такие, как «Плотник», «Дэв из ельника», «Железный дэв», «Именитый», «Археологические останки», «Союз душ» и другие. С другой стороны, надо сказать, что отношение В. Барнова к прошлому в исторических романах, созданных в послеоктябрьскую эпоху, явно характерно для позиций советского времени и советской историографии. Как известно, в романах В. Барнова имели место некоторая идеализация прошлого, нечеткое изображение социальной и классовой борьбы. В новых условиях при отображении и воспроизведении исторических событий В. Барнов уделяет много внимания показу картин общественно-политической и социальной жизни народа. В этом отношении особо примечательны его романы «Хазарская невеста», «Георгий Саакадзе», «Падение Армази», «Грех молодости», «Пиримзе». Эти исторические произведения привлекают внимание в первую очередь тем, что писатель в них внимательно и углубленно анализирует политические, классовые и социальные истоки феодальных государственных неурядиц, междоусобных распрей и противоречий между отдельными владениями. В этом ярко проявилась реалистическая тенденция творчества В. Барнова.

Шо Арагвиспирели сравнительно недолго жил после установления в Грузии Советской власти. Писатель скончался в 1926 году. Но уже в этюде «Господне око», написанном в 1922 году, проявилось его отношение к новой эпохе. Писатель изображает здесь политического деятеля, который «провел последние десять лет в России». Вернувшись в Грузию, он горячо приветствует своего друга и так обращается к нему: «И вот я здесь, на своей свободной родине, перед тобой». В этих словах, как и во всем произведении, ясно видно, что Ш. Арагвиспирели принял Советскую власть, Советскую Грузию. Последовательный защитник принципов классического реализма, Ш. Арагвиспирели создает в 1924 году «Этюд», в котором объявляет футуризм дикарством, еще раз подтверждая свою преданность грузинской реалистической школе.

Несколько приведенных выше примеров свидетельствуют о том, насколько животворным и продуманным было влияние советского строя, советского искусства на творчество всех грузинских писателей, в том числе и сложившихся, и сформировавшихся в недрах классических литературных традиций.

* * *

С февраля 1924 года начал издаваться журнал «Мнатоби» («Светоч»). Это был первый литературный журнал в Советской Грузии, сумевший объединить все передовые, талантливые, жизнеспособные силы грузинской литературы.

В первые годы «Мнатоби» редактировали выдающиеся партийные и госу-

дарственные деятели, секретари ЦК КП(б) Грузии Л. Картвелишвили, М. Орджоникидзе, В. Бахтадзе, М. Кахиани, Г. Курулашвили.

Первый номер вновь основанного журнала предваралялся редакционной статьей, в которой определялись его цели и задачи: «До сего дня на грузинском языке не выходило ни одного серьезного журнала, который бы смог сплотить вокруг себя лучшие силы революционной интеллигенции. Целью журнала «Мнатоби» является заполнить этот серьезный пробел.

«Мнатоби» прежде всего журнал художественно-литературный. Он уделит место на своих страницах художественным произведениям всех лучших писателей; он даст широкое поприще нашим литературным силам.

«Мнатоби» ставит своей целью также дать возможность нашим научным и марксистским силам оформить результаты своих трудов и представить научные и марксистские знания грузинским рабочим и крестьянам.

Таким образом, цели нашего журнала не ограничиваются узким кругом.

Для всех писателей, которые имеют какие-либо достижения в искусстве или науке, двери нашего журнала «Мнатоби» будут открыты».

Следует сказать, что редакция «Мнатоби» успешно выполняла те обещания, которые были ею даны советским читателям. Журнал собрал вокруг себя все прогрессивные писательские силы того времени и включил передовых грузинских литераторов в активную деятельность. В «Мнатоби» увидели свет поэтические и прозаические произведения Галактиона Табидзе, Демны Шенгелая, Михаила Джавахишвили, Константина Гамсахурдия, Паоло Яшвили, Тиглана Табидзе, Георгия Леонидзе, Алио Мирцхулава-Машашвили, Раждена Гветадзе, Георгия Кучишвили, Карло Каладзе, Лео Киацели, Иакинте Лисавили, Поликарпе Какабадзе, Симона Чиковани, Варлама Журули, Виктора Габескрия и других. В том же журнале в 1924—1926 гг. были напечатаны литературно-критические и публицистические статьи Ф. Махарадзе, Б. Буачидзе, Ш. Дудучава, Ш. Радиани, Г. Кикодзе, Б. Жгенти и других. Здесь же следует отметить и то, что журнал широко предоставил свои страницы переводным произведениям лучших писателей Советской России. В нем грузинские читатели познакомились с произведениями М. Горького, В. Маяковского, Демьяна Бедного, И. Эренбурга, Н. Тихонова и других.

Уже одно только перечисление этих фамилий может свидетельствовать о том, насколько широко были представлены на страницах «Мнатоби» передовые писатели того времени, представлявшие различные направления тогдашнего литературного фронта. И дело здесь не только в списке. Главное в том, что произведения всех перечисленных выше писателей в большей или меньшей степени служили одной цели — художественными средствами отобразить и воплотить советскую действительность, жизнь и деятельность молодой Советской страны, способствовать делу укрепления и развития социалистического строя.

В первые годы на страницах «Мнатоби» нередко публиковались произведения представителей различных литературных направлений, в которых еще не нашли полного отображения умонастроения советских людей, но журнал, печатая произведения подобного рода, ставил целью привлечь представителей старого литературного поколения и способствовать их идейному перевооружению. Насчет этого редакционная статья «Мнатоби» в № 1 за 1925 год замечала: «Редакция пока что не считает необходимым давать собственную оценку различным литературным направлениям и отдельным произведениям. Поэтому все статьи, в которых содержатся оценки литературных направлений, различных писательских группировок или отдельных произведений, выражают мнение и взгляды только самих авторов этих статей, а не редакции».

Характерно, что именно при посредстве этого журнала оказалось возможным провести дифференциацию среди писателей, отстаивавших старые литературные принципы, и перевести часть из них на советские позиции.

В этом смысле примечательным представляется стихотворение Раждена Гветадзе под заглавием «Мерквиладзевская пуля», опубликованное в № 4 журнала за 1925 год. Поэт в этом стихотворении писал:

О, поэты,
если вы при этом
рыцари
и любите СССР, —
сорвите шоры, заслоняющие глаза от света,
и пойдем тропью солнца —
вверх и вверх!

Достаточно вспомнить ранние стихи Раждена Гветадзе того периода, когда он был активным членом группы «голубороговцев», чтобы стали очевидными идейная новизна цитированного выше стихотворения и отношение его автора к советской действительности.

На подобный путь идейного обновления и преображения становились в те годы многие передовые поэты. И, как было отмечено выше, несомненна зна- тельная роль, которую сыграл в этом деле журнал «Мнатоби».

В 1925 году в нем было напечатано стихотворение Александра Абашели, в котором поэт провозглашал:

Не хочу, чтоб в сердце поселилась безнадежность,
Прощай, моя меланхолия!

С подобными декларациями выступают на страницах журнала в это время и другие поэты, ранее принадлежавшие к различным несоветским литературным группировкам. Правда, эти декларации порой носили отвлеченный характер и в художественном творчестве их авторов еще долго встречались рецидивы прежних настроений, но они, тем не менее, свидетельствовали о том, что именно эти годы стали моментом определенного поворота. Это обстоятельство, несомненно, достойно быть отмеченным особо.

В творчестве грузинских советских писателей первостепенное значение имела тематика, связанная с жизнью и деятельностью вождя Коммунистической партии и основоположника Советского государства — В. И. Ленина. В 1918—1924 годах в грузинских газетах и журналах этой теме было посвящено много стихотворений, среди которых следует упомянуть произведения Г. Табидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе, А. Мирцхулава-Машавили, С. Зули, И. Лисавили, К. Каладзе и других. Это были первые попытки создать художественный образ величайшего гения человечества. Примером этих попыток, привлекающим искренностью и поэтичностью, можно назвать стихотворение А. Мирцхулава-Машавили «Ленин»:

В последний раз взглянула, не рыдая,
простилась — лик белее полотна —
и скорбная страна и молодая
в снега и в траур вся облачена.
Безвременно страна осиротела.
Змеится чернь по краю кумача.
Всем сердцем у последнего предела
Мы присягаем слову Ильича.
Ты плакать не учил — и мы не плачем.
Ты по другую сторону черты
Остался, как и был, — живым и зрячим,
Любимым и родным остался ты.

О нет, мы глаз твоих не похороним —
прикроем только веками веков.
Мы в чести сохраним и не уроним
Призвание славное большевиков.
Великая доверена страна им.
Тебе клянемся мы в последний час,
Что дорогих знамен не запятнаем,
твой светлый разум не затмится в нас.
И тело ледяное пусть хранится,
и к Мавзолея каменным плечам
придем мы поклониться, поклониться,
но не как верующие мощам.
Безвременно страна осиротела.
Змеится траур в складках кумача.
Всей жизнью у последнего предела
Мы присягаем делу Ильича.

(Перевод В. Леоновича)

* * *

В грозные дни революции 1905 года В. И. Ленин создал свой гениальный труд «Партийная организация и партийная литература», в котором выдвинул основополагающие тезисы о том, что литература должна стать частью общепролетарского, общепартийного дела и что литературное дело менее всего поддается механической нивелировке, господству большинства над меньшинством. Ленинское эстетическое учение дает возможность для наиболее широкого развертывания личной инициативы, индивидуальных склонностей, смелой мысли и фантазии, формы и содержания. В ленинском труде впервые был выдвинут и научно обоснован принцип партийности литературы, идейного руководства пар-

ти литературой, этой важнейшей частью идеологии. Замечательным примером и практическим осуществлением этого положения стали забота и внимание проявленные В. И. Лениным к литературе и искусству в годы после победы Октябрьской революции.

Вопросы развития литературы в верном идейно-эстетическом направлении, решительная борьба против любых отклонений от этой генеральной линии в сторону деидеологизации или вулгаризаторства всегда находились в центре внимания ленинской Коммунистической партии. Существеннейшую роль в этом отношении сыграли указания и решения съездов, конференций, пленумов нашей партии, исторические для развития литературы и искусства постановления XI (1922), XII (1923), XIII (1924) съездов партии. В этих и других партийных документах подчеркнута огромная роль литературы в деле воспитания нового человека. Перед ней поставлена задача всемерно способствовать рабочему классу и крестьянству Советской страны в построении нового, социалистического общества.

В специальной партийной резолюции 1925 года о политике партии в области художественной литературы четко сформулировано отношение Коммунистической партии к советской литературе. В документе было подчеркнуто требование о свободном соревновании между литературными группировками и в то же время в качестве одной из важнейших задач была поставлена необходимость воспитания и роста кадров пролетарской литературы, необходимость активного вовлечения в литературную жизнь представителей старших поколений — так называемых попутчиков. Особо следует выделить требование помощи и заботы в деле развития и роста национальных литератур братских народов.

Это постановление Центрального Комитета РКП(б) было опубликовано журналом «Дроша»¹, который также напечатал специальную статью Серго Орджоникидзе, где в свете этого постановления рассматривалось состояние тогдашней грузинской литературы. В этой статье С. Орджоникидзе писал: «В условиях Грузии партия уже работала в соответствии с теми принципами, которые легли в основу этого постановления. Тем, кто искренне стоял на базе советской системы, мы предоставляли все возможности для проявления своего таланта и творческих возможностей... Мы откроем широкую дорогу для грузинской литературы, театра, музыки, науки, изобразительного искусства. Однако если искусство, культура пожелают служить противостоящим нам контрреволюционным целям, тогда наша борьба с ними будет беспощадной».

В этой же статье С. Орджоникидзе подверг острой критике «левых», объявившихся у нас представителями «нового фронта пролетарской литературы» (Пролемаф). Совершенно обоснованно увидел он в них филиал РАППа и сурово критиковал, опираясь на постановление ЦК РКП(б). Столь же верными были и поставленные им перед советской, пролетарской литературой задачи. «Вместе с Центральным Комитетом нашей партии, — писал С. Орджоникидзе, — я полностью не разделяю позицию некоторых «левых» товарищей в вопросах литературы и вообще искусства».

В этой статье Серго Орджоникидзе впервые указал на непринципиальный характер групповщины в пролетарской литературе и левацкие ошибки. Он подверг резкой критике попытки протащить антисоветские идеи со стороны некоторых писателей и обратился к писательской общественности с призывом выразить свое мнение по поводу этих ошибок. От имени партии он поставил перед литературой задачу правдиво отображать советское строительство, развернувшееся в республике.

Таким образом, первые же годы после установления в Грузии Советской власти (1921—1925) — начальный период восстановления народного хозяйства и строительства социализма в республике — характеризовались острой классовой борьбой в грузинской литературе. «Так же, как вообще не затихает у нас классовая борьба, точно так же не прекращалась она и на литературном фронте»², — так оценивалось положение дел на этом участке в партийном документе.

В эти годы все еще заметно было большее или меньшее влияние в области художественной литературы побежденных классов или их немощных последышей. Победа социалистической революции и всепобеждающее наступление социалистического строительства вызвали ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов. Остатки реакционных сил, спасшиеся от очистительного огня революции, возглавляемые империалистическими партиями и группами, опираясь на поддержку иностранных империалистических государств,

¹ См. «Дроша», № 8, 1925.

² «О политике партии в области художественной литературы» (Из постановления ЦК РКП(б)).

пытались сплотить свои расплывающиеся силы и поднять их в поход против молодой и еще не окрепшей Советской власти.

Вся ожесточенность классовой борьбы непосредственно отражалась и на идеологическом фронте. В частности, в литературе это выразилось в непримиримой вражде между реалистической, советской литературой и антиреалистическими, декадентскими литературными школками. Однако классовые и политические силы прошлого были обречены, победоносное шествие социализма было неодолимо. Советская страна завершала гражданскую войну разгромом всех внутренних и внешних врагов. Социалистическое строительство разворачивалось все шире и шире. Все это обусловило и торжество молодой грузинской советской литературы, и постепенную ликвидацию всех старых литературных школ и направлений. Впрочем, голос только-только зарождавшейся литературы был пока еще недостаточно силен, связь поэтов, прозаиков, драматургов, художников, артистов с жизнью еще недостаточно прочна.

Партия последовательно и повседневно вела работу по идейно-творческому росту всех звеньев советской литературы и искусства, всемерно способствовала росту их рядов и укреплению мастерства. Развернутая программа этой работы была сформулирована в резолюции Центрального Комитета РКП(б) от 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», которая сыграла значительную роль в дальнейшем развитии советской литературы.

* * *

Первый Всегрузинский съезд писателей был созван в пятую годовщину установления в Грузии Советской власти — 21 февраля 1926 года. Это обстоятельство в определенном смысле обусловило направление и специфику его работы. На съезде были представлены четыре литературных объединения:

1. Всегрузинский Союз писателей («старый») представляли 44 делегата, в числе которых были А. Абашели, В. Барнов, К. Гамсахурдиа, И. Гришашвили, И. Гомартели, И. Экаладзе, Х. Вардошвили, П. Ингореква, С. Тавадзе, П. Какабадзе, Д. Касрадзе, Д. Квдиашвили, В. Котетишвили, К. Капанели, Мари-джан, К. Макашвили, Д. Мегрели, Ш. Мгвимели, Н. Накашидзе, Т. Рамишвили, В. Рухадзе, Т. Сахокиа, Г. Табидзе, И. Татишвили, Д. Узнадзе, С. Пашалишвили, Л. Киачели, Н. Шнукашвили, Цквити, Г. Цецхладзе, А. Чумбадзе, А. Кутатели, А. Церетели и другие.

2. Новая Всегрузинская корпорация писателей — 25 делегатов. Основное ядро этой группы составляли «голубороговцы» П. Яшвили, Т. Табидзе, Н. Мицишвили, Р. Гветадзе, С. Квдиашвили, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе, Ш. Апхаидзе, А. Арсенишвили. Делегатами от этой же корпорации были Г. Кикодзе, М. Джавахишвили, К. Чичинадзе, С. Шаншиашвили, П. Кавтарадзе, В. Горгадзе, Д. Сулиашвили и другие.

3. «Ассоциация пролетарских писателей Грузии» была представлена 25 делегатами в том числе: Н. Зомлетели, С. Тодрия, Р. Каладзе, С. Эули, И. Вакели, А. Машашвили, Б. Буачидзе, К. Каладзе, А. Гаперелиа, А. Сулава, Д. Рондели, Г. Мдивани, Э. Полумордвинов, Ш. Дудучава, В. Журули, Л. Эсакиа, К. Феодосишвили и другие.

4. Делегатами грузинских футуристов были Ж. Гогоберидзе, В. Жгенти, Н. Чачава, С. Чиковани, Н. Шенгелая.

В повестку дня съезда были включены вопросы:

1. Текущий момент и задачи грузинских писателей.

2. Государственное издательство.

3. Об открытии Дворца искусств.

4. Работа Главного Совета по делам искусств.

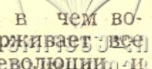
5. Выборы Совета Союза писателей и Совета Дворца искусств.

Доклад по первому вопросу — «Текущий момент и задачи грузинских писателей» сделал Филипп Махарадзе, подробно охарактеризовавший внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, остановившийся на национальном вопросе.

Охарактеризовав перелом, происшедший в экономике и культуре Грузии, приведя факты и цифры, свидетельствующие о росте школ, высших учебных заведений, изб-читален, музеев, издательского дела, докладчик прямо поставил перед съездом вопрос:

«Совершенно немислимо, чтобы художественное произведение стояло вне жизни. Совершенно немислимо, чтобы оно не испытывало на себе всего, что происходит в действительности... Принимаем или не принимаем мы революцию

такой, как она есть и как утвердилась в сознании народа? — вот в чем вопрос... Здесь же я должен заявить, что наше правительство поддерживает все направления в литературе, если только они стоят на платформе революции. Ни ни одно из этих направлений не может и не должно получить право гегемона. Хотя само собой разумеется, что остается гегемония пролетариата, господство трудового народа, но в литературе искусственная гегемония одного какого-либо направления невозможна. Все здесь присутствующие — писатели, которые приняли или примут революцию. Поэтому главный вопрос выражается в этих двух словах...

Мы убеждены, что грузинские литераторы встанут плечом к плечу с нами во имя благоденствия и счастья народа...».

Первым на съезде с речью выступил Василий Барнов:

«Вчера представитель правительства в своей красноречивой, затрагивающей обширный круг вопросов речи коснулся, в частности, и литературы. Он сказал: великая революция произвела великие перемены в душе народа, дала ему новый размах для размышлений, открыла путь к новой жизни, образы будущего, и все это пробуждает в людях великую надежду. Для настоящего художника невозможно не почувствовать всего этого, поскольку художественное слово отражает жизнь, отливая в форму ее образы. Все это является абсолютной истиной. Как может художник — писатель не ощутить, какой огромный перелом произвело это историческое событие в душах, умонастроении, жизни людей?! Как может он иначе представить себе будущее?! Этого, конечно, не может быть! Грузинская литература всегда с трепетом ожидала эту величественную эпоху. Она сама трудилась и боролась ради утверждения этой эпохи. Она, наша литература, на себе испытала разрушительную силу самодержавия и сражалась на этом ристалище. Она искала героев и находила их, как героев пера, так и героев подлинной жизненной борьбы. Это явственно вычеканено как в самой нашей художественной литературе, так и в истории. Наша литература нашла прекрасный подход к жизни народной и прекрасно отобразила ее. Отобразила надежды и чаяния грузинского народа, его несгибаемый дух, который не смогли подчинить никакие темные силы. Наиболее ярко это воплощено в революционной литературе 1905 года, когда нам на одно мгновение улыбнулась судьба. Разумеется, современная литература не может пройти мимо этого и непременно отобразит свое время. Сейчас здесь одна трудность: мы сами находимся в самой гуще кипения времени, мы сами переживаем переломную эпоху. Наша творческая личность непосредственно втянута в ход событий, и для писателя нелегко выделиться из потока идей и мыслей художественные картины, вдохнуть в них жизнь и перенести на бумагу. Вот в чем трудность современной литературы. Отсюда становится понятным и другое слово вчерашнего красноречивого оратора. Мы, сказал он, не отрицаем прошлое. Да и как можно его отрицать! Мы приняли его в наследство и поставим на службу новой жизни. И это тоже совершенно справедливо.

Если предшественник является мостом для человека, идущего следом за ним, то отрицание сделанного им означает, естественно, нарушение непрерывности этого пути. Слышать это было здесь и приятно, и необходимо...

Прежде... мы находились в жалком положении. Уже сейчас я вижу, что книжный рынок полон грузинскими книгами. Какой могучий стимул даст это для молодежи! Я смотрю на все это с доброй завистью, тот же, кто отмечен свыше писательским даром и способностями, получает широкий простор для их проявления»¹.

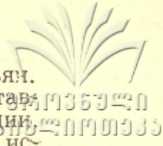
Это были искренние слова большого писателя, сказанные во славу новой жизни. Речь В. Барнова в немалой степени определила платформу писателей старшего поколения и признание участниками съезда курса Советской Грузии. После В. Барнова на съезде прозвучало много выступлений. Были среди них и спорные, и полемические, но пафос, заданный первым оратором, его заявление о том, что грузинские писатели решительно готовы сотрудничать с новой властью и бороться за укрепление Советской Грузии, были по существу подхвачены всем съездом, поддержаны всеми выступавшими.

В консолидации сил грузинской литературы и ее сближении с социалистическим строительством весь съезд проявил единодушие. В резолюции, принятой Первым Всегрузинским съездом писателей, говорилось:

«Сегодня, в пятую годовщину Советской Грузии, когда у нас кладется конец всякого рода политическим недоразумениям, когда республика твердо входит в русло нормальной жизни и когда культурно-экономические интересы страны настоятельно требуют включения всех активных сил нации в общий поход мирного труда, — долг грузинской интеллигенции и дальше высоко нести знамя

¹ См.: Первый Всегрузинский съезд писателей. Стенограф, отчет. Сахелгами, 1926. Из того же источника взяты все приводимые далее выступления ораторов.

служения своей родине, которое сейчас находится в руках рабочих и крестьян.

Признавая Советскую власть тем главным фактором, который предоставляет множество возможностей для прогресса и культурного развития нации, грузинская литература, как выразительница чаяний и устремлений народа, исторически связанная с борьбой за лучшее будущее его, и в этом случае обязана встать во главе борьбы за реальное осознание интересов нации и призвать все круги грузинского народа, в частности — грузинскую интеллигенцию, к прочному союзу с Советской властью.

Съезд выражает надежду, что большое деловое собрание, состоявшееся 21 февраля с участием ответственных представителей Советской власти Грузии и организационно объединенных грузинских писателей, станет залогом того, что непрерывная магистральная линия грузинской культурно-политической деятельности, основа которой была заложена 21 февраля, в будущем не окажется искаженной и будут исключены все моменты, способные помешать общему деловому сотрудничеству».

На вечернем заседании Всегрузинского Союза писателей 24 февраля 1926 года был избран его председатель — С. Тодрия, а также члены правления и кандидаты в члены правления.

Новое руководство Всегрузинского Союза писателей выпустило 1 июня 1926 года журнал «Картули мцрлоба» («Грузинская литература»), первый номер которого открывался статьей Н. Мицишвили. В ней, в частности, говорилось следующее: «Сегодня грузинская литература приступает к реализации того, что в литературном и политическом плане было высказано на февральском съезде...».

Далее в статье отмечалось, что на съезде писатели выразили готовность, отныне более активно включится в общественную жизнь страны и способствовать утверждению завоеваний революции. «Выразителем этих усилий будет журнал «Картули мцрлоба», — заключал Н. Мицишвили.

В журнале печатались произведения А. Абабели, С. Амаглобели, А. Арсенишвили, Л. Асатиани, К. Бобохидзе, В. Буачидзе, И. Вакели, В. Габескириа, К. Гамсахурдиа, В. Гаприндашвили, М. Гарикули, Д. Гачечиладзе, Р. Гветадзе, Т. Гранели, Ш. Дудучава, Н. Зомлетели, П. Ингорюкв, Д. Касрадзе, Л. Киачели, Г. Кикодзе, С. Квдиашвили, Р. Коркия, В. Котетишвили, А. Кутатели, Г. Кучишвили, Н. Лордкипанидзе, Мариджан, С. Мгеладзе, Н. Мицишвили, К. Надирадзе, П. Нароушвили, Э. Полумордзвинова, Д. Сулиашвили, Г. Табидзе, Т. Табидзе, С. Тавадзе, С. Цевели, Н. Чачава, С. Чиковани, К. Чичинадзе, С. Шаншиашвили, Д. Шенгелая, Н. Шенгелая, П. Яшвили. Журнал сыграл заметную роль в деле консолидации сил грузинской литературы. Во втором номере его редакция вновь обратилась с призывом к «Ассоциации пролетарских писателей Грузии»:

«Журнал «Картули мцрлоба», от имени которого я имел честь устно обратиться к некоторым членам ассоциации по поводу сближения литературных сил этой ассоциации с журналом и необходимости сотрудничества в нем, — вновь обращается к вам с той же просьбой, дабы в объединенном писательском печатном органе и организации был соблюден принцип равной ответственности всех групп перед литературой и обществом в деле выполнения задач, поставленных Всегрузинским Союзом писателей.

С товарищеским приветом Николоз Мицишвили,
Тбилиси, 24 мая 1926 года».

В 1926—27 годах журнал редактировал Николоз Мицишвили, с 1928 года — Симон Хундадзе. В редакционную коллегию входили Б. Буачидзе, В. Котетишвили, Т. Табидзе, Л. Киачели, Л. Асатиани.

Окончание следует.

Гурам ГВЕРДЧИТЕЛИ

**Критика
и литературоведение**

КНИГА ПОИСКОВ И РАЗДУМИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ
«ДАТА ТУТАШХИА»

РОМАН Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа» завоевал необычайную популярность сразу же после его опубликования на страницах журнала «Цискари». Всеобщее признание и внимание читателя не так уж часто выпадает на долю современных литературных произведений: но вот страницы «Дата Туташхиа» уже истрепаны и затерты.

Глубокий интерес к этой книге со стороны читателя весьма примечателен. Такими же необычайными были мгновенная реакция литературной критики, ее единодушие и вовсе уж не свойственный ей энтузиазм: за короткий отрезок времени в литературных журналах и газетах появилось немало откликов на роман.

Сегодня с «Дата Туташхиа» получил возможность познакомиться и русский читатель. Журнальный его вариант в переводе автора напечатан в «Дружбе народов» (№№ 11, 12 за 1976 г., №№ 3, 4 за 1977 год).

Причину успеха этого романа следует искать как в философских и нравственных его пластах, так и в художественных достоинствах. «Дата Туташхиа» одинаково интересен самому разному читателю, независимо от степени его подготовленности, интеллекта, вкуса. Это счастливое свойство характерно для остросюжетных произведений — на первый взгляд незамысловатых, но вместе с тем и по-настоящему глубоких, где каждый в соответствии со своими интересами находит для себя нечто важное.

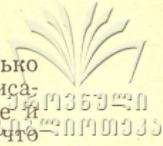
История литературы знает немало примеров, когда художественные полот-

на, будучи доступными, близкими, любимыми для всех, становятся истинно народными. Классический пример тому — роман-эпопея Льва Толстого «Война и мир», чарующий мир которого удовлетворяет все читательские запросы: если одна категория читателей довольствуется историей волнующей любви Наташи Ростовой, Андрея Болконского, то другая прослеживает летопись Отечественной войны 1812 года, жизнь российской аристократии. Для читателя более глубокого этот роман всегда являлся не только широким панорамным полотном социальной и политической жизни России, но, что самое главное, прекраснейшим и богатейшим источником познания русского характера, русского духа. А читатель ищущий приобретает здесь и к философии Толстого...

Упоминание гениального романа Льва Толстого, надеюсь, не будет приписано мне как кощунственное желание провести параллель между ним и «Дата Туташхиа». Просто за примерами принято обращаться к классике, к наиболее ярким ее произведениям, и этим хотелось сказать только то, что для обретения столь широкой популярности в литературном произведении должно быть множество пластов, способных в той или иной мере отозваться на самые разнообразные запросы и интересы. «Дата Туташхиа» принадлежит к ряду именно таких романов.

В грузинской романистике трудно назвать другое остросюжетное произведение, как «Дата Туташхиа». Жизнь

благородного разбойника, состоящая из захватывающих приключений, полных опасностей, — волнующее чтение для большинства читателей. Произведения с такими героями — историческими или вымышленными — начиная от Робин Гуда и кончая грузинским фольклорным и литературным героем — разбойником Арсеном Одзелашвили — всегда были любимы читателями. Галерея таких образов пополнилась — в нее по праву вошел и Дата Туташхиа.

Оригинальная архитектура этого обширного эпического полотна Чабуа Амиреджиби необычайно сложна в своей кажущейся простоте. Достаточно задуматься над тем, как переплетены в романе дневники, свидетельские показания, авторское повествование, внутренние монологи или суждения героев, библейские и мифические сказания, новеллы, включенные для того, чтобы обрисовать обстановку; в которой действуют его герои — Дата Туташхиа и Мушни Зарандиа, чтобы сполна оценить мастерство писателя, его богатую фантазию и оригинальное художественное мышление, способность достичь той точной меры во всем, при которой возникает безупречная стройность произведения. В этом случае мы наблюдаем сплетения той сложности и простоты в художественной ткани и архитектонике произведения, которые писатель использовал отнюдь не для того, чтобы поразить читателя, а для того, чтобы с предельной полнотой выразить свой замысел, свою идею.

Читателю непритязательному этот роман, возможно, покажется сборником новелл, где все остальное подчинено им и выполняет связующую роль. На первый взгляд новеллы, включенные в роман, и в самом деле производят впечатление самостоятельных и вполне завершенных в себе произведений, но, расположенные в строгой последовательности, они представляют собой звенья единой цепи и раскрывают сложный путь поисков смысла жизни и назначения человека главными героями романа Дата и Мушни. Многие, возможно, воспримут эти включенные в него новеллы лишь во всей заманчивости их захватывающих сюжетов, уже сами по себе несущие определенную смысловую нагрузку и звучащие как вдохновляющие сентенции. Кто-то же разглядит в этом индикаторное выражение писательского замысла, и совокупность новелл раскроет перед ним философскую основу произведения.

В романе действует несколько десятков персонажей, и для обрисовки каждого из них у автора нашлись живые, выразительные штрихи. Большинство

персонажей ограничено рамками только одной определенной новеллы, но писатель создает настолько значительные и вместе с тем колоритные образы, что они надолго остаются в памяти читателя. И в этом бесспорная примета эпического видения и мышления писателя.

Роман воскрешает картины жизни Грузии на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, вернее, опирается на эту фактуру, хотя локализовать его целеустремленность конкретным временем и пространством будет неверно — писатель определил им другое назначение. Изображение исторических реалий здесь никак не является основным. Главное — это поиски Дата Туташхиа самого себя, Дата — герой, ищущий справедливости, но не исторически-конкретной справедливости, а вечной, общечеловеческой, философского осмысления назначения человека и его нравственных основ.

Понятно, что социальная и политическая жизнь Грузии того времени нашла свое выражение в этом романе, но картины, изображающие ее, имеют два плана — реальный и от притчи, и воспринимать только один из них было бы глубоким заблуждением, тем более что именно притча несет обобщающую, параболическую функцию, и значение ее в этом случае останется нерасшифрованным.

Благодаря подобному положению Дата Туташхиа принципиально отличается от многих других правдоискателей и борцов за справедливость в советской литературе, в частности, от такого классического образа, каким является Григорий Мелехов из «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Герой одного из лучших романов двадцатого века тоже ищет правду, ту правду, которую в сложнейший период революционных бурь он не смог до конца воспринять и осознать, став благодаря этому фигурой трагической. Шолохов раскрывает правду конкретной эпохи, и потому его роман стал полнокровной и широчайшей реалистической панорамой эпохи революции в жизни России.

Чабуа Амиреджиби не наделил такой миссией ни свой роман, ни его героев. Он не ставил целью, и это очевидно, художественно раскрыть социальную и политическую жизнь Грузии на рубеже двух веков в ее главнейших и значительнейших аспектах, хотя общие ее черты в основе своей проявились в весьма конкретных ситуациях. «Дата Туташхиа» содержит мало черт романа социального или исторического, это произведение прежде всего пренсполнено этической и философской проблематики.

Все и вся в этом романе служит раскритию образов Даты Туташхиа и Муш-

ни Зарандиа, способствующему реализации основного замысла писателя. И хотя оба плана романа, реалистический и параболический, в своих главных направлениях ясны — иначе цель не была бы достигнута — своеобразие подобной многозначности произведения заключается в необходимости многое домослать, проникнуть в суть явлений. Автор постоянно апеллирует к способности читателя самому обобщать и фантазировать.

— Не объясняйте мне того, что я хотела сказать, а скажите то, что вы вычитали из моих стихов, — говорила Марина Цветаева. С точки зрения этого «таинства» у прозы, в значительной степени отмеченной метафорическим и иносказательным мышлением, есть что-то общее с поэзией. И именно потому возникает множество различных интерпретаций романа Чабуа Амиразджиби.

Всем четырем главам романа предпосланы пространные эпиграфы, представляющие собой мастерски сочиненный автором стилизованный миф, который должен послужить ключом к познанию смысла каждой главы и всего романа в целом. Эпиграфы органически связаны с грузинским мифом, где особое значение придается культуре луны. Отсюда и возникает фамилия Даты, которая произошла от слова «туташиха», взятого из мегрельского мифа. Да и сами герои, Дата и Мушни, будто бы перенесены из древнейших мифов на страницы современного романа. Чтобы придать большую достоверность им же самим созданной модели действительности, писатель обращается к другой крайности и придает ей документальный оттенок. Но это чередование мифа, притчи, натурализма, документальности, гротеска не накладывает на роман отпечаток эклектизма. Напротив, они привлечены как вспомогательные средства реализма, которые способствуют раскрытию авторской концепции.

И если бы даже писатель пренебрег эпиграфами, мифами и, исследуя характеры героев, не обратился к аналогиям из библейских сказаний, замысел его все равно оказался бы ясным для читателя. Но тогда затусневался бы вечный, вневременной характер столкновения добра и зла и роман ограничился бы художественным выражением социальных явлений конкретной эпохи. А это явно не входило в намерения автора.

«Дата Туташхиа» написан о непреходящих, вечных мучительных раздумьях, касающихся борьбы добра и зла и многообразнейших форм их противопоставлений в жизни. Это совершенно очевидно. И, отмечая наличие этого основного пласта в романе, я хотел бы подчеркнуть, что эта наболевшая, жгу-

чая проблема не поставлена Чабуа Амиразджиби прямолинейно и ^{откровенно} публицистично, но и не скрывается в ^{таких} глубинах, проникнуть в которые можно лишь путем особых усилий. Добро и зло здесь противопоставлены в конкретных образах Даты и Мушни. Дата с самого же начала предстает героем, наделенным всяческими достоинствами — и физическими, и духовными: стройный красавец, неподобно храбр, стоек и правдив, умен и проникновен, в груди его бьется чистое и нежное сердце, он преисполнен беспрекословной веры в человека, постоянно ищет правду, самоотверженно борется за справедливость: он — оплот угнетенных и гроза угнетателей. Таким и погибает. Ему противопоставлен Мушни Зарандиа, человек, сотканный из коварства, ненависти, скепсиса и отвращения к людям; в результате непрерывного и беспощадного преследования он предательски губит Дату. Таково первое, в общих чертах, хотя и верное, но все же поверхностное впечатление о героях этого романа.

Если же заглянуть глубже, станет ясно, что и Дата Туташхиа, и Мушни Зарандиа — образы куда более сложные и вовсе не так прямолинейно располагающиеся на противоположных полюсах, как это выглядит согласно выше приведенной схеме. Поведение и суждения как одного, так и другого достаточно необычны, чтобы представить их как явное, бесспорное воплощение абсолютного добра и зла.

Некоторая неясность сущности добра для Даты Туташхиа, двойственность и мучительные сомнения в беспорности и силе добрых начал в человеке, побуждающие его на почти непонятные или несвойственные ему поступки в некоторых эпизодах, как я думаю, привлечены писателем вовсе не для того, чтобы оживить образ, не дать герою выглядеть прямолинейным носителем добра. Привлекательность Даты Туташхиа большей частью проявляется в его поступках, и те эпизоды или новеллы, где его благородство раскрывается во всей полноте, читаются с неслабеющим интересом. Вот почему предположение о раздвоении характера героя с этой целью должно быть отвергнуто.

Дело в том, что Дата не является человеком, не ведающим сомнений, уверенным в своей полной правоте и безошибочности своих решений, которые остается только претворить в жизнь. Это ищущий правду и справедливость, и поэтому сомневающийся герой, для которого главное убедиться в истинности своей жизненной философии. На этом пути его ждет много разочарований...

«—Я никогда ничего не требовал от человека кроме того, чтобы был он добрым и справедливым, — говорит Дата. — Когда увидишь кого-либо — пострадавшего и измученного, если ты человек, должен найти силы помочь ему. Я всегда делал так», — заключает он. И мы верим, что это не пустые слова. Мы были живыми свидетелями выражения этого, скажем, в эпизодах, связанных с именами Будара и Бударихи, Сетуры или Сарчимелиа, когда однако ж добро, сделанное другим, оборачивалось своей противоположностью, поскольку семена добра, щедро посеянные Туташхиа, попадали в бесплодную почву.

В результате, Дата приходит к мысли, что каждый живет и поступает так, как ему хочется, и другой человек не должен вмешиваться и мешать ему... «...клянусь впредь ни в чьи дела не вмешиваться, пока не пойму, что лучше — вмешаться или уйти». Но и это не принесло Дате душевного облегчения. Его преследовали проклятия умирающего отца обещанной насильниками девушкой — непредотвращенной трагедии, развернувшейся в духане Дзигуа. После этого как исповедь человека, доведенного почти до отчаяния, звучат слова Даты: «...сам не знаю, где и в чем правда».

Композиционно роман построен так, что сюжет развивается в определенной целенаправленности, в соответствии с поиском Датой Туташхиа своей правды, и каждый эпизод, каждая деталь служит средством иллюстрации этого. Но в этой предварительно разработанной писателем схеме нет и грани искусственности ни в отношении образа Даты, ни романа в целом. Душевные потрясения Даты показаны в живых и острых жизненных перипетиях, и если время от времени писатель прибегает к рассуждениям отдельных персонажей, это не должно раздражать читателя, поскольку не следует забывать, что мы имеем дело с романом философско-этического плана, где неизбежно столкновение не только характеров, но и позиций.

Сюжет романа сконструирован таким образом, что жизнь Даты Туташхиа, сталкивающая его с самыми разными людьми, несколько раз заставляла его пересматривать, казалось бы, тщательно и всесторонне обдуманные убеждения. Он предпочитает углубиться в самого себя и сделать предметом борьбы и преодоления собственное свое существо. Дата приходит к заключению, что «человек сам себе должен предоставить свободу». Очищенный этой верой, он как бы приобретает душевное равновесие, и сама смерть его в фина-

ле выглядит не поражением, а возвышением.

Не менее сложен и образ Мушни Зарандиа. Этот достойный соперник Даты отнюдь не заурядный жандарм. Мушни тоже наделен многими достоинствами — он умен и проницателен, обладает железной логикой мышления, бескорыстен и предан своему делу; это сильная личность с твердыми убеждениями. Но его вера и преданность — на службе зла, и этим он противостоит Дате. Ни в чем в жизни не проявляя колебаний и ничего не ища, Мушни твердо верит, что человек не рожден для добра, и тот, кто пытается привить и взрастить это доброе начало, должен быть беспощадно наказан. Мушни Зарандиа, естественно, знакомо лишь одно чувство — ненависть. Мушни преследует Дату не за то, что он был абрагом — человеком вне закона, скитальцем, преследуемым властями, одиноким борцом за справедливость, — а за то, что тот ищет и сеет добро. За то, что сердце Даты преисполнено совершенно чуждых и непонятных для разума Мушни сил — любви и сочувствия к людям.

Многогранность характеров, их глубина, сложность пути в поисках правды, скрытая или явная борьба добра и зла, неизбежность жертв во имя победы — все это со всей очевидностью раскрывается в бытовых, эмпирических слоях романа. Но если мы попытаемся проникнуть в самую глубину произведения, стремясь, в частности, полностью осмыслить его мифологический пласт, то его философские и нравственные основы, возможно, предстанут в другом ракурсе и в ином измерении.

В общем, предпосланном всему роману, эпиграфе, как и в эпиграфах к каждой главе, автор рассказывает о мифах и мифическом герое, чье полнокровное художественное выражение — и во внешних проявлениях, и в действиях, и в устремлениях — предстает не в ком ином, как в Дате Туташхиа. Совпадение героя мифа и героя романа очевидно, но писатель будто боится себя, специально оговаривая этот факт, когда мифический Туташхиа в реальном бытии превращается в Дату Туташхиа. Если прекрасный и добрый рыцарь Туташхиа сражается с драконом, олицетворяющим зло, то противопоставление Даты Туташхиа и Мушни Зарандиа есть выражение той же борьбы.

Как и Туташхиа, дракон был «...началом человеческим, ибо гнезвился в груди души человеческой, и был основой всех составов ее». Это обстоятельство, не придавая борьбе добра и зла вневременной характер, выводит на арену этой борьбы и духовное начало, поскольку и то, и другое — «начало чело-

венеское, гнездящееся в глуби души человеческой». С этой точки зрения, сам поиск Датой Туташхиа правды, именуемый в романе борьбой с собственным существом, возможно, может в определенной степени указывать и на внутреннюю борьбу в самом герое этих двух начал. И тогда почти расшифровывается суть, ради которой писатель в двух противостоящих силах вывел похожих друг на друга подобно близнецам героев — Дату и Мушни, связанных кровным родством, равных своими чертами и достоинствами, кроме главного различия — один служит добру, а другой — злу.

С помощью заново созданных автором мифов и согласно аналогиям, почерпнутым из древнейшей мифологии, мы получаем возможность разнообразного толкования не только некоторых сюжетных линий романа, но и всей его концепции в целом. Мушни здесь повторяет уже известную интерпретацию поступка Иуды.

«От самого Христа не осталось бы ничего, не продай его Иуда за тридцать сребреников. Трагически значительный конец Христа сослужил величай-

шую службу его бессмертию и признанию. Этот конец был сознательным поступком Иуды — законченное дело для достижения заранее намеченного нужного результата. Я в это твердо поверил». Это послужило поводом для не совсем безосновательных суждений отдельных критиков (в частности, выступления Георгия Гачечиладзе), согласно которым подобная аналогия возникает и в отношении Мушни и Даты и что роль Мушни в возвышении Даты не невольная. Эта точка зрения подкрепляется и тем, что, подобно библейскому сказанию, выполнивший в романе миссию Иуды—Мушни после свершения ее стал жертвой неизвестного и неизлечимого недуга.

Об этом еще долго будут рассуждать и спорить критики.

Я же в заключение хочу повторить лишь то, что увлекающая сила и значение романа Чабуа Амираджиби именно в его многопластовости, благодаря чему он стал книгой, рождающей раздумья.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Одаренный мальчик, находясь в высококультурной среде, жадно потянулся к знаниям, к просвещению. Здесь мы имеем в виду не обучение грамоте, а ту обстановку, которая сама по себе оказывала благотворное влияние на умственные и духовные склонности будущего поэта.

Важное значение имело то обстоятельство, что его обучил грамоте человек, который помимо знаний обладал и другими качествами, необходимыми для педагога. Это был сельский священник, большой знаток грузинского языка и священных книг. «Главное его достоинство заключалось в том, — пишет И. Чавчавадзе, — что он умел увлекательно рассказывать разные истории. Повествование он вел обычно простым, доступным для детей языком. Рассказывал он чаще всего священные истории и различные эпизоды из истории родной страны — о тех, кто совершил тот или иной героический поступок, проявил мужество в борьбе с врагом, сеял добро на пользу отечества и веры... Многие из рассказанных им историй на всю жизнь запали мне в сердце, а одну из них — «Димитрий Самопожертвователь» — я использовал много лет спустя как тему для литературного произведения. Другую историю я использовал для небольшого рождественского рассказа («Николоз Госташабишвили». — Г. Д.). В некоторых местах моего «Рассказа нищего» отчетливо заметны следы историй священника¹.

Особенно важно подчеркнуть, что первый наставник будущего поэта в основу воспитания ребенка положил демократический принцип, большое внимание уделял физической закалке своих воспитанников. Это подтверждают слова самого Ильи Чавчавадзе о том, что он обучался под руководством священника вместе с крестьянскими детьми, причем его совершенно не выделяли как княжеского сына. «Я обучался у священника вместе с детьми крестьян моего родного села. Насколько помню, нас было пятеро или шестеро. Все мы каждое утро шли из дома к священнику и занимались до полудня. Помнится, грамотой мы занимались каждый раз в течение только одного часа, остальное же время до полудня проходило в играх под наблюдением и руководством самого священника, а главным образом — в слушании его увлекательных рассказов»².

Несомненно, что такие условия с самого же начала содействовали нормальному умственному и физическому развитию ребенка, тем более что обучение велось в течение целых трех лет под руководством культурного, передового воспитателя.

В детстве Илья Чавчавадзе был сравнительно слабым физически, спокойным и тихим мальчиком. Как пишет Иона Меунаргия, он часто болел. «До переезда в город, — рассказывал поэт на обеде у Гогебашвили, — меня часто лихорадило и у меня была увеличена селезенка... Когда отец привез меня в

¹ Илья Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. IX, 1957, с. 308.

² Там же.

Продолжение. Начало в №№ 4, 5, 6.

город, то ко мне начали приглашать всех известных врачей, но они ничем не смогли мне помочь. Тогда ко мне привели одного фельдшера, который жил на Авлабаре. На нем был грузинский национальный костюм «каба», на голове картуз, он был рыбой. Если бы я умел рисовать, то в точности изобразил бы его, так живо сохранился у меня в памяти его образ. Он дал мне выпить какое-то лекарство, чем-то помазал в области селезенки и сказал: «Больше его никогда не будет лихорадить». И действительно, после этого меня ни разу не лихорадило»¹.

Воспоминания близких родственников Ильи Чавчавадзе характеризуют будущего поэта как человека, наделенного с детства хорошими качествами, доброго и человеческого. «Я слышала от своей сестры Нины, — говорится в воспоминаниях Элисабед Сагинашвили (младшей сестры Ильи), — что Илья с самого детства резко отличался от сверстников: это был спокойный, тихий мальчик, заботливый и нежно любящий брат. Он редко принимал участие в наших детских играх»². Элисабед пишет далее: «Мы прожили вместе шестьдесят восемь лет, и я не помню, чтобы он когда-нибудь повысил голос на прислугу. С огромной любовью и уважением относился он и к нам, своим братьям и сестрам»³.

Скоро закончился период пребывания Ильи в деревне. Когда ему пошел одиннадцатый год, отец повез его продолжить учебу в Тбилиси. В 1848 году будущего поэта определили в известный в то время пансион Раевского (как считал Г. Кипшидзе, не Раевского, а Янишевского) и Хакке», лучшее среди частных учебных заведений того времени, как замечает сам Илья Чавчавадзе.

О том, в каких условиях протекало обучение в этом пансионе, можно судить по его же воспоминаниям. В то время, когда будущего поэта определили в пансион, руководителем этого учебного заведения был только немец Хакке. Илья Чавчавадзе характеризует его, как «всесторонне образованного человека». Его пригласил из Германии для воспитания своих детей Нейдгарт, после отъезда которого Хакке остался в Тбилиси, где вместе с педагогом Янишевским основал пансион. Илья Чавчавадзе рассказывает: «Хакке был строгим человеком, но вместе с тем проявлял поистине отеческую заботу о своих учениках, прилагал немалые усилия для их нравственного и умственного развития. Достаточно сказать, что он уделял им почти все свободное время после пребывания в классах: то беседовал с ними, то развлекал их игрой на рояле (он был прекрасным музыкантом)»⁴.

Главным, направляющим всю его деятельность моментом, видимо, была забота о «нравственном и умственном развитии учеников» в соответствии с представлениями того времени, а также установление близкого контакта с учениками и их разносторонняя нагрузка с целью наиболее целесообразного использования свободного времени детей.

В пансионе Хакке Илья Чавчавадзе проучился четыре года, а затем, продолжая жить там, поступил в четвертый класс Тифлисской гимназии, основанной в 1804 году под названием «Училище для благородных», преобразованного в 1830 году в гимназию. Примечательно, что вначале многие избегали отдавать туда своих детей. Даже детей князей и дворян привлекали назначением крупного вознаграждения: «Каждому учащемуся уплачивалось в месяц 25 рублей, а в дальнейшем эта сумма была снижена до 5 рублей», — пишет Дмитрий Кипиани⁵. Здесь получили воспитание Вахтанг Орбелиани, Рафизл Эристави, Александр Казбег, Александр Хаханашвили, Петр Меликишвили, А. И. Сумбаташвили-Южин, Васо Абашидзе, В. И. Немирович-Данченко, Иванэ Джавахишвили, Котэ Марджанишвили, Георгий Николадзе и другие. Это была школа, которую окончил Николоз Бараташвили и где получили воспитание многие выдающиеся деятели грузинской культуры, в том числе Георгий Эристави, Михаил Туманишвили, Дмитрий Кипиани и другие. В наши дни перед фасадом этой школы стоит памятник Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели, этим титанам общественной мысли и поэзии Грузии второй половины XIX столетия.

К. Абази в своих воспоминаниях рассказывает: «В гимназии Илья Чавчавадзе считался способным и умным учеником... Он никогда не готовил уроков и только с приближением экзаменов начинал усердно заниматься, причем за два-три часа работы запоминал столько, что другому для этого понадобилось бы не менее двух дней. Удивительным было то, что такое запоминание не было поверхностным, как можно было бы ожидать; наоборот — все, что он выучивал, знал отлично. Илья с детства был малоподвижен, невысок ростом и пло-

¹ Иона Меунаргия. Грузинские писатели, II, 1944, с. 182.

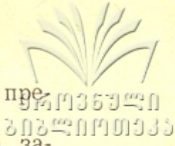
² «Литератури меквидреоба», кн. I, 1935, с. 554.

³ Там же, с. 555.

⁴ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. IX, 1957, с. 308—309.

⁵ Д. Кипиани. Мемуары. 1930, с. 127.

тен сложением. Он трудно сближался с товарищами, но зато становился преданным и сердечным другом»¹.

Воспоминания о детстве, о ласке и заботе добрых родителей навсегда запечатлелись в памяти поэта. В личных письмах, в автобиографии и особенно в написанном в 1880 году рассказе «Николоз Госташабишвили» Илья Чавчавадзе с большой любовью вспоминает то время, когда он был маленьким и находился среди своих братьев и сестер, когда отец и мать не могли нарадоваться на своих детей, а счастливые дети со своей стороны горячо любили родителей. Здесь будущий поэт слышал «умные, полные любви речи» отца и матери — ведь отец «знал очень хорошие сказки», он выделялся во всем селении не только мужеством и храбростью, но и острым умом. «Мы как птенцы кружились вокруг отца и матери — сестры и братья, — вспоминает поэт, — но сегодня все это — лишь сладкий сон. Сегодня там, в этом небольшом селении, где мое сердце возвело столько памятных волшебных замков, находится только пять могил и в этих могилах похоронено все то, от чего у меня сегодня сжимается и горит сердце. Там покоятся мать, отец, два брата² и сестра³, и вместе с ними мое детство и отрочество, то есть то счастье, которое ушло и не вернется...»⁴.

У Илья Чавчавадзе была еще и другая большая боль, связанная с его любимым младшим братом Теймуразом (Темури), о котором он писал в студенческие годы из Петербурга своей старшей сестре Нино Абхазы: «Темур чувствует себя очень хорошо. Радуйся, Нинуси: у тебя хороший, умный брат...»⁵.

Однако спустя несколько месяцев, в 1860 году Илья Чавчавадзе понес тяжелую утрату; скончался в то время уже единственный его брат Темури. Его похоронили в Петербурге. О том, как тяжело пережил поэт эту утрату, свидетельствует его письмо Макрине Чавчавадзе от 14 мая 1860 года, в котором читаем: «...Я потерял брата, и какого брата! Вы никогда не увидите больше бедного юношу...». В верхней части письма рукой поэта сделана приписка. Там есть такие слова: «Мой бедный Темур! Любимый брат мой... я так страдаю без тебя»⁶. Этим глубоко трагическим чувством проникнуто и написанное в том же году стихотворение «На смерть брата», рожденное величайшей сердечной болью:

Горе, брат, мне! Смерть скосила и тебя...
О, горе!..

Злополучный, я остался в мире сиротой,
Наступила ночь страданий без конца, без края,
Для меня опустошенным стал весь мир земной!...
Все с тобой похоронил я, мой Темур любимый!..
Что осталось мне на свете? — горьких слез струя,
Для того чтобы молиться — прах твой одинокий
И могила на чужбине чистая твоя!..

(Перевод Б. Серебрякова)

Эта глубокая сердечная боль породила целый цикл пессимистически окрашенных стихов.

После окончания Тифлисской гимназии Илья Чавчавадзе в 1857 году едет в Россию. Одним из ярких воспоминаний, связанных с этим путешествием, сохранилась в памяти молодого человека встреча с выдающимся поэтом Григорием Орбелиани, о которой позднее рассказывал Иона Меунаргия: «Когда мы ехали в Россию... на Млетском спуске повстречали Григола Орбелиани, возвращавшегося из России в Тифлис. Григол медленно шагал, заложив, по обыкновению, руки за спину, и задумчиво улыбался; в отдалении за ним следовал фаэтон. Увидев поэта в окружении величественных гор и плывущие над ним облака, мы невольно восторженно высказали зародившееся в душе каждого из нас предположение: быть может, именно он в стихах воспевает эти прекрасные горы. Начиная с этого момента и до самой смерти Илья оставался горячим поклонником Григола Орбелиани»⁷.

¹ «Литературиლი мемквидреоба», кн. I, 1935, с. 563.

² Семен и Константин.

³ Нино Абхазы.

⁴ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1937, с. 419.

⁵ Это место письма Г. Кипшидзе приводит в биографии Илья Чавчавадзе. См.:

И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1914, с. XIII.

⁶ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 19—20.

⁷ Иона Меунаргия. Грузинские писатели, II, 1944, с. 182.

По приезде в Россию, в том же 1857 году, Илья Чавчавадзе поступает в Петербургский университет на камеральное отделение юридического факультета, которое готовило чиновников удельного ведомства, для чего студенты обучали камералистике (так в прошлом называли цикл административных и экономических дисциплин, преподававшихся в университетах). Знания, полученные Илей Чавчавадзе в Петербургском университете, пригодились ему впоследствии, когда он работал в Душети, и особенно в период основания Земельного банка, которым он руководил на протяжении нескольких десятилетий. Однако, живя в Петербурге, Илья Чавчавадзе не ограничивался только изучением камеральных наук. В ту пору исключительно интенсивной была его творческая деятельность. Именно к этому периоду относится целый цикл его лирических стихотворений, несколько прозаических шедевров, переводов и первых вариантов поэм.

В «Петербургe мы жили большей частью на **Васильевском острове**, — вспоминает Кохта Абхази. — Лето грузинское студенчество проводило в **Павловске**, и мы с Илей в это время тоже обычно находились там»¹. Именно поэтому часть петербургских стихотворений вместе с датой имеют приписку «Павловск» («Тоска», «Рабочий», «С... Ч(айковской)», «Поэт», «Слышу, слышу», «О мучительница!..») или «Тярлево» («Черные глаза», «Люби!», «Сон», две «Молитвы», «На чужбине», «Совет пьющего», «Доколе?»). О том, какую напряженную творческую работу вел в то время молодой поэт, живший в нужде, с каким увлечением приобщался он к научным знаниям, со всей очевидностью свидетельствуют воспоминания близких друзей Ильи Чавчавадзе. Кохта Абхази, например, подтверждает, что «в университете Илью особенно интересовали политические и экономические предметы... Иногда он работал по 18 — 20 часов в сутки, и я несколько раз видел, как он засыпал, сидя за книгой»².

Эта черта характеризовала Илью Чавчавадзе на протяжении всей его жизни. Чтобы показать, с каким усердием трудился поэт, забьем немного вперед. «Однажды, — пишет Гига Кишшидзе, — Илья так увлекся работой, что не заметил, как рассвело, наступило утро, полдень и в кабинете его по-прежнему горел свет. Княгиня Ольга стала волноваться: вдруг, мол, с ним что-нибудь случилось, но от страха и сама не могла войти к нему в комнату и прислугу послать не решалась. К этому времени в редакции «Иверии» уже собрались сотрудники, и княгиня обратилась к одному из них, ныне покойному А. Нанеишвили, с просьбой о помощи. Редакция в то время помещалась в том же доме, где жил Илья Чавчавадзе. Нания, как мы называли покойного, тотчас же бросился выполнять просьбу княгини. Он открыл дверь кабинета, и ему представилась такая картина: Илья сидел спиной к письменному столу, видно было, что он весь ушел в глубокие думы»³.

Результатом напряженной работы в Петербурге явились оригинальные стихи, прозаические шедевры, поэтические жемчужины в виде первых вариантов поэм и всесторонняя образованность. В Петербурге же Илье Чавчавадзе принадлежала и руководящая роль в кружке грузинской молодежи. Кохта Абхази вспоминает: «Мы, студенты, часто собирались и беседовали как на общественные темы, так и о будущей судьбе нашей многострадальной родины; часто читали грузинские книги...»⁴.

В общественной жизни России это были бурные 60-е годы, когда движение разночинной интеллигенции достигло огромного размаха. Молодые люди 60-х годов жадно набрасывались на все новое, ища в нем критику старых порядков, причем большинство из них не избежало некоторой односторонности в своем отрицании, и если даже не полностью разделяло нигилизм, то относилось к нему сочувственно. В это время нигилистическая проповедь Писарева и Зайцева владела умами молодежи в неменьшей степени, чем незадолго до этого позитивная доктрина Чернышевского и Добролюбова. Правда, нигилизм достиг высшего развития в России несколько позднее, но уже и тогда в атмосфере витал базаровский дух, так что Илья Чавчавадзе оказался свидетелем распространения среди студентов самых крайних направлений. Сокрушение старых идолов, во всяком случае — резкая и непримиримая критика, несмешливое отношение ко всему старому уже, казалось, начинали угрожать даже великим жрецам искусства⁵. Чувство критики и протеста овладело молодежью 60-х го-

¹ «Литератури меквидреоба», кн. I, 1935, с. 564. Подчеркнуто автором. — Г. Д.

² «Литератури меквидреоба», кн. I, с. 64.

³ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1914, с. XXXI—XXXII.

⁴ «Литератури меквидреоба», кн. I, с. 564.

⁵ Подробно см.: Георгий Джибладзе. Искусство и действительность, т. I, 1955, с. 199—220, 508—512, 600—610.

дов настолько, что иногда происходили весьма забавные случаи — вроде того, о котором любил рассказывать своим друзьям Илья Чавчавадзе: «Однажды, когда молодые студенты из Грузии обедали в дешевой кухмистерской на Васильевском острове, неподалеку от университета, зашел разговор о каком-то юридическом вопросе. Как известно, у молодых людей беседа быстро переходит в горячую и острую полемику. В наш спор вмешался один русский молодой человек, сидевший за общим обеденным столом. Мы сразу напустились на него, загорелся горячий спор, но мы ни в чем ему не уступали, хотя он гораздо более четко и просто разъяснял предмет нашего спора. На следующий день, войдя в университетскую аудиторию, переполненную студентами, мы увидели, как этот самый молодой человек стоит на кафедре и читает лекцию. Я стал расспрашивать о нем, и выяснилось, что это — профессор Спасович, большой знаток юриспруденции. Вот тогда нам действительно стало не по себе»¹.

Надо сказать, что Владимир Данилович Спасович (1829 — 1908), который в то время по рекомендации известного ученого-юриста К. Д. Кавелина занимал в университете кафедру уголовного права², пользовался среди студенчества большим авторитетом как блестящий оратор, прогрессивно мыслящий человек, обладающий энциклопедическими знаниями. Его критические статьи о Шекспире, Байроне, Шиллере, Гете, Пушкине, Лермонтове, Мицкевиче и Сенкевиче не утратили своего значения до наших дней³. В 1861 году, в связи со студенческими беспорядками, Спасович оставил Петербургский университет и в течение 40 лет работал адвокатом. Одно из самых блестящих его выступлений состоялось в Тифлисской судебной палате 25—30 ноября 1878 года на процессе по делу Давида и Николая Чхотуа и других. Сочинения Спасовича, изданные в десяти томах, и по сей день читаются с интересом.

В 1861 году начались студенческие волнения, и в связи с этим Илья Чавчавадзе, в ту пору студент IV курса, был вынужден покинуть университет. К тому же в то время поэт испытывал серьезные материальные затруднения. Об этом свидетельствуют его письма к сестре Нино Чавчавадзе-Абхазии, а также к Нене Андроникашвили и Анико Вачнадзе. В письме к сестре от 18 февраля 1859 года Илья Чавчавадзе пишет: «Хотел бы я, чтобы ты заглянула в мои карманы. Что там творится!.. Мыши устроили в них настоящие скачки. Все здесь так очищено, что даже на Кабахи нет такого простора. Эх, если бы сейчас я находился там, чтобы наговориться вдоволь! Люди с пустым карманом любят много болтать, и мне трудно удержаться»⁴.

Почти в тех же выражениях немного раньше, в 1858 году, поэт писал Нене Андроникашвили: «Не знаю прямо, что писать о себе. Вы же знаете где находится слабое место Чавчавадзе — в кармане, и только в кармане, Ух! Какой иногда вихрь свистит в моих карманах...»⁵.

Почти во всех письмах из России мы встречаем подобные жалобы на материальные затруднения. В письме к Анико Вачнадзе от 13 августа 1858 года говорится, что Петербург — «огромный город, в нем много веселья, много развлечений, но все это не для меня, так как я всегда не в ладах с карманом, а такой человек здесь и шагу не ступит»⁶.

Несмотря на постоянную нужду, Илья Чавчавадзе в студенческие годы работал необычайно плодотворно. В первом номере журнала «Цискари» за 1857 год было напечатано его стихотворение «Птичка» (это было первое опубликованное произведение поэта, написанное 17 ноября 1856 года, еще в ученические годы), после чего в том же журнале были опубликованы следующие произведения: «Проведник Беда» Гете, переведенное в Петербурге в 1857 году («Цискари», 1858, № 1), стихотворение Шиллера «Утешение сквозь слезы», перевод осуществлен в том же году («Цискари», 1859, № 2), «Черные глаза» («Цискари», 1859, № 3), стихотворение А. С. Пушкина «Пророк», перевод относится к тому же времени («Цискари», 1861, № 1), «Горе тому — кому я жертвовал собой» («Цискари», 1860, № 9), «Хаджи-Абрек» Лермонтова, переведенный в 1859 году («Цискари», 1860, № 11), «Элегия» («Цискари», 1859, № 11), «У дверей» Рюккерта, перевод выполнен тогда же («Цискари», 1859, № 11). В «Цискари» впервые были напечатаны также следующие творения поэта: «Александру Чавчавадзе», «Пророк» Лермонтова, «Помнишь, милая, с тобою» и «Под бременем печали изнывая...»⁷.

¹ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1914, с. XXIV—XXV.

² «Судебные речи известных юристов», 1957, с. 583.

³ Там же, с. 585.

⁴ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 8.

⁵ Там же, с. 13.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ См. составленную П. Ингорюк «Летопись творчества Ильи». Сочинения, т. X, с. 581—633.

Естественно поэтому, что возвратившийся в Грузию из России молодой Илья Чавчавадзе был уже хорошо знаком грузинской общественности как поэт и переводчик. Но настоящую популярность впервые принесла юному литератору напечатанная в апрельском номере «Цискари» критическая статья Неколяко слов о переводе кн. Ревазом Шалвовичем Эристави «Безумной» Козлова, которая дала основание представителям старшего поколения общественных деятелей, принадлежавших к лагерю так называемых «отцов», окрестить молодого Илью Чавчавадзе «грузинским Белинским». За этим последовал известный «Ответ» Ильи Чавчавадзе, опубликованный в шестом номере того же журнала, который нанес сокрушительный удар критикам «грузинского Белинского». После размолвки с журналом «Цискари» И. Чавчавадзе решает основать собственный журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»). Преодолев многочисленные препятствия, он добивается соответствующего разрешения, и в феврале 1863 года выходит в свет первый номер этого журнала, правда, просуществовавшего только один год (вышло всего двенадцать номеров); по сравнению с «Цискари» это был прогрессивный орган, оставивший неизгладимый след в истории грузинской периодики и общественной мысли.

1863 год был отмечен в жизни Ильи Чавчавадзе двумя важными событиями: изданием «Сакартвелос моамбе» и знакомством с Ольгой Тадеозовной Гурамишвили. Их сразу же завязавшаяся дружба вскоре переросла в глубокое и возвышенное чувство, для передачи тонких градаций которого потребовалось бы, пожалуй, целое художественное произведение. В свое время их отношения породили немало сплетен. Недоброжелатели распространяли слухи, будто бы Илья Чавчавадзе, как обедневший князь, по расчету женился на недостойной его и неподходящей ему женщине². Поэтому до тех пор, пока не были опубликованы письма поэта к Ольге Гурамишвили, определенное значение имели воспоминания Екатерины Габашвили, рассказывавшей о том, с каким нетерпением и восторгом ждал Илья Чавчавадзе письма Ольги Гурамишвили, с которой у него завязалась оживленная переписка сразу же после их знакомства. Не может быть никаких сомнений в том, что их соединил не расчет, а чистое чувство любви. Что же касается материальной стороны, то «они долго и дружно переносили все тяготы бедности, а законную четырнадцатую часть имения получили уже в пожилом возрасте, после того как скончался Тадеоз...»³.

Что же касается Ольги, которую Екатерина Габашвили близко знала по совместной работе, то, судя по упомянутым воспоминаниям, она «была прекрасной женщиной, да и Илья не уступал ей красотой, и как это обычно происходит между двумя юными и счастливыми существами, они страстно полюбили друг друга, и в их отношениях не было и не могло быть никакого материального расчета. Я — живая свидетельница их идеальной любви, в результате которой Ольга тайно покинула дом своей бабушки и при нашей помощи тайно обвенчалась с Ильей... Ольга до самой смерти сохранила преданность, глубокое уважение к своему гениальному мужу и преклонялась перед ним»⁴. И действительно, эта нежная, культурная, добрая женщина стала неразлучным спутником жизни Ильи Чавчавадзе. Она с необыкновенной любовью относилась к нему, была его верным другом, помощницей и сотрудницей в общественных делах.

Знакомство Ильи и Ольги состоялось в январе 1863 года. Как установил Павел Ингорюк, первое любовное письмо к своей будущей жене Илья Чавчавадзе написал 16 января 1863 года. С пылкой нежностью и бесконечной преданностью полюбил он Ольгу Тадеозовну, как это видно из писем, которые вошли в десятый том Собрания сочинений поэта. Эти письма свидетельствуют о высоком духовном облике Ильи Чавчавадзе, о его моральной чистоте; в них как бы заговорили в прозе его ранние любовные стихотворения. В письме от 28 января 1863 года Илья пишет своей любимой, верной подруге: «Я не люблю слащавые или слезливые слова, я не люблю говорить о своих чувствах, мой друг, — это бывает только в романах, да и то в глупых романах французского типа. Поверь мне, чем больше слов, тем меньше чувств, или же наоборот, чем меньше слов, тем больше чувств»⁵. Но Илья Чавчавадзе часто нарушает этот принцип и с огромным увлечением говорит о своих чувствах: он клянется Ольге, почти совсем по Чернышевскому, в вечной дружбе, раскрывает перед невестой сердце и душу. «Знайте, — пишет он, — я ничего не предложу Вам, кроме любви и преданности. Правда, люди бывают счастливы и этими двумя понятиями, и я верю, что такое счастье возможно, но скажите мне: верите ли

¹ Вопросы об издании и содержании журнала «Сакартвелос моамбе» см. в кн. П. Гугушвили «Грузинская журналистика», 1941, с. 299—388.

² «Литературули матиане», 1940, № 1—2, с. 113.

³ Там же, с. 116—117.

⁴ Там же, с. 117.

⁵ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 179.

Бы в это так же? Вот вопрос, который не дает мне покоя. Знаете ли Вы все о моем положении? Известно ли Вам мое настоящее? Что же касается будущего, то о нем и говорить не стоит: чем я дальше заглядываю вперед, тем меньше вижу обнадеживающего. Правда, я сбрек себя на бедность и труд; правда, я не боюсь их, но Вы? Вы тоже не боитесь этого? Если не боитесь, то я ваш, — т. е. я твой»¹.

II. Ингороква, который первым систематизировал весь этот эпистолярный материал и уточнил ряд неясных моментов и деталей, приходит, на наш взгляд, к совершенно справедливому выводу, когда пишет, что «этот цикл писем представляет собой поэму»². Мы же добавили бы — прекрасную поэму, в которой возвышенное чувство сочетается с большой человеческой непосредственностью. И при этом какая прямота, какая искренность, мужественное благородство отражены в каждом письме! «Слава тебе и величие!»; «Ты так хороша и умна», — пишет он своей подруге: «Ты не только моя будущая жена, ты и настоящий друг»; «Мы будем жить, и ты увидишь: мы завоюем счастье, если оно до этого не пожелает слететь к нам... жизнь хороша, когда с ней приходится бороться, и мы с тобой пока еще так молоды, что у нас хватит сил для этой борьбы. Так чего же нам бояться жизни? Ничего не бойся! Я надеюсь обрести в тебе опору, а ты ищи во мне то же самое, — и, клянусь, все будет в порядке»; «Если бы меня не пленили твои нравственные качества, твой ум и твое чистое сердце, то будь ты обладательницей богатств самого Креза, я при первом же свидании отвернулся бы от тебя»; «Что такое богатство? Богатство — вещь недурная, я ничего не могу сказать против него, но все же не оно составляет необходимое условие для счастья»; «Мой ангел! Какая ты удивительная! Твои письма, особенно вчерашнее, Олико, являются для меня подлинным источником, в котором я черпаю и силу, и надежду. Каждое твое слово для меня — животворная роса. Вот почему я так жажду твоих писем. Я не стою тебя, ты гораздо выше меня; поверь, я не лгу тебе и не лукавлю: мне действительно многому придется учиться у тебя, и если я исправлюсь, это будет заслуга моей дорогой и удивительной Олико. Умница моя, с какой лаской и нежностью указываешь ты мне на мои ошибки! Вот еще один алмаз среди других твоих достоинств»; «Что это явилось мне! Будь благословен тот час, когда я встретился с тобой. Не дай мне бог хотя бы час один... без тебя прожить и зачем мне жить без тебя? Я ведь лишь после того, как полюбил тебя, понял, в чем состоит смысл жизни, а до того был словно окаменевшим. Друг мой! Явилась ты — и я стал дышать полной грудью, начал жить по-настоящему. Я не смогу жить без тебя, если даже захочу этого. По существу для меня жизнь — это ты, а разве можно существовать без жизни? Я недаром называю тебя кудесницей: никакое колдовство не смогло бы сделать того, что сделала ты, краса моя, мой добрый гений!»; «А эти глупые поэты, начиная с Сафо и кончая Кереселидзе, уверяют уважаемое общество в том, что в этих желаниях, в этом трепете, страхе заключается счастье. Я хотел бы только одного: чтобы они оказались на моем месте, в моем теперешнем положении. Тогда посмотрел бы я, как они стали бы обманывать народ. Тогда они запели бы совершенно иначе. Ей-богу, я ума не приложу: как мне выйти из этого положения? Ты как думаешь? Я так растерян, так измучен, что ненавижу сам себя. Ты знаешь, когда дорого счастье? Когда его завоевываешь борьбой, оберегаешь ценой страданий, как обычно говорят поэты. Нет победы без преодоления препятствий, говорят полководцы. Нам ведь тоже приходится преодолевать препятствия — преодолеем еще и еще, друг мой! Бог дал нам чувства, чтобы согреть ими нашу жизнь, чтобы мы боролись за нее и побеждали. И как бы ни закончилась эта борьба, она все равно облагораживает человека, даже в случае поражения возмечивает его»³.

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X., 1961, с. 176.

² Там же, с. 537.

³ Там же, с. 176—229. (Эти выдержки отобраны из разных писем поэта).

Продолжение следует

ВОЗРОДИМ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРНЫЙ КРАЙ

Раздумья о завтрашнем дне

Мта-Тушети

НЕСКОЛЬКО лет назад я впервые побывал в Тушети. Был конец августа. Наш вертолет, словно кузнечик, пробирался к верховьям Алазани, и, как только набрал высоту, у меня и у моих друзей вырвался вздох изумления: «Вы видели цвет запеленутой сумраком сливы? Это горы родные мои в синеве предвечерней!» (Галактион Табидзе).

Пояс гор, покрытых густым, чернильного цвета лесом со сравнительно нежными и спокойными контурами, окружает зеленые, точно ковры, поля, луга и сенокосы, а внизу серебряными полосами извивались алазани — так называют здесь горные реки. Величественный вид всему этому придавали стоявшие на северной границе, словно надежные бастионы, грозные снежные вершины, среди которых выделялись взметнувшиеся высоко в небо Тебуло и Комито.

Самобытную и дикую красоту природы ничто не украшает так, как следы человеческого созидания — верный признак содружества природы и человека. Будто нарисованные стоят то тут, то там маленькие села с множеством — одно за другим — строений, в середине которых, почти как правило, возвышается крепость — в свое время бывшая, очевидно, утешением и надеждой людей, ее возводивших. Да и могли ли враг и разоритель исеякнуть в этом сказочном и богатом крае...

Приехав в Малое (это своего рода опорное село в горной Тушети), мы тотчас же попали в окружение вольных, полных жизни, любознательных и умных горцев. Все открыто предлагали свои услуги, старались, чтобы мы увидели как можно больше за короткое время, которым располагали (сентябрь здесь суровый, и баранга с чабанами уже спускается в долину).

Быть нашим проводником взялся на редкость интересный человек — зоотехник Леван Цихелашвили, которому по служебным обязанностям надо было побывать у овцеводов и установить подготовленность отар для спуска в долину.

Мта (что означает горная) Тушети — один из прекрасных уголков Грузии, раскинувшийся на южном склоне Восточного Кавказского хребта. С севера с ней граничит Кистиния-Чечня, с востока — Дагестан, а с запада — такой же высокогорный край Грузии — Пшав-Хевсурети. С юга Тушети от Восточной Грузии, в частно-

сти от Кахетии, отделяет водораздельный хребет. Территория Мта-Тушети в длину достигает 40—45 километров, в ширину — 25.

Большинство ее сел расположено на высоте 2.000 метров над уровнем моря.

В свое время Тушети являла собой исторически важную провинцию Грузии, охранявшую ее северную

границу. Она богата историческими и архитектурными памятниками, уникальной флорой и фауной. Для нее характерно развитие традиционных отраслей сельского хозяйства, особенно животноводства. Тушинские овцы, например, во всем мире известны своими высокопродуктивными качествами и выносливостью.

Нас, гостей, было четверо — Арчил Сулакаури, Тамаз Чхенкели, Нодар Эбралидзе и я. За очень короткое время мы действительно форсированным маршем обошли три уголка Тушети: Пирикита Тушети, Цовата и Гомецари. А четвертый — Чагму увидели позже, когда присутствовали на народном празднике, посвященном погибшим жителям сел Шенако и Дикло, разоренных пришельцами в XIX веке. Здесь мы и познакомимся с некоторыми местными, а также подымавшимися наподобие нам с низины тушинами, среди которых своим мужественным видом и энергичной речью выделялся Коста Джамрулидзе — тогдашний руководитель Алванского совхоза.

Увиденное, как говорится, намного превзошло прочитанное и услышанное. Мы возвращались очарованные здешними людьми и природой, переполненные бесчисленными впечатлениями.

Но радость встречи с Тушетой омрачалась болью и грустью за нее...

Ведь Тушети, как это не покажется странным, фактически, можно сказать, уже не существует. Есть историческая Тушети, довольно обширная территория, число жителей которой сегодня неправдоподобно мало — количество дворов здесь едва достигает 15—20. Коренное население снялось с места и большей частью рассеяно по низинным селам Ахметского района (наиболее компактно тушинское население в двух его селах — Земо и Квемо Алвани).

Покинутые села Тушети, ослепленные дома, с обвалившимися крышами, которыми овладел свидетель безлюдности — чертополох, производят гнетущее впечатление. Видимо, именно этим настроением продиктованы строки одного из стихотворений Арчила Сулакаури: «Ветры как кости башни грызут, и грудью на грудь налегает мне ночь...».

Было бы неверно утверждать, будто этот печальный процесс начался вчера или позавчера. Миграция тушин сверху вниз, если не углубляться в дебри веков, уже с XVI столетия считается подтвержденным фактом. И сейчас еще среди тушин жива память о том, что царь Кахетии Леван (1520 — 1574) одним из первых открыл им свободную дорогу в Алазанскую долину. Этот факт отмечает в своем труде «Жизнь Каргли» также известный грузинский историк Вахушти: «И этот Леван покорил не силой (тушин), пообещал, что их баранта беспрепятственно будет пастись в Кахетии, а принес пожертвования Ла-шарскому кресту в Тианети и после этого дает им войска и повинность» (т. IV, с. 573).

Есть и другие предания, из которых самой важной является эпопея о взятии Бахтриони (1659) и передаче тушинам окрестностей нынешнего Алвани, а также окончательно подтвержденная царями Теймуразом II и Ираклием II принадлежность этой территории тушинам.

Часть их общин начала «кочевать» (употребим этот термин условно) уже с той поры и только летом возвращалась в свои села, другие же почти до последних десятилетий не расставались с местом жительства своих предков (естественно, это и обусловило отличие от других способа хозяйствования в этих общинах и ряд иных факторов).

И вот сегодня мы встали перед лицом печального факта — опустел и стал безлюдным политый в течение веков кровью и потом множества людей этот исключительно важный район Грузии. Такое положение может повлечь за собой завтра еще более нежелательный результат.

В связи с этим мне вспоминается одна беседа, участниками которой были Нодар Думбадзе, в другой раз путешествовавший вместе с нами по Мта-Тушети, и два молодых, нездешнего вида парня, пасших там скот. На вопрос, чем вызван этот их шаг, они очень спокойно ответили: безлюдность не к лицу этим прекрасным местам, и если, как говорилось издревле, не присмотреть за землей, она сама найдет себе нового хозяина.

Думаю, эта беседа не нуждается в обобщениях. И без того все ясно.

Судьба Тушети должна волновать всех нас. Об этом не раз говорилось и писалось. В последние годы грузинская партийная организация и правительство республики проводят большую работу по упорядочению этого положения.

Некогда в этом густонаселенном крае занимались интенсивным хозяйствованием. В настоящее время он фактически пустует, что мешает его освоению и возрождению. Проблема эта встает со всей остротой и требует решения множества вопросов, некоторые из них были

затронуты в очерке Тины Донджавили «В горах Мта-Тушети», опубликованном в девятом номере «Литературной Грузии» за 1973 год. Но и сейчас они продолжают оставаться столь же насущными. Свидетельство тому — прошедший недавно с большим успехом на наших телеэкранах трехсерий-

ный фильм Грузинского телевидения о ластухах-тушинах, откликаясь на который, Саргис Цаишвили размышляет о завтрашнем дне Мта-Тушети, говорит о важности скорейшего возрождения этого прекрасного горного края Грузии.

Ведь до сих пор в Тушети не было даже хорошей дороги. Сейчас это непростительное упущение исправляется. Насколько мне известно, крайне интенсивно ведется строительство дороги на Тушетском перевале, что, безусловно, является значительным шагом в решении столь важной для здешних мест проблемы, сопряженной со множеством других больших и малых вопросов ее сегодняшнего существования.

Что же касается пафоса этой статьи, то он продиктован фильмом, который подготовила и недавно предложила вниманию зрителей Грузинская телестудия. Я имею в виду трехсерийный фильм «Пастух-тушин» (режиссер-постановщик — Сосо Чхаидзе, авторы сценария — Амиран Чичинадзе, Дэви Иванов-Чиковани, Валериан Сулакаури и Сосо Чхаидзе, оператор-постановщик — Ираклий Онопришвили, художник — Вахтанг Руруа, композитор — Гурам Бзванели).

Без преувеличения можно сказать, что это постине художественное творение, глубоко продуманная эпопея о сегодняшней Тушети, о ее людях труда, о плюсах и минусах в жизни этого края.

Первое и главное достоинство фильма — ни на минуту не покидающее зрителя ощущение редкой правдивости, отсутствие какой бы то ни было фальши, даже намека на сентиментальность. Краски суровы и точны. Большое человеческое добро и благородство с поразительной силой словно изнутри освещают каждый кадр, каждый эпизод.

Взять хотя бы случай с пропажей барана. Чабаны интуитивно догадываются, что это дело рук работающих рядом с ними геологов. Но вот что говорит по этому поводу суровый и фанатично влюбленный в свое дело руководитель бригады Георгий: «Ничего, они ведь тоже общее дело делают. Пусть этот баран пойдет им впрок».

Сцена передачи маленького мальчика - сироты Зурико в интернат решена на таком высоком художественном уровне, что не может не вызвать глубочайшего сочувствия. Хотя она и передана всего несколькими штрихами, мы становимся свидетелями рождения нового сильного характера. Кроме грусти, этот эпизод вызывает и радостные эмоции — уверенность, что мальчик преодолет все препятствия (это свойство характера тушин хорошо подмечено авторами фильма) и выйдет на светлую дорогу жизни.

Художественное чутье авторов, умение анализировать помогли им избежать прямолинейности. Они глубоко чувствуют многообразие жизни, переживают человеческие боли и радости. Все персонажи жизненны, каждый характер самостоятелен, каждая личность имеет свою биографию. Но представленная нам картина — все же единое целое, направляющее нас к постижению главной цели: труд, старание, самопожертвование ради общего дела требуют больших жертв, и в то же время все это наполняет нашу жизнь содержанием, великим добром человеческого счастья.

Поэтому в фильм смело включено большое количество мотивов и разных тем. Почти на все авторы дают убедительный ответ. Ни один мотив не остается незавершенным. Наверное, без такой смелости ничего значительного не создавалось, и авторы фильма решительно шагают по этому мосту истинного творчества. С первого взгляда, казалось бы, вялое повествование (и это тоже продиктовано жизненной правдой) полно внутреннего ритма, смены настроений, что, по нашему мнению, больше всего обусловило живой интерес зрителя, которого волнует судьба каждого героя и все проблемы, поданные с предельной достоверностью.

Одной из четко выраженных сюжетных линий в фильме является приключение Лексо, интересно и сдержанно воплощенного артистом Ираклием Хизанишвили. Лексо по профессии водитель. В силу обстоятельств он попадает на работу в одну из бригад пастухов, у которых тоже сердце не лежит к этому случайному для них человеку, занявшему место их друга — отца маленького Зурико, погибшего в горах. Это одна из наиболее примечательных коллизий, вносящих в фильм особую остроту. Лексо — внутренне чистая и цельная личность. Он не пытается привлечь к себе внимание каким-либо внешним эффектом. Это не остается незамеченным умными и щедро наделенными жизненным чутьем пастухами. Лексо заслуживает их доверие и любовь, и спустя год они расстаются с ним с сожалением. В этом моменте таился некоторый соблазн оставить Лексо с пастухами. Но авторы фильма не пошли на это, ибо тогда нарушилась бы та внутренняя гармония, которая является основным стиливым признаком этой картины. Лексо уже выбрал свой жизненный путь, свою профессию и не изменит им. Это тоже свойство его характера.

Но образ Лексо несет еще одну большую нагрузку: зритель многое видит его глазами. Этот прием опосредствования, представляющий интересную находку авторов, в большой мере обогащает наши впечатления о фильме.

Нельзя не сказать также еще об одном смелом шаге его создателей. Почти всех главных героев в нем воплощают сами алванские пастухи. Конечно, это не:

единственный путь для создания иллюзии жизненной правды, но что он один из них, об этом свидетельствует сам фильм.

Суров и в то же время справедлив и несгибаем руководитель бригады пастухов Георгий (Иова Бартишвили). Оптимизмом и юмором наделена колоритная фигура Баграта (Плато Осораули), всегда готового на новые проделки. А сколько поэзии в образе Тандилы (Панто Татараидзе), в его отношении к маленькому мальчику-сироте или в непобедимом чувстве «зова земли», в том, как по местному обычаю он, постарев, направляется на вечный покой в усыпальницу предков.

А маленький Зурико (Рамаз Сулакаури), в котором детская наивность сочетается с преждевременно выявившимися суровыми чертами характера, самый характерный психологический портрет в фильме, явившийся, видимо, плодом совместной работы, основанной на теснейшем внутреннем контакте между маленьким исполнителем и режиссером.

И наконец, пронизанные щедрым юмором сцены, колоритная лексика, скупая и выразительная речь на чистом тушинском говоре выявляют прирожденную поэтическую натуру этих выкованных в борьбе и труде людей.

Я особо выделил бы сцену столкновения с похитителями овец, которая решена в острых, динамичных кадрах. Юмор сменяет здесь брезгливость и гнев, вызванные низким нравом этих мелких, трусливых существ.

Массовые сцены в Мта-Тушети, неприукрашенные, естественные кадры наряду с этнографической точностью быта увеличивают познавательную ценность фильма.

Отдельно следует выделить эпизоды борьбы с браконьерством, с этим страшным недугом нашей жизни, которые завершаются гневом Баграта на непутевого сына-лодыря, уничтожающего красоту горной Тушети — уникальных серн и туров. Эта тема тоже завершена и дополняет вообще проблемный характер фильма.

Но все же центр тяжести в нем (и это одно из основ его победы) справедливо пересен на показ тяжелой, но в то же время полной героики жизни чабанов-тушин. Иначе и быть не могло, ибо Тушети и овцеводство почти неразделимые понятия. Так было исторически, так обстоят дела и сегодня, когда по традиции первый тост в этом горном крае поднимают за отару и чабана. Эта сложная, коллективная отрасль хозяйства оставила глубокий след как на характере тушин, так и на утвержденных ими высоких нравственных нормах. Овцеводство для них не только ремесло, борьба за хлеб насущный. Это — их жизнь, порядок их существования, что и дают чувствовать первые же кадры, первый же титр, когда зритель знакомится с одной из невеселых древних поговорок: «Путник нашел мертвого жаворонка. Бедняга, сказал он, ты пал в пути, как тушин-пастух...».

Развитие овцеводства не только нужно и выгодно. Оно еще — основа и залог завтрашнего дня Тушети, ее возрождения. Так авторы идут к обобщающим выводам, идут упрощенно, под диктовку жизненной правды.

Их не пугают светотени, сопутствующие положительным сторонам новой жизни, когда так ощутима протянутая к ним заботливая рука. Они смело показывают и отдельные пороки, будто незаметными штрихами, в естественно возникающих беседах выявляют пока еще не решенные вопросы, требующие внимания и реализации. Так, например, кое-где скупо, будто невзначай, раздаются голоса о личных овцах. В самом деле, что случится, если в общественных отарах, конечно, с соблюдением нормы, будут и личные овцы пастухов. Мы ведь доверяем этим трудолюбивым, закаленным в борьбе с жизнью людям (чего стоят хотя бы незабываемые кадры преодоления снежного перевала отарами) и будем доверять им до конца. Ведь умелое сочетание личного и общественного принесет нам больше пользы, возникнет большая заинтересованность чабанов, чьи ряды, к сожалению, сегодня заметно редеют. Показаны и некоторые эпизоды равнодушия, что так вредит вообще нашей жизни и, в частности, тому делу, которому самоотверженно служат герои фильма.

Раздумья о завтрашнем дне Тушети — лейтмотив этого фильма, который строгими художественными приемами еще раз дает почувствовать всю остроту затронутой нами проблемы.

А решить ее можно. Всем известно, какие энергичные действия предприняты в последнее время по возрождению такого же прекрасного, как Тушети, уголка Грузии — Сванети. Учет специфических условий, продуманная с экономической точки зрения специализация, целый комплекс культурных мероприятий наряду с материальной помощью создадут предпосылки для освоения и возрождения Мта-Тушети. Я убежден, что в ускорение этого процесса свой вклад внесет и фильм о пастухах-тушинах.

Баски и грузины

Испанская Баскония, конечно, не избежала классовых противоречий (западные историки обычно изображают басков как свободный народ, не знающий социального антагонизма). Правда, в других частях Испании во время господства римлян, а затем — германцев и арабов была заложена основа наследственной аристократии, но в отличие от них в Басконии класс феодалов сформировался в пределах родового общинного хозяйства и тесно был связан с ним. Эта традиция отразилась и в названии баскских феодалов «*pariente mayor*», что дословно означает «старший родственник».

Характерно, что с установлением феодализма в Наварре баскам были присвоены дворянские гербы и фуэросы, хотя это совершенно не способствовало социальному расслоению общества и долгое время позволяло баскам сохранять независимое положение от государственной власти. Основную опорную силу в национальной борьбе составляло крестьянство. Под руководством местной аристократии, крупной буржуазии и духовенства, под сильным влиянием которого они находились, крестьяне боролись против правительства.

Католическая церковь (как известно, баски — католики) сыграла определенную роль в формировании национального самосознания басков. Беднейшее духовенство крестьянского происхождения постоянно боролось против кастильского духовенства, и этот антагонизм вынуждал его встать во главе национально-освободительного движения басков под лозунгом «За бога и старую независимость!» (*Dios y fuegos*) Духовенство вело борьбу и против кастильской либеральной буржуазии, которая стремилась ограничить его влияние среди баскского населения. Духовенство и аристократия сумели поднять народные массы на борьбу в защиту карлистов — сторонников вступления на престол брата испанского короля Фердинанда VII (1784—1833) Дон-Карлоса V (1788—1855). Как известно, Фердинанд VII упряднил наследственную традицию и передал престол не брату, а своей несовершеннолетней дочери Изабелле. Это обстоятельство породило разногласия между представителями двух династических линий. Центром карлистов (сторонников Дон-Карлоса) стал край басков. Движение, начавшееся сначала в Алаве и Наварре, а затем переместилось в Бискайю и в Гипускоа. Главным вдохновителем борьбы было басконское духовенство. Карлисты заверяли, что сохраняют баскам пережитки феодальных институтов и старые фуэросы и вместе с этим будут защитниками прав духовенства. Направленное на защиту фуэроса народное движение положило начало национальному движению, но в то же время этот душевный подъем, это стихийное движение народных масс органически перекликалось с общенепанским стрем-

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3, 4, 6.

лением сохранить феодальный строй. Духовенство уверяло народ в том, что если победу одержит Дон-Карлос, то он освободит крестьян от кастильского гнета, восстановит древние традиции, вернет баскам национальную свободу, которая была растоптана предыдущим королем, Фердинандом VII. На протяжении почти шести лет (1834—1840) баское крестьянство самоотверженно боролось с мадридскими войсками под предводительством сначала Карреры, после его смерти — Гомеца и, наконец, — Кабреро. В 1840 году государственные войска разбили карлистов и прогнали их во Францию. Французские легитимисты поддерживали карлистов, снабжали их оружием, деньгами. Победа мадридских войск в значительной мере объясняется активностью прогрессистов. Но и после победы над карлистами они не начали борьбы ни против феодализма, ни против монархии и ожидали исполнения своих требований путем реформ. Прогрессисты, как и консерваторы, были против национального освобождения угнетенных народов. Их цель состояла в утверждении «испанского единства» силой оружия. Прогрессисты не сумели довести буржуазную революцию до конца, а только еще более обострили национальные отношения внутри Испании.

Баскам дорого обошлась борьба на стороне карлистов, В 1839 году их независимость была сильно ограничена.

Как в 1834 году, когда карлисты с помощью духовенства подняли басков на защиту Дон-Карлоса, так и в 1860 году басков вместе с другими национальными группами Испании заставили принять участие в борьбе «против мусульман» под руководством реакционного генерала О'Доннела. Бедные баски снова были обмануты¹.

Когда была провозглашена первая Испанская республика (1873 г.), баски под влиянием духовенства вновь восстали за право восшествия на испанский престол преемника Дон-Карлоса. Примеру басков последовали каталонцы, валенсийцы и все те, кто не примирился с господством кастильцев. Обещаниям карлистов не было конца: баскам и каталонцам обещались всевозможные привилегии, автономия...

Летом 1875 года карлистов окончательно разбили. Карательные экспедиции войск испанского правительства против карлистских центров в краю басков завершились полным разгромом этих последних. На этот раз победа досталась реставрированной династии Бурбонов. В 1875 году новый король — Альфонс XII в торжественной обстановке обещал баскам амнистию и сохранение старых фуэросов, если они сложат оружие и начнут мирную жизнь. В то же время монархия прибегала к всевозможным уловкам с целью переманить на свою сторону баскских офицеров и должностных лиц. Обманутые же широкие массы продолжали борьбу в защиту интересов Дон-Карлоса. Постепенно силы их иссякали. Обещания Альфонса XII оказались пустыми словами: баскские провинции были подчинены общеиспанской конституции. Резко возросли налоги, тяжелым грузом легли на крестьянство законы нового режима... Безгранично было национальное порабощение и угнетение. Многие баски были вынуждены оставить родину и бежать в другие страны. В 60-е годы прошлого века большой поток басков направляется в Южную и Центральную Америку

В последней четверти XIX века процесс испанизации правительственного аппарата баскских провинций достигает кульминации. Как правило, басков освобождали от занимаемых ими должностей, а на их место назначали кастильцев.

Баскский язык был упразднен в учреждениях и школах.

Баскскому языку объявили войну...

В связи с этим уместно было бы сослаться на одну работу Н. Я. Марра, опубликованную в Лейпциге в 1920 году.

«В 699 году епископ Пуатье писал Галактирию Фортунату: «Пусть скитающийся васкоп, т. е. баск трепещет перед твоим оружием и не довернется поддержке, которую он находит в скалах Пиреней».

С 627 по 766 год баски заняли весь край между Гаронной и Эбро: король Пипин отбросил их в Пиренеи. Затем, по словам возмущенного спокойным по-

¹ Трагическая судьба рядового воина-баска хорошо отражена в следующем народном стихотворении:

Дон-Карлос убрался вон,
Отдохнуть пришлось немного...
Чу, опять со всех сторон
И смятенье, и тревога.

Я без груза шел весной —
Дом стцовский недалеко,
Вдруг меня вернули в бой
В мусульманское Марокко.

Защищая короля
И отечество с любовью,
Алкогольные поля
Мы полили нашей кровью...

...Искалеченный домой
Я вернулся... Ради неба,
Братья, сжальтесь надо мной,
Умираю, дайте хлеба...

Этот текст является частью архива документов, относящихся к истории баскского движения и культуры. В документе присутствуют пометки, указывающие на конкретные страницы или разделы: «Этот текст», «Этот текст» и «Этот текст». В верхнем правом углу документа имеется стилизованный логотип, напоминающий ветвь дерева или растительный орнамент.

вестованием годичных документов французского исследователя баскской эмиграции в Америку, «королевские пиратства суверенов опустошили обширные плоскогорья Наварры, где часто баскские названия отмечают плодородные урочища, так как баски вынуждены были покинуть страну с вырубленными лесами, ограбленную и разгромленную этими блестящими бандитами».

Приводя эти слова, Н. Марр продолжает: «Автор этого резкого выпада Lhander, судя по фамилии, баск, по-видимому, не представлял, что эти «блестящие бандиты» средневековья делали дело, которое не прекращают и в XIX веке. В просвещенном веке, разумеется, истребление непосредственно плоти заменяется умерщвлением духа, искусственным искоренением речи... уже к концу XIX века испанское правительство заинтересовано уничтожить известные традиции басков, их привилегии, называемые *fueros*, и одно из средств, им применяемых, — война, объявленная баскской речи; кастильский становится обязательным даже для обучения катехизису»¹.

Еще в конце XIX и в первой четверти XX века половина населения страны басков была неграмотна (интересно, что, как показывает статистика, в других округах Испании по сравнению с баскскими провинциями неграмотных было гораздо больше). На каждые 600 жителей приходилась одна школа. Вместе с этим в Памплоне (Наварра) на каждые 300 человек населения приходилась одна епархиальная церковь, на каждые 348 человек приходская церковь и на каждые 2.143 человека — один монастырь.

В конце XIX века провинции Бискайя и Гипускоа стали крупными промышленными центрами. Здесь широко развернулась горнодобывающая и металлургическая промышленность. Появление крупной буржуазии способствовало возрождению национального движения. Была создана национальная партия басков, связанная с католической церковью. Значительная часть рабочих подпала под ее влияние. Большим влиянием в Бильбао и других городах пользовалась также испанская социалистическая рабочая партия.

В краю басков с новой силой зазвучал голос протеста. В 1906 году созывают национальный съезд басков, на котором был окончательно осужден карлизм, совершенно несовместимый с баскским национализмом. Принятая съездом программа носила явно реакционный характер: 1) Борьба за победу истинной католической церкви, которую «защищали предки басков», 2) Восстановление древних законов и обычаев, ограничение всех других языков, кроме баскского. По существу, однако, реакционные круги были совершенно равнодушными по отношению к национальным лозунгам и национальному языку. Именно в этих кругах день от дня крепла тенденция к испанизации. Под маской карлизма скрывался «традиционализм», теперь окончательно обнаживший свое лицо. Такое воодушевление главным образом чувствовалось в Наварре. В Бискайе же и других провинциях, наоборот, старались использовать национальное движение и его лозунги с тем, чтобы выключить у мадридского правительства привилегии и уступки. И в этой борьбе одной из ведущих сил было «проникнутое духом национального самосознания духовенство».

Период империалистической войны был поистине «золотым веком» для баскской буржуазии, которая укрепилась в Басконии давно, еще во второй половине XIX века. Богатые полезными ископаемыми земли Бискайи, судостроение и судоходство, развитие судоходного транспорта в порту Бильбао — все это послужило твердой основой для укрепления и процветания крупной буржуазии. Для нее уже перестала быть выгодной борьба за национальные интересы, главная ее задача теперь — ведение примиренческой политики по отношению к мадридскому правительству; она активно включается в процесс испанизации, избирает путь национальной деградации и начинает забывать родной язык.

С начала XX века на арену классовой борьбы выступает пролетариат; в Бискайю (в связи с развитием промышленности) из различных уголков Испании стекаются рабочие массы. В Басконии постепенно усиливалось забастовочное движение (1903, 1910 и др.). В 20-е годы возникают первые ячейки коммунистической партии. С 30-х годов рабочий класс Басконии сплотился и выступил единой силой в защиту своих интересов. В 1935 году был создан учредительный съезд Компартии Басконии, которая входит в состав Испанской компартии.

В 1936 году испанское законодательное собрание (кортесы) в торжественной обстановке провозгласило автономию басков. На созванном под традиционным дубом (в Гернике) собрании, на котором присутствовали 400 представителей басконских муниципалитетов, было избрано временное правительство.

Автономный район назвали «Страной басков». Баскский язык объявили официальным языком.

Со времени фашистского переворота (1936 г.) общественное движение басков резко разделилось на два лагеря: профашистов и сторонников народного

¹ «По этапам развития яфетической теории». Сборник статей Н. Я. Марра, М.-Л., 1926, с. 50.

фронта; к последним принадлежало большинство басков. Под руководством Компартии и других прогрессивных партий баский пролетариат объединился с крестьянством.

Правительство Басконии, которое состояло из промышленников, проявило бездеятельность и инертность. Ожидая помощи от мадридского правительства, оно стремилось избегнуть активизации народных масс. С начала 1937 года враги направились к Бильбао. Несмотря на сопротивление населения, в июле 1937 года город был сдан врагу. Фашисты объявили, что автономия Басконии отменяется. Запрещено было употребление баскского языка на общественных собраниях. Только в церкви проповедник мог выступать на баскском языке.

В баскских городах изменили названия улиц: вместо баскских наименований ввели испанские. На надгробных плитах также надписи на баскском языке были заменены испанскими. Вот до какой степени дошли преследования и притеснения, которым подвергся один из древнейших языков мира, самое главное свидетельство национальной самобытности басков, самое могущественное оружие баскской культуры!

Трудящиеся Басконии, вместе с рабочим классом всей Испании, не прекращают борьбу против фашизма. Широко развернулось забастовочное движение в промышленных районах: в стране басков, в Каталонии, в окрестностях Мадрида — в конце 1950 года, в 1951 году и в 1960 году...

С первых же дней фашистского путча в Испании Советский Союз заявил, что его симпатии полностью на стороне испанского народа и правительства Испанской республики. Наша страна приложила все усилия для того, чтобы облегчить борьбу испанских патриотов против тирании.

В нашей стране обрели надежный приют беженцы из Басконии: женщины и дети. Они спаслись от фашистского зверя и довольно быстро свыклись с новой обстановкой!

После смерти Франко баски снова потребовали предоставить им автономию. В Гернике собралось до двух тысяч басков (оппозиционная партия, представители профсоюзов и других организаций). На этом собрании было принято решение о созыве демократической ассамблеи басков. В принятом обращении было выдвинуто требование автономии для страны басков¹.

В настоящее время легализована Коммунистическая партия Испании. В этнографическом отношении Баскония представляет весьма разнообразную и пеструю картину; так как с одной стороны — горные условия, с другой — морское побережье, а также политическая обстановка, сложившаяся в условиях размещения на границе между двумя государствами, наложили свой отпечаток на национальную психологию басков и бытовые реалии их жизни.

Для характеристики основных профессиональных групп баскского населения достаточно сказать следующее: крестьяне занимаются скотоводством, земледелием и садоводством, животноводством, моряки — рыболовством, рабочие промышленных районов в большинстве — шахтеры.

В стране басков много плодовых садов, особенно прекрасны яблоневые сады.

Здесь не было бы неуместно вспомнить исключительно важные слова академика Н. И. Вавилова. Рассуждая о сортах пшеницы, известный советский ученый в своей книге «Пять континентов» пишет: «Во всех наших многочисленных путешествиях по шестидесяти странам нам ни разу не приходилось видеть такого способа уборки, и только впоследствии с подобным приемом мы встретились в горной Западной Грузии, в местечке Лечхуми, где недавно обнаружена замечательная эндемическая группа пшениц, в том числе особый вид, наиболее близкий генетически к настоящей полбе.

Таким образом, агрономически и ботанически удалось установить поразительную связь Северной Испании с Грузией. При этом самый объект и сама агротехника настолько специфичны и неповторимы, что вряд ли могут быть сомнения в глубоком значении этой связи.

Я вспоминаю, с каким волнением слушал академик Н. Я. Марр наш рассказ об этом. Для него этот факт был лучшим доказательством правильности теории, по которой народы Северной Испании по языку генетически связаны в одну общую семью... с современными кавказскими народами».

Баски строго соблюдают традиционные обычаи и обряды. В укладе их жизни сохранилось много архаических традиционных обрядовых элементов. Особенно богат баскский музыкальный фольклор. Специалисты считают

¹ На грузинском языке существует хорошая книга «Моя Баскония» (1972), автор которой Мартина Минтего Бильбао стала коренным жителем Грузии. В книге рассказано о новой встрече баскской женщины с давно покинутой родиной.

² Газ. «Правда», 30/XII—1975.

возможным провести определенную параллель между грузинскими и баскскими народными песнями; утверждают, что у басков и грузин в этой области немало общего. В жизни басков исключительно важную роль играют песни и пляски. В свое время Вольтер сказал: «Баски — народ, живущий или, точнее, танцующий у подножья Пиренейских гор».

Богата народная поэзия басков, изобилующая древнейшими фольклорными мотивами и художественными приемами.

Литература басков берет начало с XVI века. В 1545 году были созданы художественные произведения Бернанда Дечепарре, написанные в основном на духовную тему. На лабурдском диалекте баскского языка был осуществлен перевод Евангелия (выполненный Лисаррага приблизительно в 1600 г.). Баскские писатели XVIII века (прозаик де Ашулари, поэты Х. Этчеберри и Б. Гастелусари) создавали произведения преимущественно на духовные темы. В 1657 году А. Оизнарти (1592 — 1667), представитель светской литературы, печатает баскские пословицы и стихи. В XVIII веке был написан первый баскский роман на тему из сельской жизни. С середины XIX века в баскской литературе возникают условия для развития романтического направления. Стихотворение Х. М. Ипаррагирре (1820 — 1881) «Дуб Герники» (1851) стало гимном басков. Известны баскописцы: Аскуэ (1813—1873), Элисамбуру (1828 — 1891), сатирик Бискаррондо и другие (1831—1876). Были написаны прозаико-романтические образцы (Чао, Аракистаин и др.). С 80-х годов прошлого столетия в большом количестве издаются газеты, журналы и книги на баскском языке. Широко известность обрели произведения драматургов Сероа, Альсаги, Агирре и других.

После падения республики, в 1939 году, многие баскские писатели покинули родину.

Широкое признание получили патриотическая поэма «Баски» (1950), написанная Н. Д. Ормаэча (род. в 1888 г.), реалистические романы Х. А. Ирасуста, Х. Эчаиде и другие.

Можно считать уже установленным фактом, что в античную эпоху баскский язык был распространен на гораздо более широкой территории, чем в наши дни.

Еще Вильгельм Гумбольдт отмечал, что «баскские топонимы распространены по всему Пиренейскому полуострову». Такой ареал баскских географических названий может оказаться не совсем точным, но ясно, что баскские топонимы находят в Андалусе и в юго-восточной Испании. Некоторые из них упоминаются древними писателями, другие же были засвидетельствованы только в нашу, современную эпоху (Лафоном и другими исследователями).

Некоторые совпадения, конечно, могут оказаться случайными или же объясняться перемещением населения, вызванным вражескими нашествиями, но, например, «Илиберр» — название города в Ваэтике, включавшей в себя территорию современной Гранады, несомненно, баскского происхождения и может быть объяснено только исторически. Мы не знаем, каков был строй аквитанского и басконского языков: они известны только из документов (III в. до н. э. — III—IV вв. н. э.). Мы не знакомы с глаголом этих языков, знаем только имена существительные в именительном, дательном и родительном падежах или же с окончаниями латинских имен.

Фонологическая система аквитанского и басконского похожа на современную баскскую фонологическую систему. Специалисты полагают, что аквитанский и басконский, эти похожие друг на друга языки, — представляют собой раннюю форму баскского языка. Если учесть, что баскские топонимы обнаружены и на территории, расположенной к востоку от Аквитании и Басконии, в Сердане, Каталонии и на побережье Средиземного моря, то нельзя не согласиться с заключением Лафона о том, что две тысячи лет тому назад баскский язык был распространен от Атлантического океана до Средиземного моря, в Пиренейских горах и в долинных районах, а в некоторых местах достигал даже бассейна реки Роны.

Средневековый баскский язык сохранился только в архивных документах и известен лишь по отдельным словам. Во французских и испанских документах X—XII веков встречаются всего лишь до 50 баскских слов. Фрагменты письменных памятников встречаются с начала XV века. В XVI столетии был создан первый литературный памятник. Письменность басков основана на латинской графике.

В Испании на языковой границе между басками и испанцами (в восточной части Наметурского края) кое-где господствует двуязычие (население знает баскский и испанский языки). А во Франции такие переходные языковые зоны не засвидетельствованы. Иначе говоря, в Испании в определенном локале за-

метно, что баскский язык до некоторой степени «уступает свои позиции», тогда как во Франции границы баскского и французского сегодня почти такие же, какими были в средние века.

По словам Фита, баскский язык представляет собой дальний отголосок того агглютинативного (хотя и имеющего склонность к флексии) языка, на котором говорила первоначальная раса Испании, — вероятно, в каменном веке или же в эпоху, которая, во всяком случае, относится к периоду развития языков, предшествовавшему индоевропейской и семитической ветвям.

Баскский язык делится на восемь основных диалектов, а именно: бискайский, гипускоа, лабурдский, сульский, северный верхненаваррский, южный верхненаваррский, западный нижненаваррский и восточный нижненаваррский. Они объединяются в две главные группы. Эти группы, с одной стороны, западная или Бискайская (центр — Бильбао), а с другой стороны, центрально-восточная группа. Здесь объединяются остальные наречия и говоры, в том числе и существующие на территории Франции: лабурдский (центр — Байонна), нижненаваррский (центр — Сен Жан-Пье-де-Пор) и сульский (центр — Молеона).

Диалекты баскского языка довольно далеки друг от друга. Даже само название баскского языка различно в различных диалектах.

Основной диалект литературного языка — западный (бискайский), а именно — речь города Бильбао.

Баскский язык не похож на местные языки и, как было сказано выше, это единственный древний язык в Европе, имеющий неиндоевропейскую структуру. По народным представлениям, баскский язык — какой-то удивительный, непознаваемый феномен.

Эта обособленность баскского языка стала источником всевозможных мифов и сказок во всей Испании. Так, например, иезуит Дарамендт в своей сенсационной книге «Невозможное (очень трудное) преодолено» утверждает, что из баскского языка произошли все языки мира. Автор «доказывает», что каждая буква баскского алфавита содержит мистическую тайну. Аббат Даригуль же судит об известном совершенстве баскского языка. В северной Испании распространено мнение о том, что «сам черт жил в Басконии семь лет и не выучил ни одного баскского слова». Характерно толкование баскского языка в одном древнем испанском словаре: «Баскский язык — это нечто настолько древнее и неясное, что его невозможно понять». Ни больше, ни меньше!

«Единственный язык, уцелевший от доисторических времен, чудо, дарованное Испании неолитом, а может быть, и палеолитом... Что это за язык? Ничто в Европе не может перенести человека XX века, скажем, на 5 или 10 тысяч лет назад, вернуть ему ощущение реальности тех времен. Нам же в Испании достаточно для этого послушать только баскских крестьян, когда они импровизируют на своем языке на одном из их праздников. Давайте-ка закроем при этом на минуту глаза... Да ведь мы же слышим неолитических пастиухов! Мы слышим, может быть, тех, кто разрисвывал Альтамиру!» (Проф. Л. Перрико Гарсиа).

В старой русской энциклопедии отмечалось, что баскский язык — один из совершенно изолированных языков мира, не уместающийся ни в одну известную нам языковую семью (он и не индоевропейский, и не семитический, и не турецкого происхождения и т. д.). Такое же мнение высказано и в других книгах справочного характера.

В специальной литературе нередко встречаются рассуждения о том, что баскский язык — типичный представитель речи совершенно особой расы. Он не уместается ни в одну систему лингвистической классификации. И на сегодняшний день — это отдельно стоящая, безродная языковая единица, как пережиток вековой этнографии лингвистического профиля этнологических групп древних веков.

С другой стороны, генетические разыскания в области баскского языка заходят очень далеко. Нет в мире ни одного языкового типа, с которым не связывали бы этот язык исследователи. Судите сами: даже в Китае и в Африке пытались подыскать родственников этой сиротливо проживающей в Европе этнической единицы.

Окончание следует

ГРАНИ

ТАЛАНТА

У ДИВИТЕЛЬНА широта творческих интересов заслуженного художника Грузии Гулда Каладзе — он был и графиком, и живописцем, и декоратором-монументалистом, и конечно же, в первую очередь, скульптором. Но не только это привлекает внимание к его наследию. Пожалуй, мало кто из современных художников показал такую требовательность к себе, к своему труду. Это подвижничество во имя подлинного искусства и составляет притягательную силу его таланта.

Охотно и с большим вдохновением работал Гулда Каладзе в области книжной графики. Сколь разнообразны по своему решению его работы! Невольно думаешь, что их авторы — разные художники, однако стилевое единство, отличающее рисунки, высокий уровень мастерства и глубокая продуманность образов дает понять: нет, это работы одного мастера...

Миниатюры к грузинским сказкам («Сто сказок», 1971) погружают нас в стихию народного искусства. Манера их исполнения — мощный и точный язык монументалиста, рука которого, привыкшая гнуть железо и долбить камень, оказалась способной и на ювелирное изящество. Небольшое прямоугольное пространство бумаги с бесконечной изобретательностью заполнено сказочными образами. Каждый прямоугольник пространства решается как самостоятельная законченная композиция, объединяемая с другими стилевым и образным началом. Образы сказок гармонично вплетены в ткань декоративного обрамления композиции. Художник умело использует богатейшее наследие национального изобразительного искусства.

Не случайно пластичностью своего образного языка графические миниатюры напоминают изображения изделий древнегрузинских златокузнецов.

В последней своей работе над книгой «Грузинская народная поэзия» Гулда Каладзе с присущим ему талантом нашел очень верное образное раскрытие темы языком графики. Его рисунки выполнены в манере народных мастеров, оформлявших лучшие рукописные памятники древнегрузинской словесности. Художник не упростил композиции, не подделался в рисунке под народных умельцев. Он использовал богатую палитру ярких и чистых красок на серебряном или золотом фоне, и в рисунке и в цвете нашел точные стилевые акценты, приведя все элементы композиции к единому гармоничному целому.

В другом ключе решены иллюстрации к сказке «У бедной старушки». Автор стремился привести композицию к определенной пластической структуре и для этого, как всегда, искал новую технику исполнения, подходящую для данного произведения. Техника у Г. Каладзе всегда сложная, смешанная, часто требовала определенной и довольно трудоемкой технологии. В этом смысле как раз и показательны упомянутые нами иллюстрации, мастерски выполненные приемом просветленного контура на черном фоне. Плавные линии легко и изящно очерчивают контуры предметов, фигуры животных и птиц. Вместе с пятнами света и тени все это формируется в упругом ритме пространственно законченной композиции.

Мы не будем говорить о других графических работах Гулды Каладзе не потому, что они менее значительны. Просто это увело бы от главной цели — показать, каким многогранным дарованием обладал этот художник...

Живописные работы, которые Гулда Каладзе скромно называл «Впечатлениями от зарубежных поездок» (Чехословакия, Италия, Греция, Франция. 1959—1967 гг.), выполнены с огромной мерой ответственности, глубоко осмысленны. Они тщательно прорисованы, наполнены светом, цветом и воздухом. И хотя Гулда скромно считал, что живопись — не его дело, к такой работе его влекло сияние краски, эстетическая мощь цвета. Художник добивался именно сияния цвета в живописи — на бумаге, картоне, полотне. В его красках не было грязи, и сегодня это хочется подчеркнуть особо, так как многие живописцы, не владея секретом технологии сияющих, чистых тонов или сознательно пренебрегая ими, пишут грязновато-серыми, монохронно-анемичными красками, якобы делая это для придания произведениям большей смысловой выразительности.

У Гулды Каладзе-скульптора было такое глубокое понимание света, такое редкое умение использовать всю полноту его эстетической мощи, что невольно вспоминаешь счастливую пору расцвета искусства в эпоху Возрождения. Все творчество Гулды Каладзе и особенно скульптура очень точно определяют целенаправленность его художественных поисков. Творческие усилия художника были направлены на воссоздание образа человека и его эстетической сущности, человека не только как высшего проявления духовности, но и материальности. Он стремился постичь гармонию в человеке, в окружающем мире. Пластика человеческого тела — это тот безбрежный океан, из которого можно вечно черпать новые творческие ресурсы для воссоздания идеалов красоты. Скульптор хорошо понимал это и пользовался таким источником с присущей ему увлеченностью. Почти все скульптурное наследие художника — образы женщин. Можно с уверенностью сказать, что определяющим идеалом человеческой красоты для него был образ красоты женской.

О скульптуре Гулды Каладзе говорить одновременно и легко и трудно. Легко потому, что его скульптурные произведения споров не вызывают. Они признаны. Но именно поэтому говорить о них так трудно. Его работы выгля-

дят скромно, как бывает скромн и незаметен хороший, подлинно высокой культуры человек. Совершенство его скульптур надо уметь увидеть, разгадать! Созданные им образы, как правило, плавны, привлекают обаянием юности, открытостью, незащищенностью. В них есть огромный заряд эмоциональности, внутренней энергии.

В работах Г. Каладзе нет места творческой небрежности. Глубокая продуманность замысла всегда сочетается с тщательной проработанностью пластического объема. Силуэт его скульптур безупречен. Он всегда выразителен, эмоционален, эстетически приемлем. Скульптуры Г. Каладзе никогда не теряют своей эстетической значимости, с какой бы точки их ни рассматривали. Им свойственна выразительность детали и завершенная гармония целого.

В раскрытии образа женской пластической красоты Г. Каладзе находил бесконечные нюансы. «Фигура лежащей женщины» — настольная скульптура, декоративное назначение которой определяется четко и ясно замыслом художника. Формы сбалансированы, лицо не проработано, пластические объемы поданы в плавном ритме полнокровных форм.

В другом случае Гулда Каладзе для выявления пластического совершенства прибегает к сопоставлению движения форм. Так, выполненные в виде волн волосы контрастируют с плавным движением округлых форм тела. Этот композиционный прием позволил художнику полнее выявить образ, декоративно обогатить скульптуру. Таковы «Леда» и «Волны волос» (1971).

Редко кто из художников—современников Г. Каладзе—с такой глубиной и человечностью разрешал тему женской наготы. Раскрывая гармонию форм обнаженного женского тела, он находил верные и точные акценты эстетической значимости наготы. Вот — «Торс» (1967). Перед нами юная нагота. Формы едва обозначены. Фактура рельефная, дающая нечеткие контуры. Кажется, что фигура словно насыщена воздухом. Фигура полна обаяния.

Другой «Торс» (1963) тщательно проработан. Формы подчеркнута чувствованны. Это образ зрелой красоты. Скульптор находит такую образную структуру, благодаря которой вся прелесть форм обретает могучую силу возвышающего эстетического воздействия.

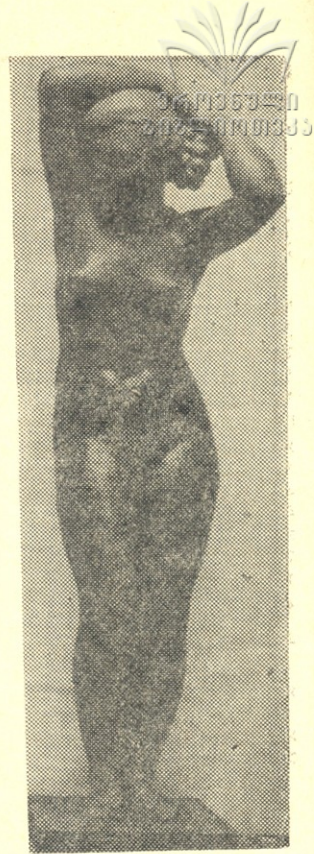
К этому же ряду произведений Г. Каладзе по мысли и образу примыкает «Весна» (1967) — одна из самых замечательных его работ, которую можно было бы назвать высшим проявлением творческого откровения автора.

Г. Каладзе обращался к образу женщины, занятой трудом, но никогда не решал эту тему как нечто иллюстрирующее процесс труда. Художник трактовал эту тему гораздо шире. Труд понимался им как движение, напряжение, экспрессия. Только в одной скульптуре мы видим женщину с корзиной на плече («Осень», 1962), в остальных же эта тема решается символически («Гроздь винограда», 1957, «Сбор винограда», 1959).

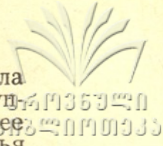
Особо хочется отметить «Обнаженную» (1965). Это небольшая по размеру фигурка. Сколько грации в этом образе!

В ряду скульптур, выражающих глубокую философскую мысль о вечном движении, первое место по праву занимает «Самый». Прекрасная по силуэту группа из трех фигур преподает нам классические каноны образной красоты, пластики, ритма. В ритмическом национальном танце, посвященном сбору урожая, Гулда находит еле заметные нюансы движения, которым подчиняет формы человеческого тела. У первой фигуры это — решительный шаг: левая нога послана вперед, на ней сосредоточен центр тяжести, голова смотрит вперед, руки заложены за голову. Средняя

фигура женщины, подчиняясь общему ритму плавного движения, сделала чуть заметный шаг левой ногой, правая чуть согнута и отставлена на полступени назад. Вся сила тяжести фигуры перенесена на левую ногу, отчего стан изящно изогнут. Правой рукой она женственно придерживает складки платья на голени, а в левой за головой впереди идущей держит гроздь винограда — символ плодородия. Лицо с непринужденной, еле намеченной улыбкой обращено чуть влево. Третья фигура по своей пластике подчинена тому же ритму танца. Сила тяжести перенесена на правую ногу, от этого весь строй выглядит как бы слегка нарушенным, усиливается ощущение волнообразного ритма. Голова фигуры резко повернута на зрителя, левая, изогнутая рука поднята и держит за головой второй фигуры тоже гроздь винограда, символ, объединяющий всю композицию. Ритмика движения танцующих поддерживается всем образно-пластическим строем фигур. Это ритм повторяющегося изгиба руки у второй и третьей фигур, ритм изящно изогнутого в танце стана. У каждой фигуры это движение глубоко индивидуализировано и в то же время подчинено общему. И, наконец, ритмика переступающих ног. Художник придал трепет жизни всей композиции, все обаяние женственности, совершенство пластической красоты человека.

Через год после окончания Тбилисской государственной Академии художеств (1960) Гулда Каладзе выполнил скульптуру «Рассвет» — образ юной обнаженной девушки. Трогательная в своем пробуждении, пластичная по форме, драматичная и экспрессивная по силуэту, она говорит нам не только о радости человеческого бытия, но и о его сложности. В этом замечательном произведении он предстает уже сформировавшимся мастером. И возможно, именно эта работа стала залогом того, что Гулда Каладзе способен решить в скульптуре сложные драматические и эпические темы. Созданные им впоследствии монументальные произведения — барельефы на гостинице «Иверия» и мемориал защитникам Марухского перевала являются ярким тому подтверждением.

Весь комплекс мемориала (архитектор Д. Давитая) выполнен в виде железобетонной, круглой в плане, невысокой башни, напоминающей долговременную огневую точку (ДОТ). Стены его покрыты барельефами, в аллегорической форме представляющими образы героических защитников перевала. Обнаженные фигуры мощных, мускулистых парней, защищая и поддерживая друг друга, противостоят враждебной силе. Боковые части барельефа представляют женщину — мать с ребенком.

Прекрасные по моделировке образы центральной группы объединены с боковыми однозначно проработанной драпировкой всех групп. В центральной группе скульптор воплотил образ грозной силы, решившей стоять до конца. И это ощущается во всем пластическом строе композиции: фоне, игре светотени на упругих выпуклостях напряженных мышц, на сурово сосредоточенных лицах, на драпировке. Если центральная группа воинов олицетворяет собой силу, герсизм, мужественную суровость, то боковые образы женщин-матерей и детей захватывают зрителя нежностью, детским обаянием, незащищенностью. Для всех частей барельефа скульптор находит верное стилевое и сюжетное единство, добивается замечательной пластической красоты образов.

Центральный Комитет Ленинского комсомола Грузии высоко оценил эту работу, присудив за нее Г. Каладзе и Д. Давитая премию комсомола Грузии.

В посмертной экспозиции работ Г. Каладзе было и то небольшое, над чем он только собирался работать: неосуществленные замыслы (проекты родников), показывающие новый интересный поворот творческой мысли автора. Он находился в пути и был далек от подведения итогов.

Творчество Гулды Каладзе — явление исключительное в советском многонациональном искусстве. Это мастер, у которого будут учиться.

ПРИБОЩЕНИЕ К ГРУЗИИ

КНИГА И. Богомолова «Грузия в поэзии Павла Антокольского» (изд. «Мерани», Тбилиси, 1976) — первая и единственная сегодня специальная работа, посвященная малоисследованным вопросам творчества П. Антокольского. Ее научная новизна и ценность прежде всего в том, что в книге предпринята плодотворная попытка исследования многогранных грузинских связей П. Антокольского, проявившихся в его поэзии, переводах, литературно-критических статьях, в личных контактах.

В славной плеяде больших русских советских писателей, неразрывно связавших свое творчество с Грузией, Павел Антокольский по праву занимает особое место. Вот уже несколько десятилетий старейшина действующего цеха литераторов без устали знакомит всесоюзного читателя с произведениями братских литератур. Наглядным примером признания огромных заслуг П. Антокольского в этом благородном деле может служить тот факт, что именно ему (совместно с М. Рыльским и М. Ауэзовым) было поручено прочесть на Втором съезде советских писателей доклад «Художественные переводы литератур народов СССР».

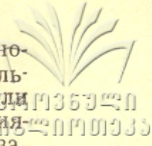
И хотя диапазон творческих интересов Павла Антокольского достаточно широк и по существу не знает географических и тематических ограничений, факты и материал, на которые опирается И. Богомолов, дают исследователю основание для вывода: произведения П. Антокольского на грузинскую тематику по своему характеру, творческим достижениям и удельному весу, несомненно, имеют самое серьезное значение.

В хронологической разновременности появления «грузинских» произведений

поэта и их тематической многосоставности ученый справедливо увидел одно из проявлений устойчивого интереса П. Антокольского к Грузии, к ее народу, культуре, литературе. С именем замечательного художника слова исследователь связывает важные и яркие страницы истории братского сотрудничества русского и грузинского народов. Приобщение большого русского поэта к нашей республике рассматривается как важная веха в его творческой биографии. Ведь именно этот период отмечен проникновением в произведение П. Антокольского новых идей, мотивов, образов, интенсивной его переводческой деятельностью, сближением с известными грузинскими писателями. Грузинские произведения поэта ученый исследует как органическую часть всего его литературного наследия. Это неизбежно повлекло за собой выход за пределы локальной тематики и обращение ко всему творчеству П. Антокольского в целом. Общая концепция его творчества, излагаемая автором книги, в главных моментах согласуется с устоявшейся в науке точкой зрения и сводится к тому, что решающий поворот в писательской судьбе поэта произошел в начале 30-х годов.

Приводимый материал позволяет наглядно показать, как громадные перемены в жизни страны, способствовавшие проявлению таких присущих социалистическому обществу закономерностей, как морально-политическое единство нашего общества, трудовой героизм, дружба народов, советский патриотизм, повлияли на творчество П. Антокольского и обусловили утверждение в нем метода социалистического реализма. Одно из частных, но далеко не последних по своему значению свидетельств «поэти-

ческого перехода» на «новые рельсы» исследователь видит в поездке поэта по нашей республике и в появлении серии произведений на грузинскую тему. Поэтому применительно к конкретной задаче исследование «грузинских» связей П. Антокольского как особой фазы творческой биографии поэта, характеризующейся появлением новых тем и тенденций, нельзя не признать плодотворным. Это проверяется и реализуется на многообразном материале. Ценной стороной исследования И. Богомолова является то, что тематическое вычленение «грузинской» серии произведений П. Антокольского и ее исследование ведется, так сказать, совмещенно со всем его творчеством в целом. Такой целенаправленный анализ позволяет уловить и рельефно выявить характерные особенности и идейно-художественное своеобразие творчества П. Антокольского.

Все историко-литературные факты, связанные с этой проблемой, — «Грузия в жизни и творчестве П. Антокольского» исследуются в последовательно хронологическом порядке, по мере того как возникают те или иные произведения поэта. Такой подход, позволивший воссоздать зарождение и развитие грузинской темы в творчестве П. Антокольского, сообщил рассматриваемому труду научную значимость.

Произведения П. Антокольского на грузинскую тему, явившиеся результатом широко практиковавшихся коллективных поездок писателей по союзным республикам, не могут быть поняты без учета атмосферы тех лет. Показательным с этой точки зрения оказывается интерес писателя к тем новым явлениям, которые стали характерными приметами советской действительности: к новостройкам, трудовому энтузиазму масс, новому отношению к труду, национальным кадрам рабочих и крестьян, литературе и культуре. Чтобы выявить динамику этого явления, И. Богомолов уделяет особое внимание поездке П. Антокольского по Грузии, его встречам с героями труда, деятелями литературы и искусства. Разнообразный материал, привлекаемый исследователем, позволяет говорить о том, как широко и глубоко захватил и отобразил П. Антокольский напряженные будни, трудовой героизм рабочих и крестьян, большие и малые приметы нового в жизни грузинского народа. Именно в это время П. Антокольский получает возможность ощутить себя участником грандиозного процесса преобразования. Подобное обстоятельство, считает автор книги, имело своим следствием принципиальный сдвиг «в сближении поэта с новой действительностью». Пересечение жизни и дел писателя с героическими буднями страны в творческом отношении оказалось на редкость удачным и существен-

нейшим образом отразилось на идейно-художественной системе П. Антокольского, чьи поездки по стране обогатили его ценнейшими наблюдениями, знаниями, жизненным материалом, оставив заметный след в творчестве.

Размышляя о побудительных причинах и внутренней логике творческой эволюции П. Антокольского, И. Богомолов подчеркивает единство поэта с процессами, имевшими место в социалистическом строительстве и идеологической жизни страны. Причем — и это главное — писатель не мог не видеть того, что объединяющим и вдохновляющим началом являлась великая цель — строительство коммунизма. Совокупность этих причин явилась могучим импульсом, вдохновляющим поэта на создание произведений, художественная значимость которых для автора биографии очевидна.

Тему дружбы народов, разрабатываемую П. Антокольским, считает И. Богомолов, нельзя рассматривать как одну из очередных тем творчества поэта. Воспринимая ее «как воздух и хлеб нашего исторического бытия», П. Антокольский делает ее главной темой своего творчества. Вся многогранная и многолетняя деятельность поэта является убедительным свидетельством справедливости этого утверждения. Чтобы по достоинству оценить его вклад в это благородное дело, следует учесть, что «многие лучшие произведения поэта вдохновлены возвышенным чувством дружбы народов».

Произведения П. Антокольского, в основу которых легли грузинские впечатления, в жанровом отношении подразделяются исследователем на три группы. К первой он относит стихотворения, ко второй — литературно-критические статьи, к третьей — переводы. Но по значению и объему стихотворный жанр занимает ведущее место. В центре внимания исследователя «Ночь в селении Казбек», «Сказка Кавказа», «Тбилисская ночь», «Говорит предание» и другие произведения поэта, которые имеют важное значение для понимания хода его творческого развития. Отличительная черта указанных стихотворений видится в том, что они пронизаны ощущением грандиозных перемен, происходивших в Грузии. Размах социалистического строительства, коренным образом изменявший жизнь народа и окружающей его ландшафт, связанные с этим глубочайшие психологические процессы — все это становится объектом острого и пристального внимания П. Антокольского. Поэтому не удивительно, что тема труда и образы строителей нового мира в стихотворениях поэта выдвигаются на передний план. Соприкосновение с трудовыми буднями

ми и общение с рабочими и колхозниками позволило П. Антокольскому увидеть множество конкретных фактов трудового героизма масс и понять, насколько они характерны для социалистического общества. Это давало возможность поэту художественно обобщать превосходный материал.

Обращаясь к «грузинским» стихотворениям П. Антокольского, И. Богомолов устанавливает характерную особенность общественной позиции поэта: безмерно любя Грузию и ее народ, вдохновенно и правдиво описывая нерестройку жизни в нашей республике, писатель ни на минуту не теряет в перспективе «всю страну», и его раздумья о Грузии сливаются с раздумьями о судьбе других народов СССР. Автор книги считает, что «грузинская тема» гармонически срастается с другими стержневыми темами творчества П. Антокольского, образуя нерасторжимое целое. Он счел необходимым подчеркнуть, что многогранный облик Грузии воссоздается с этнографической точностью благодаря сознательному следованию той благословенной традиции, истоки которой восходят к «пушкинской манере объективности и правдивости изображаемых событий».

Исследователю удалось проникнуть в творческую лабораторию П. Антокольского и убедительно показать, как жизненный материал в сознании большого поэта претворился в яркие краски и глубокие мысли художественных произведений.

Понятно, что эволюция тем, мыслей и образов не может быть полнокровно прослежена без уяснения обстоятельств, сопутствующих возникновению тех или иных произведений. Поэтому И. Богомолов воссоздает творческую историю большинства «грузинских» стихотворений П. Антокольского. Эта тенденция представляется в высшей степени плодотворной, приносит значительные результаты и может рассматриваться в ряду достоинств книги как одна из главных.

Очевидную заслугу поэта автор видит не только в умении мастерским использованием деталей запечатлеть этнические особенности грузинского народа и его колоритного быта. Не менее важно другое: поэт насыщает произведения такими конкретно-историческими реалиями, благодаря которым без труда можно определить время и место действия.

Глубоко поучительными представляются размышления исследователя о специфических особенностях творческой работы П. Антокольского. Как показано в книге, художественное переосмысление жизненных наблюдений происходи-

ло не всегда одинаково, протяженность временных границ, отделяющих восприятие факта от его поэтической трансформации, в каждом конкретном случае иная.

И хотя в читательском сознании П. Антокольский предстает в первую очередь как крупный поэт, в книге не обойдены молчанием и другие формы его творческой деятельности, имеющие свои координаты с поэзией и нашедшие свое выражение в переводах и литературно-критических статьях. Все переводы, литературно-критические статьи, воспоминания, сохраняя стабильность жанровых обозначений, будучи органически связаны с оригинальной поэзией и впрямую продолжая ее¹, в равной мере важны для единого и целостного восприятия художественного мира П. Антокольского.

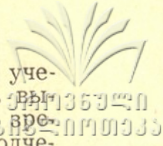
Ставя перед собой задачу рассмотрения его творчества в полном объеме, И. Богомолов анализирует переводы произведений Ш. Руставели, Д. Гурамишвили, А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, А. Церетели, советских поэтов и с полным правом относит поэта к «основоположникам советской переводческой школы». Последовательное исследование ряда переводов П. Антокольского позволило автору книги выделить в качестве главных компонентов, обеспечивших творческие достижения переводчика, верность оригиналу, точность, незаурядную стихотворную технику.

Проникновение грузинской тематики в творчество П. Антокольского не менее ошутимо наблюдается в литературно-критических работах, в которых охватывается довольно широкий круг вопросов, связанных с классической и современной грузинской литературой. Наряду с поразительной осведомленностью поэт проявляет здесь высокую исследовательскую культуру. Указывая на ярко выраженный интерес П. Антокольского к творчеству Ш. Руставели, Т. Табидзе, С. Чиковани, К. Каладзе, исследователь на базе тонкого анализа определяет, что очерки об этих писателях не просто статьи, написанные по случаю. По богатству привлекаемого материала, методу и принципам анализа они могут быть причислены к исследованиям высокого класса.

Книгу Игоря Богомолова отличает многогранность литературоведческого анализа, доказательность положений, ясность и точность формулировок. И хотя в целом намерение автора исследовать грузинские связи П. Антокольского оказалось реализованным, у нас имеются отдельные замечания. Содержа-

¹ П. Антокольский. Собр. соч. в четырех томах, т. I, М., 1971, с. 6.

ние книги значительно шире названия: правильнее и точнее было бы назвать ее «Грузия в жизни и творчестве П. Антокольского». Очень мало, порою бегло говорится о личных встречах и дружеских связях поэта с грузинскими писателями. И еще одно замечание: досадно,

что, ограниченный объемом книги, ученый не смог целиком использовать годного с исследовательской точки зрения материала, связанного с переводческой деятельностью Павла Антокольского.

Нодар ПОРАКИШВИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСТРЕЧИ

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ третья переведенная на русский язык книга стихов абхазского поэта Константина Ломиа. Три книги—три встречи — три беседы. Этого вполне достаточно, чтобы у читателя могли сложиться собственные суждения о творчестве художника слова.

Константин Ломиа относится к старшему поколению абхазских писателей, и те литераторы, с которыми он начинал свою творческую деятельность и бок о бок трудится сейчас, составляют костяк сегодняшней абхазской литературы. Все они — люди большого творческого опыта, подлинники наставники молодых талантливых литераторов республики.

В поэзии Константина Ломиа нет фейерверка изысканных слов, словосочетаний или ослепительных рифм. Это чуждо ему. Экзотичные сюжеты и темы также отсутствуют. Ошеломляющих образов — не встречается. С чем же поэт предстает перед читателем? Мирвосприятие его настолько необычно, а реакция на малейшие проявления жизни так чутка, что узнать его голос в поэтическом оркестре не составляет труда. Его жанровый и стилиевой диапазон — от четверостишия до поэмы, от любовной лирики до злободневных гражданственных стихов.

В сборнике, как бы отдельным разделом, помещены четверостишия. В этом одном из трудных жанров поэзии К. Ломиа наиболее отчетливо выражает свои убеждения художника:

Когда под силу, то перешагни
Ты гору или дол в пределах века,
Но в этом мире через человека
Переступить — судьба тебя храни.

(Перевод Я. Козловского)

Четверостишия — это, в основном, жанр назидания и нравоучения, и здесь очень важно не «перегнуть палку». В противном случае мораль иногда обо-

рачивается назойливым морализированием.

Константин Ломиа — поэт глубоко осознанной гражданственности и неподдельного патриотизма. Душевная искренность порождает художественную правдивость его стихотворений. Поэт творит согласно своим понятиям эстетической совершенности и в то же время творит себя как личность, смотрит на себя с высоты своего жизненного идеала. Он умело пользуется иронией. С легкой улыбкой поэт говорит о том, как в самой, казалось бы, неподходящей обстановке подчас неожиданно-негаданно рука поэта тянется к перу, перо — к бумаге:

Стихотворенье родилось
Не где-нибудь,
А в самолете.
Не вовремя, но вы поймете,
Что роды принимать пришлось.

Бывает и наоборот: порою даже дендропарк или ботанический сад не вдохновляют художника, хотя природа здесь представлена во всей своей красе и разнообразии.

Ты бродишь по горам.
Ты пьешь настой
Альпийских трав.
Тебя пьянят просторы,
Но если ты измучен красотой,
Ты скажешь: «Хватит!» —
и покинешь горы.

(Перевод Р. Казаковой)

Творческие успехи поэта — следствие его дарования. Однако немало усилий, таланта, проницательности приложено и со стороны переводчика, без которого ни единый звук иноязычной литературы не дошел бы до слуха и души русского читателя. Поэт и переводчик — два родителя, которым переводные произведения обязаны своим существова-

нием. В данном случае—это абхазский поэт Константин Ломиа и его русские собратья по перу — поэты Яков Козловский, Римма Казакова, Станислав Куняев...

Книжка поэта — «Дочь Солнца», выпущенная издательством «Детская литература», это уже четвертая встреча Константина Ломиа с русским читателем, на этот раз с подростком. В сборник включены три поэмы, написанные для юношества, — «Дочь Солнца», «Ветер-забияка» и «Трудное путешествие».

«Дочь Солнца» — романтический сказ с оглядкой на современность, о том, как народ по вине своего же владыки лишился Солнца. Владыка впоследствии погиб, но Солнце никак не возвращалось. Хотя в людях кипело возмущение, но «гнев народный не прорвал плотину рабского терпенья». Тогда появляется бесстрашный юноша,

который решается пуститься в трудный путь на поиски исчезнувшего света. Ему помогал легендарный крылатый конь абхазских сказаний — Араш, который «копытом бил по синим звездам и тучи разгонял хвостом».

Много преград преодолел юный витязь, пока достиг небесных владений Солнца. За доблесть он был одарен священным кувшином с живительными лучами и самой дочерью Солнца — олицетворением Абхазии...

Увлекательны и две другие поэмы. Незамысловатый язык перевода (книжку перевел Ю. Полухин) облегчает восприятие текста особенно на слух. Несомненно, юные читатели получили книжку, которую они прочтут с пользой и с удовольствием.

Денис ЧАЧХАЛИА

● Очерк

ром которой, на мой взгляд, стал разгром, учиненный юной грузинкой чемпионке Югославии Власте Калхбренер на традиционном матче шахматистов СССР и Югославии в Тбилиси. Наши соперники «по ошибке» привезли в Грузию взрослую шахматистку, чемпионку своей страны. И вот 12-летняя Майя, игравшая на своей «девчоночьей» доске, каждый вечер методично побеждала опытного мастера, закончив микроматч с запоминающимся счетом — 4:0!

Этот матч друзей-соперников, по единому признанию, и открыл шахматному миру Майю Чибурданидзе. Такое мнение высказали, в частности, экс-чемпион мира Тигран Петросян и опытные турнирные дуэлянты, югославские гроссмейстеры Светозар Глигорич и Борислав Ивков. Ивков, восхищенный победой Майи, назвал ее... «женским Фишером».

Юная шахматистка признается, что так, «как ей нравится», в шахматы играют только мастера-мужчины и еще — Нона Гаприндашвили. Мечта Майи — стать им равной. Действительно, успехи М. Чибурданидзе органично вытекают из блестящего примера, который явила пятикратная чемпионка мира Нона Гаприндашвили. Обаяние личности нашей пррславленной чемпионки, так много сделавшей для поднятия авторитета женских шахмат и на протяжении многих лет практически на равных играющей в сильных по составу мужских турнирах, исключительно велико.

Нона Гаприндашвили — давний кумир Майи. Однако шахматы — удел не слабых духом, а спорт есть спорт. Он немислим без борьбы, без стремления к победе, без стремления к побитию старых и установлению новых рекордов, и все это — при глубоком уважении, порой и преклонении перед предшествовавшими чемпионами. И вероят-

Ранний восход

КОГДА мысленно пробегаешь пока еще такой короткий «послужной список» Майи Чибурданидзе, невольно думаешь о том, сколь многого она смогла добиться. Достигнутое уже сейчас свидетельствует, что ей по силам самые головокружительные высоты...

Совсем недавно я побывал в Югославии, приняв участие в большом международном турнире. И буквально каждый день меня просили: напишите статью о Майе, пришлите ее партии. А ведь женские шахматы не очень-то популярны во Второй Шахматной Державе Планеты. Как, впрочем, и в других зарубежных странах.

Что же вызвало такие просьбы хозяев соревнования? — Быстро растущая популярность Майи Чибурданидзе в спортивном мире, неплохим стимулято-

но, 14-летняя Майя Чибурданидзе, бывшая в числе увенчавших победительницу знаменитого матча Гаприндашвили — Александрия лавровым венком, с обожанием взирая на чемпионку мира Нону Гаприндашвили, мечтала со временем и сама примерить шахматную корону.

Нона Гаприндашвили со свойственным ей чувством предельной ответственности за каждый свой шаг, за каждый свой ход не может не задумываться о том, кому же ей передать в будущем свою победную эстафету, эту тяжелую и ответственную ношу.

Чемпионам всегда труднее. Если послушать болельщиков, то чемпион обязан выигрывать все турниры, в которых участвует, громить соперника во всех сыгранных партиях.

В этой связи стоит привести слова шахматной королевы: «Я полностью отдаю себе отчет в том, что с каждым годом, с каждым новым турниром и матчем все труднее будет сохранять тот образ чемпионки мира, который я создала в своем воображении и которому стараюсь соответствовать. Таков закон природы, закон спорта. Но какие бы испытания ни ждали меня в будущем на тернистом спортивном пути, в одном я убеждена твердо: никогда я не унижу свое чемпионское достоинство, никогда не вступлю в противоречие с моими понятиями о справедливости, скромности, чести, никогда не нарушу тех правил игры, борьбы, состязания, в которые на всю жизнь поверила в детстве маленькая девочка из Зугдиди». Спортивный подвиг Ноны — яркий пример, который имеют перед собой и в жизни, и на шахматном поприще Майя и ее сверстницы. Стараниями пятикратной чемпионки мира, первого гроссмейстера СССР среди женщин, за Грузией прочно утвердилось репутация «шахматной республики».

Перед представительницами «новой волны» наших шахмат и прежде всего перед Майей Чибурданидзе стоит сложнейшая задача: чтобы превзойти своих соперниц, надо усвоить богатейшее наследие прошлого и быть в курсе новейших достижений. Не секрет, что Майя преуспела на этом пути. Ей раньше других в стране вручили диплом кандидата в мастера, а потом и мастера спорта. Она — самый молодой международный мастер в мире.

Часто вспоминается мне эпизод, происшедший шесть лет назад в старом, но таком уютном шахматном клубе на проспекте Руставели. Я уже собирался уйти из клуба, когда ко мне подошел мой старый приятель, кутаисский педагог по шахматам Георгий Кантария и

попросил посмотреть одну из моих воспитанниц. Даже сейчас, ~~через столько лет~~ я не могу без улыбки вспоминать свою первую встречу с Майей за шахматной доской: девочка лет девяти, насколько не тушуясь перед международным гроссмейстером, уверенно разыгрывала закрытый вариант сицилианской защиты. Помню удивительную изобретательность, с какой она после потери пешки в середине партии пыталась подержать боевой дух своего редущего войска. Мы сыграли еще одну партию...

Первое знакомство говорило о большой шахматной одаренности Майи, о всепоглощающей любви ее к этой древней и мудрой игре. Об этом мне говорил и наставник Майи. Уже тогда мы согласились, что такой алмаз нуждается в шлифовке. Мог ли я в тот вечер предположить, что через несколько лет мы с Майей будем готовиться к матчам, которые открывают дорогу на шахматный Олимп?..

...Майя — четвертый ребенок в семье кутаисского агронома Григория Феофановича Чибурданидзе и педагога Нелли Павловны Хурцидзе. Как и многие шахматисты, она последовательно постигала премудрости игры сначала в семье, где первые шахматные уроки преподавал ей старший брат Реваз, студент ГПИ, затем в кутаисском Дворце пионеров, где восьмилетнюю Майю начал обучать заслуженный тренер республики Давид Чирадзе. Далее шахматным образованием девочки занялся другой опытный наставник — Георгий Кантария.

Очень скоро о перворазряднице из Кутаиси узнали за пределами родного города.

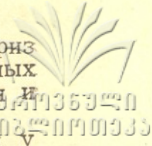
В 1972 году Майя с матерью переезжает в Тбилиси и становится ученицей первой средней школы столицы республики, воспитавшей многих выдающихся деятелей грузинской культуры.

Третье место в женском первенстве ЦС «Динамо» вскоре принесло девочке звание кандидата в мастера.

Специалисты отмечают в игре Майи почерк чемпионки. Все партии она старается играть на выигрыш. По собственному ее признанию, она «никого не боится»... Не изменила Майя Чибурданидзе своему стилю даже во встречах с сильнейшей шахматисткой мира. Три года назад шахматный клуб грузинского телевидения «Саморинэ» организовал сеанс одновременной игры Ноны Гаприндашвили с восемью девочками-шахматистками. Майя единственная добилась почетной победы.

Вторая их встреча произошла в финале 33-го чемпионата страны. Майя с большим подъемом вела партию, отложила ее в лучшей для себя позиции.

Гаприндашвили не отказалась бы от ничьей, но ее соперница помышляла только о победе и смело устремилась в атаку. Правда, вместо почетной ничьей встреча кончилась поражением, но Майя продемонстрировала в ней жажду боя, бескомпромиссность при решении сложнейших проблем, упорство и стойкость, а это — залог дальнейших побед.

Уже с первых шагов во всесоюзных соревнованиях Майя не искала проторенных стезек-дорожек. Участвуя во Всесоюзной спартакиаде школьников в Киеве в 1972 году, она набрала семь очков в девяти партиях. Обращал на себя внимание характер этих побед. В одной из киевских партий 11-летней Майя могла взять две фигуры за ладью. Но она предпочла пожертвовать качеством во имя продолжения атаки и победоносно завершила штурм позиции неприятельского короля. Решающими оказались ее природная фантазия и зоркое комбинационное зрение.

Не секрет, что многие любители шахмат ожидают от Майи только атаки на неприятельского короля, только побед в турнирах, независимо от состава участников. К сожалению, такого мнения придерживались не только любители... Мне становится не по себе, когда я вспоминаю бурные события 1972 года, в течение которого Чибурданидзе приняла участие в 12(!) различных соревнованиях! Надо ли говорить, какой вред может принести такое форсирование спортивных результатов.

Сложной и благородной проблемой представляется мне гармоничное умственное и физическое развитие талантливых юных шахматистов. И решение ее зависит от родителей, врачей и тренеров. Майя понимает, что для достижения успехов шахматисту мало овладеть теоретическими знаниями. Без основательной физической подготовки тут не обойтись. Вот почему Майю можно увидеть играющей в настольный теннис (в этом плане их вкусы с чемпионкой мира совпадают), с увлечением занимается плаванием. Эта жизнерадостная девочка любит музыку, книги. На ее книжных полках сборники партий Пауля Кереса, Давида Бронштейна, этюды Генриха Каспаряна и ГиИ Надарейшвили соседствуют со сказками народов мира и романами Жюль Верна. Майя умеет дорожить друзьями. Из всех видов спорта она особо выделяет регби, считая, что в нем, как нигде, все решают дружба и спаянность коллектива.

Говорят, аппетит приходит во время еды. 12-летняя Майя выиграла Кубки Тбилиси и Грузии среди женщин, а потом вступила в борьбу и за Кубок СССР. В отборочных соревнованиях

64 участниц борьбы за заветный приз она сумела победить таких опытных мастеров, как Игнатьева, Островская и Зворыкина.

В финале Кубка СССР на пути у Чибурданидзе стояла ее тезка, экс-чемпионка страны международный мастер Раннику, которая и стала обладательницей Кубка. А Майя Чибурданидзе тогда удостоилась серебряной медали и звания мастера спорта. Это звание присуждается шахматистам не моложе 14 лет, но для Чибурданидзе было сделано исключение: слишком убедительными были ее успехи. На пути к этому спортивному и творческому достижению Майя сыграла в нескольких других сильных по составу турнирах.

Дебют тбилисской школьницы на международном турнире в Брешове (Румыния) иначе как триумфальным не назовешь. Впервые выступая за рубежом, она выиграла первые четыре партии, затем позволила себе сделать ничью с Аннет Михел (ГДР), чтобы вновь выдать серию из четырех побед. Такой резвый график бега оказался не под силу остальным 12 участницам (среди них были шесть международных мастеров), и Майя закончила соревнования в гордом одиночестве, за три тура до финиша обеспечив себе первое место. Успех был достигнут прежде всего преимуществом Майи над соперницами в оценке позиций и общем понимании шахмат.

Показательная в этом отношении партия с Михел, которая была настроена далеко не миролюбиво. Партия была отложена в позиции, где Чибурданидзе имела одну проходную пешку, а ее соперница — три. По всем прогнозам, советская шахматистка должна была потерпеть поражение. Но сама она считала иначе. При доигрывании Майя продемонстрировала четкий план защиты и, пожертвовав слона за пешку, перешла в теоретически ничейный эндшпиль «слон и ладья против ладьи». Партия вышла в ничейную гавань на 95-м ходу!

Так в Карпатах Майя на своем опыте убедилась в справедливости слов экс-чемпиона мира Михаила Таля: «Каждый шахматист — кузнец своего турнирного счастья». По результатам турнира в Брешове 13-летней девочке присвоили звание международного мастера. Ветеран югославских шахмат гроссмейстер Глигорич отмечал, что подобных успехов в столь раннем возрасте не имели ни одна шахматистка, ни один шахматист мира! Майя уже в четвертый раз сыграла в финале женского чемпионата СССР. Факт, не имеющий прецедента даже для шахматисток Грузии! Поистине ранний восход...

Чтобы попасть в число сильнейших шахматисток страны, Майе пришлось

трижды побеждать в полуфинальных соревнованиях, а в 1974 году в Тирасполе она была второй, вслед за своей землячкой Тамарой Хугашвили.

К последним соревнованиям Майя готовится под моим руководством. Работать с ней очень интересно. Я очень благодарен прежним тренерам Чибурданидзе — и коллегам из Кутаиси, и чемпиону Грузии мастеру Юрию Чиковани, и заслуженному тренеру СССР Михаилу Васильевичу Шишову, которые приучали Майю думать самостоятельно, а не копировать чужую игру.

Чтобы сделать свой стиль более энергичным, Майя по примеру Ноны Гаприндашвили начала играть в мужских турнирах. Она выиграла первенство тбилисского Дворца шахмат, а потом завоевала Кубок Тбилиси среди мужчин. Среди поверженных ею в финале оказались мастера Александр Бокучава и Тамаз Ломая.

Летом прошлого года чемпионка СССР среди девушек Майя Чибурданидзе немало помогла команде Грузии стать третьим призером на Всесоюзной спартакиаде школьников во Львове, добыв пять побед и четыре ничьих в соревнованиях с сильнейшими юношами — кандидатами в мастера.

И вот сбылись самые смелые прогнозы любителей шахмат Грузии: 15-летняя школьница вошла в число девяти сильнейших шахматисток мира и, теперь уже в звании международного гроссмейстера, которое ей будет присвоено на ближайшем конгрессе ФИДЕ, является одной из соискательниц шахматной короны. Такое право она завоевала после успешного выступления на межзональном турнире в Тбилиси в конце олимпийского и в общем-то счастливого для Майи 1976 года.

Старт этого турнира со ~~спринтерской~~ дистанцией сложился неудачно для тбилисской школьницы. Однако после досадного поражения в первом туре в партии с фавориткой турнира Мартой Литинской Майя Чибурданидзе не пала духом и бросилась в погоню за лидерами. В итоге она разделила второе-третье места в соревновании, и заветная путевка в круг избранных была завоевана.

Межзональному турниру предшествовала генеральная репетиция Майи в очень сильном по составу чемпионате страны. Многие участницы обоих межзональных турниров под различными благовидными предлогами уклонились от предстоящей борьбы, сохраняя силы и нервную энергию для главного турнира — трехлетнего цикла розыгрыша первенства мира. И пятикратная чемпионка мира Нона Гаприндашвили не скрывала своего удивления, увидев Майю Чибурданидзе среди соискательниц наград всесоюзного чемпионата. Но как бы могла Майя отказаться от участия в турнире, который проходил в ее родном городе?! Ей не терпелось поскорее обжить сцену тбилисского Дворца шахмат, где ее ждало самое главное пока соревнование в ее боевом списке.

Результаты жеребьевки матчей претенденток, состоявшейся в Голландии, штаб-квартире ФИДЕ, известны. В апреле — мае в четвертьфинальном матче она «скрестила оружие» со второй шахматисткой мира Наной Александрия. И выиграла матч! Признаюсь откровенно: я уверен, что именно в четвертьфинальном поединке Александрия—Чибурданидзе и оказалась выявленной будущая соперница их выдающейся землячки в матче на первенство мира 1978 года. Как говорится, поживем — увидим...

Фото Н. МГЕБРОВА.

В центре внимания — творческая молодежь

● **СОСТОЯЛСЯ** пленум Союза писателей Грузии, посвященный работе с творческой молодежью. Подробный анализ творчества молодых писателей (докладчики Г. Асатиани, Г. Гвердцители, Г. Хушавили, А. Сулакаури, З. Абзианидзе, О. Нодия) показал, как много нового принесли они в грузинскую литературу 70-х годов, подтвердил,

что лишь тесная связь их творческих исканий с национальными традициями способна привести к высоким результатам.

Особое внимание докладчики и выступившие в прениях Г. Абашидзе, Д. Чарквиани, Л. Авалиани и Г. Цицишвили уделили укреплению связей молодых литераторов с жизнью, их идейному росту.

На пленуме речь шла не только об уже известных молодых авторах, но и о тех живущих в Абхазии, Аджарии, Кутаиси и других местах республики начинающих литераторах, чьи имена еще мало известны или вовсе неизвестны.

Большой и серьезный разговор о творчестве молодых писателей помог подвести определенные итоги и наметить перспективы на будущее.

Совещаются переводчики страны

● **ПРОХОДИВШЕЕ** в Доме творчества в Гулрипи выездное заседание Совета по художественному переводу Союза писателей СССР было посвящено 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

«Переводческая деятельность на языках братских республик: достижения, проблемы, задачи» — тема заседания, проведенного в ходе этой встречи. В его работе приняли участие ведущие советские переводчики, теоретики пере-

вода из Москвы и всех союзных республик.

Открыл заседание секретарь правления СП СССР, председатель Совета по художественному переводу Г. Абашидзе.

О достижениях переводческого дела в нашей стране, о большом прогрессе в этом важном литературном и общественно-политическом процессе говорили И. Тарба (Сухуми), Л. Каск (Таллин), Д. Есян (Ереван), ответственный секретарь Совета по художественному переводу СП РСФСР В. Синецын

и другие. Своим переводческим опытом поделились Е. Евтушенко (Москва), Н. Чхеидзе (Тбилиси), Д. Белоус (Киев).

В работе заседания участвовали Председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР Б. В. Шинкуба, Председатель Совета Министров Абхазии А. П. Сакварелидзе, первый заместитель Председателя Совета Министров Абхазской АССР Л. В. Маршания, заведующий сектором отдела культуры ЦК КП Грузии Р. С. Миминошвили.

Беседы за «круглым столом»

● **ВСТРЕТИВШИЕСЯ** в Тбилиси за «круглым столом» грузинские и абхазские писатели обсуждали проблемы перевода грузинской литературы на абхазский язык. А вскоре уже в Сухуми делегация гру-

зинских писателей и переводчиков беседовала по тем же вопросам с абхазскими коллегами.

В своих выступлениях литераторы и переводчики анализировали дея-

тельность некоторых переводчиков.

Особо был отмечен вклад народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы в развитии художественного перевода.

На заседании выступил секретарь правления Со-

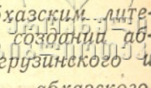

юза писателей Грузии Г. Жоржолани.

Председатель Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей

Грузии Отар Нодия отметил высокий профессиональный уровень состоявшегося обмена мнениями, важность обсуждаемой проблемы.

В заключение он сообщил о решении оказать

помощь абхазским литераторам в создании абхазско-грузинского и грузинско-абхазского словарей, в популяризации произведений абхазской литературы.

Второй Международный...

● За последние годы неуклонно растет интерес к памятникам культуры Грузии за рубежом. Об этом свидетельствует тот факт, что несколько лет назад в старинном итальянском городе Бергамо прошел I Международный симпозиум, посвященный грузинскому искусству.

В Тбилиси завершил свою работу II Международный симпозиум по грузинскому искусству. В его работе приняли участие искусствоведы и специалисты из Венгрии, ГДР, Польши, ФРГ, Англии, Италии, США, Франции, Греции, а также ученые из братских республик страны. В шести секциях: культу-

ра и искусство дохристианского времени, архитектура средневековья, средневековая живопись и скульптура, малые и прикладные искусства, новое и советское грузинское искусство, вопросы охраны и реставрации памятников культуры—обсуждались актуальные вопросы истории грузинского искусства, проблемы современного искусства Грузии и др.

Участники симпозиума осмотрели Государственный музей искусства Грузии, Государственный музей Грузии имени С. Джанашиа, ознакомились с древней столицей Грузии—Мцхета, памятниками старинных—храмами Светицо-

вели, Джвари, Самтавро, Дзвели-Шуамта, кафедральным собором Алаверди, побывали в Большом концертном зале Государственной филармонии на концерте грузинской народной музыки.

За семь дней работы симпозиума было прочитано около 140 докладов и интересных сообщений о древней самобытной культуре грузинского народа, о путях ее развития и взаимосвязях с культурой других народов.

Официальное закрытие II Международного симпозиума по грузинскому искусству происходило в древнем храме Гелати.

Пушкинские дни в Тбилиси

● В Тбилиси завершила свою работу Всесоюзная конференция, посвященная традиционному празднику — Пушкинским дням. Гостями столицы Грузии были видные советские пушкиноведы Ф. Прийма, С. Гейченко, М. Петай, В. Зайцева, Н. Нечаева и другие. В конференции приняли участие также и грузинские исследователи творчества великого русского поэта.

Тематика докладов, представленных на конференции, — многогранна: «Пушкин и братские народы нашей Родины», «Пушкин и Грузия», «Пушкин и Закавказье», «Итоги и задачи изучения Пушкина в Грузии», «О деятельности пушкинской комиссии АН СССР» и т. д.

Участники конференции совершили поездку по пушкинским местам

по маршруту Мцхета — Душети, ознакомились с достопримечательностями Тбилиси, посетили Музей дружбы народов.

Пушкинская конференция в Тбилиси — еще одно доказательство бережного отношения нашего народа к своим духовным ценностям, еще одно проявление нерушимой дружбы братских народов Советского Союза.

Сдано в набор 17 мая 1977 г. Подписано к печати 6 июля 1977 г.

6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 1722

Тираж 7050

УЭ 01661

საქართველოს
საბჭოთავო
საგარეო
აღმოსავლელი
საგარეო
აღმოსავლელი
საგარეო
აღმოსავლელი

№ 470
26. VII. 74

26-77

77-440
ქართული
ბიბლიოთეკა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა